

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

 $\frac{4(20)}{2014}$

Министерство образования и науки Российской Федерации

Научный журнал Издается с 2009 года

ВЕСТНИК

Московского государственного гуманитарно-экономического института

> № 4(20) 2014

ВЕСТНИК

Московского государственного гуманитарно-экономического института

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волков Ю.Г. – *председатель*, доктор философских наук, профессор, директор Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ (Ростов-на-Дону, Россия);

Адем Асальоглу – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии государственного университета «Тунджели» (Тунджели, Турция);

Акперов И.Г. – кандидат технических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор НОУ ВПО «Институт управления, бизнеса и права» (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Балбеко А.М. – доктор педагогических наук, профессор, директор Межотраслевого института профессиональной переподготовки специалистов (Москва, Россия);

Горшков М.К. – доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия);

Губин А.В. – доктор медицинских наук, Директор Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский научный центр «Восстановительная травматология и ортопедия» имени академика Г.А. Илизарова» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Россия);

Даливеля О.В. – кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой тифлопедагогики Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (г. Минск, Беларусь);

Драгункина З.Ф. – председатель Комитета по науке, образованию, культуре и информационной политике Совета Федерации Федерального Собрания РФ (Москва, Россия);

Ломакин-Румянцев А.В. – депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ, председатель Всероссийского общества инвалидов, член Совета по делам инвалидов при Президенте РФ (Москва, Россия);

Маршак А.Л. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социологии культуры Института социологии РАН, (Москва, Россия);

Ницевич В.Ф. – доктор политических наук, профессор, директор филиала ГОУ ВПО «Орловская региональная академия государственной службы» (Орёл, Россия);

Петренко В.А. – доктор педагогических наук, член Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по социальной политике (Москва, Россия);

Сидоров Н.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента в социальной сфере Института управления и предпринимательства в социальной сфере ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления» (Москва, Россия);

Синан Читчи – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института Туркията Стамбульского государственного университета (Стамбул, Турция);

Смолин О.Н. – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы Федерального собрания РФ, президент общества «Знание» России; председатель Общероссийского движения «Образование – для всех»; первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ (Москва, Россия);

Тахмазов Р.Ф. – доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета (Баку, Азербайджан);

Чернявский А.Г. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский институт государственного управления и права» (Москва, Россия).

ВЕСТНИК

Московского государственного гуманитарно-экономического института № 4(20) 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байрамов В.Д. - главный редактор, кандидат политических наук, доктор социологических

наук, профессор;

Райдугин Д.С. – заместитель главного редактора, кандидат философских наук, доцент ка-

федры социологии;

Егоров П.А. – ответственный секретарь, кандидат филологических наук, заведующий

учебной редакционно-издательской лабораторией;

Герасимов А.В. – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии; Дёгтева Л.В. – кандидат философских наук, доцент, декан факультета экономики;

Жигаева К.В. – кандидат социологических наук, декан факультета заочного и очно-заоч-

ного обучения;

Кулагин А.С. – доктор философских наук, профессор кафедры социологии;

Богатырева С.Н. - кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных

языков;

Заколодина Т.В. - кандидат технических наук, заведующий кафедрой менеджмента органи-

зации;

Кузьмичёва Н.В. - кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского

языка и литературы;

Мельцаев Д.М. – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета книгоиздания и

редактирования.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49,

Редакция журнала «Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического

института»

Телефоны: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36. Факс: (499) 160-22-05. Номер свидетельства о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-49675 от 05 мая 2012 г. ISSN 2304-6384 Интернет: www.mgsgi.ru, e-mail: RIO-mggei@yandex.ru

ВЕСТНИК

Московского государственного гуманитарно-экономического института

№ 4(20) 2014

Технический редактор

и верстка - К.А. Антонов Корректор - П.А. Егоров Дизайн обложки - О.В. Нефагина Подписано в печать 21.01.15. Формат $70 \times 108^{-1}/_{16}$. Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*. Печ. лист 9,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 2.

Московский государственный гуманитарноэкономический университет (МГГЭУ) 107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49. Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.

VESTNIK

OF MOSCOW STATE INSTITUTE OF HUMANITIES AND ECONOMICS

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

EDITORIAL COUNCIL:

Chairperson: Volkov Ju. G., Doctor of Philosophy, Professor, Principal of the Institute for Retraining and Advanced Training (Southern Federal University), Honoured Science Worker of the RF (Rostov-on-Don, Russia);

Adem Asalyoglu – PhD, Head of the Department of philosophy, state University «Tundzhili» (Tunceli, Türkiye);

Akperov I.G. – PhD of Technics, Doctor of Economics, Professor, Principal of the Institute of Management, Business and Law (Rostov-on-Don, Russia);

Balbeko A.M. – Doctor of Pedagogics, Professor, Principal of the Intersectoral Institute of Professional Retraining (Moscow, Russia);

Chernyavskij A.G. – Doctor of Law, Professor, head of the department of State Legal Disciplines, Moscow Institute of State Management and Law (Moscow, Russia);

Gorshkov M.K. – Doctor of Philosophy, Professor, Academician of RAS, Principal of the Institute of Sociology of RAS (Moscow, Russia);

Gubin A.V. – doctor of medical sciences, Director of Federal state budgetary institution «Russian scientific center «Recovery Traumatology and Orthopedics» of a name of academician G. A.Ilizarova» of Ministry of Health of the Russian Federation. (Moscow, Russia)

Dalivelya O.V. – PhD of Biology, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching of the Blind (Maxim Tank Byelorussian State Pedagogical University, Minsk);

Dragunkina Z.F. – Chairman of the Council of the Federation Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Lomakin-Rumyantsev A.V. – Deputy of the State Duma (Russian Federal Assembly), Chairperson of The all-Russian society of disabled people, member of the President's Council for the Affairs of the Disabled, the RF (Moscow, Russia);

Marshak A.L. – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of Sociology of Culture Sector, Institute of Social Studies of RAS, member of the editorial boards of "Vlast' (Authority)" and "Obshchestvo i Pravo (Society & Law)" Magazines (Moscow, Russia);

Nitsevich V.F. – Doctor of Political Sciences, Professor, Principal of Orel Regional Academy of State Service (Orel, Russia);

Petrenko V.A. – Doctor of Pedagogics, Member of the Committee on Social Policy in the Council of the Federation (Russian Federal Assembly) (Moscow, Russia);

Sidorov N.I. – Doctor of Economics, Professor, head of the Department of Managementy in Social Sphere, Institute of Management and Entrepreneurship in Social Sphere (State University of Management) (Moscow, Russia);

Sinan Chitchi – Doctor of Philology, Senior research associate of Turkiyat Institute, Istanbul state University (Stambul, Türkiye);

Smolin O.N.—Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the RAS, the first Deputy Chairman of the Committee on Education of the State Duma (Russian Federal Assembly); President of "Znanie" Society (RF), Chairperson of all-Russian movement "Education for everybody"; the First Vice-President of the Paralympics Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Takhmazov R.F. – Doctor of Medicine, Professor of Azerbaijan Medical University (Baku, Azerbaijan);

VESTNIK

OF MOSCOW STATE INSTITUTE OF HUMANITIES AND ECONOMICS Issue 4(20) 2014

EDITORIAL BOARD

V.D. Bayramov	- Editor-in-Chief, candidate of political Sciences, Ph.D in
	Sociology, professor
D.S. Raydugin	- Deputy Editor-in-Chief, Candidate in Philosophy, associ-
	ate Professor of sociology
A.V. Gerasimov	- Ph.D in Philosophy, professor, Department of history and
	philosophy
L.V. Degteva	- Candidate in Philosophy, associate Professor, Dean of the
	faculty of Economics
C.V. Zhigaeva	Candidate in sociology, Dean of the faculty of correspon-
	dence and part-time training
P.A. Egorov	- executive secretary, candidate of Philology, head of edu-
	cational publishing laboratory
A.S. Kulagin	 Ph.D in Philosophy, professor of sociology
S.N. Bogatyryova	- Candidate of Philology, associate professor, Dean of the
	faculty of foreign languages
N.V. Kuzmicheva	- Candidate of Philology, associate professor, head of the
	Department of Russian language and literature
D.M. Maltsev	- Candidate in Philology, associate Professor, Dean of the
	faculty of publishing and editing
T.V. Zakolodina	- Candidate of technical sciences, head of the Department
	of organization management

Editorial Office Address:

Editorial office of "Vestnik of Moscow State unstitute of Humanities and Economics" 49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Telephones: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36

Fax: (499) 160 -22-05 ISSN 2304-6384 www.mgsgi.ru, e-mail: RIO-mggei@yandex.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЯ	
Е.В. Воеводина	
«Инвалид» как социальная стигма и пространство для дискуссий	10
Е.О. Кубякин, В.Э. Мозговой	
Факторы информационного экстремизма в условиях трансформирующегося	
российского общества: социологический анализ	17
П.Д. Павленок	
Методология научного исследования как ядро философии социальных	
наук	22
К.В. Жигаева	
Демократизация политической власти и формирование гражданского	2.0
общества как перспектива социального развития России	30
А.В. Герасимов, К.В. Жигаева	
Гражданское общество и государство: социальные аспекты взаимодействия	40
ФИЛОСОФИЯ	
С.П. Нарыкова	
Концептуалистское понимание политической власти в транзитивном	
обществе	49
РИЛОЛОГИЯ	
В.Н. Руднев	
Стивен Кинг — эстетика ужасного	54
Н.Ю. Желтова	
А.Т. Аверченко о «Людях с прищуренными глазами»	60
ЭКОНОМИКА	
И.Л. Литвиненко, В.Ю. Корнеев	
Роль предприятий в формировании инновационной модели экономики	
России	65
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	
Р.М. Хакимов	
Развитие международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов	75
Н.Н. Литягин	
Правовые предпосылки инвестирования	85
ПЕДАГОГИКА	
Н.В. Вязовова, В.М. Толстошеина	
Отношение к инклюзии как показатель эффективности интеграционных	
процессов в высшем образовании	91
М.С. Молоканова, Н.В. Вязовова, В.М. Толстошеина	
Нравственная социализация как средство преодоления депривационных	
тенденций в условиях СДУ и инклюзивного образования	99

Contents

SUCIULUGY	
Voevodina E.V.	
Disability as a social stigma and a space for discussion	10
Kubyakin E.O., Mozgovoy V.E.	
Factors of information under extremism transformed russian society:	
the sociological analysis	17
Pavlenok P.D.	
The methodology of scientific research as the core philosophy of the social	
sciences	22
Sigaeva K.V.	
The democratization of political power and the formation of civil society	
as the future social development of Russia	30
Gerasimov A.V., Sigaeva K.V.	
Civil society and the state: social aspects of interaction	40
1	
PHILOSOPHY	
Narykova S.P.	
Conceptualist understanding of political power in the transition society	49
PHILOLOGY	
Rudnev V.N.	
Stephen King — the horrible aesthetics	54
Zheltova N.Y.	
A.T. Averchenko about «People with screw up eyes»	60
DGONO MGG	
ECONOMICS	
Litvinenko I.L., Korneev V.Y.	(5
The role of enterprises in the formation of the Russian innovative economy	63
JURISPRUDENCE	
Khakimov R.M.	
Development of international legal mechanisms to protect the rights	
of persons with disabilities	75
Lityagin N.N.	
Legal preconditions investment	85
PEDAGOGY	
Vyazovova N.V., Tolstosheina V.M.	
Attitudes towards inclusion as an indicator of the efficiency of integration	
processes in higher education	91
Molokanova M.S., Vyazovova N.V., Tolstosheina V.M.	
Moral socialization as a means overcoming deprivation trends in conditions	
of specialized children's institutions and inclusive education	99
1	-

Mironiva N.A.
On modern technologies of training of accounting personnel
Zheludeva E.V., Kovalchuk A.E.
photoart as a method of self-expression and formation of a creative person 116
Timokhin D.V.
Using of special educational tools in the model of inclusive education
MATHEMATICS
Galkanov A.G.
About the new proofs of some theorem in course of mathematical analysis 129
Fomin V.G.
To formal theory of predicates for one subject
THE TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST
Mazunina N.A.
Socio-philosophical analysis of the process integration persons with disabilities
in modern russian society
For the Attention of Authors

СОЦИОЛОГИЯ

Е.В. Воеводина

«ИНВАЛИД» КАК СОЦИАЛЬНАЯ СТИГМА И ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИСКУССИЙ

DISABILITY AS A SOCIAL STIGMA AND A SPACE FOR DISCUSSION

ВОЕВОДИНА Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии МГГЭУ (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru). VOEVODINA Ekaterina Vladimirovna — Candidate of Sociological, head of chair of Sociologies MGGEU (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируется проблема стигматизации людей с инвалидностью, обозначаются механизмы формирования стигмы, поведенческие стратегии стигматизируемых индивидов.

Ключевые слова: инвалид, стигма, девиация, модель инвалидности.

Summary. The article analyzes the problem of stigmatization of people with disabilities, indicate the formation mechanisms of stigma, behavioral strategies stigmatized individuals.

Keywords: disability, stigma, deviance, model of disability.

По данным Организации Объединенных Наций каждый десятый житель планеты имеет инвалидность. В России насчитывается свыше 13 миллионов лиц, относящихся к данной категории [11]. Причем каждый год количество людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) увеличивается и такая тенденция, по-видимому, будет сохраняться ввиду ухудшения общей экологической ситуации, приумножения «заболеваний цивилизации» и ряда других неблагоприятных факторов.

Инвалидность давно перестала рассматриваться как сугубо медицинская проблема, под ней все чаще понимается ограничение социального функционирования индивида на фоне ряда значимых институтов, таких как образование, культура, политика, семья и т.д.

Отношение к инвалидам всегда было неоднозначным и менялось на протяжении всей мировой истории. В Древней Спарте больных младенцев обрекали на гибель, сбрасывая в пропасть. Развитие идей христианства, гуманизма, с одной стороны, в значительной степени сгладило всякие негативные установки в отношении инвалидов, но на долгое время сделало их заложниками представления об «ущербности», «калечности». И лишь в XX веке в мировом пространстве стали укрепляться идеи толерантности и равных возможностей. Однако и в условиях современной социальной реальности встречаются различные стереотипы в отношении лиц с ОВЗ. Так, к примеру, в том же XX веке, в негативной евгенике и фашизме звучали идеи «очищения» общества от «неполноценных людей» во имя сохранения здорового генома человека.

Вместе с тем люди с инвалидностью всегда «выбивались» из представлений о типичном, «усредненном» человеке. И эти отличия закреплялись не только в социальных и законодательных нормах, но и в речевом обороте.

Сейчас уже трудно сказать, когда в широкое употребление вошел термин «инвалид», в буквальном переводе с латинского означающий «недействительный», «несуществующий». Многие годы этот термин используется в международном языковом пространстве, в том числе в нормативно-правовых источниках, однако его употребление часто считается неэтичным, и даже дискриминирующим.

В то же время необходимо отметить, что термин «инвалид» заменил многие по-настоящему грубые формулировки. Так, на Руси людей с физическими недостатками называли «убогими» или «каликами», в Испании для этого использовался термин «minusválidos» (в пер. с исп. «неполноценный»). В Германии люди с инвалидностью обозначались словом «Krüppel» (в пер. с нем. «калека»), позже оно было заменено на вежливое «Behinderte» (в пер. с нем. «человек с ограниченными возможностями»). В англоязычном пространстве грубое «Cripple» также было заменено на «Disabled person».

В западном пространстве говорится о двух подходах к обозначению людей с инвалидностью: прагматическом и семантическом [10]. Сторонники первого подхода поддерживают идею употребления термина «инвалид», так как он значительно упрощает речевую коммуникацию. Они отмечают, что процесс отказа от употребления в практике термина «инвалид» представляется достаточно затруднительным. Он уже закреплен в законодательстве и профессиональном лексиконе многих специалистов, работающих с данной категорией. Кроме того, в российской практике он достаточно легок в произношении и написании, нежели чем альтернативные формулировки, состоящие из нескольких слов.

Семантический подход предполагает применение различных «замещающих» формулировок обозначения инвалидности, которые не выглядели бы дискриминирующими. Ярким примером может служить словосочетание «человек с ограниченными возможностями здоровья», вошедшее в речевой обиход в последние годы. Кроме того, существуют и другие замещающие формулировки. Например, отечественный автор Е.А. Сигида предлагает ввести в употребление альтернативный термин «лица с ограничениями жизнедеятельности» [8, с. 41]. Широкое применение находит также оборот «лица с особыми потребностями».

В современной социологии укрепились отдельные научные направления, утверждающие, что социальная среда оказывает на индивида значительное влияние посредством символов и связанных с ними социальных оценок, формой которых является слово, речь: символический интеракционизм, тесно примыкающая к нему драматургическая социология И. Гофмана, некоторые постмодернистские теории. Так, например, Ж. Деррида сравнивает речь с жестом, «логической интенцией», подчеркивая, что озвученные слова выражают коммуникативное намерение, схожее с физическим действием [4, с. 302].

Обозначение определенной группы типичными речевыми оборотами, несущими негативное значение, также связывают с социальной стигматизацией.

Понятие стигмы зародилось в Древней Греции и применялось по отношению к лицам, имеющим какой-либо телесный изъян вследствие наказания или клеймения. Таким образом, стигма свидетельствовала о принадлежности обладателя к определенным, как правило, маргинальным слоям (рабы, преступники, изменники и т.д.) [3].

Современное истолкование стигмы не сильно отличается от первоначального значения. Она определяется как «ярлык», прикрепленный к основному социальному статусу личности.

Природа формирования стигмы лежит в пределах социальной идентичности. Индивиды, принадлежащие к доминирующей группе, разрабатывают систему оценок в отношении лиц, отличающихся по тем или иным статусным характеристикам. Физические нарушения, приведшие к ограничению здоровья, формируют представление об «особости» своего обладателя. В этом случае инвалидность выступает как разновидность «стигмы тела».

Как отмечает И. Гофман, стигматизация по отношению к лицам, обладающим физическими особенностями, стала широко применяться с развитием идей христианства. Сама болезнь стала связываться с религиозным аспектом, выступая в качестве «божьего промысла» [3]. Таким образом, стигматизация лиц с ОВЗ как социальной группы предстает в качестве сложного социокультурного явления.

В то же время механизмы стигматизации проявляются и на уровне самоидентификации. В этом случае принято говорить о самостигматизации или «вторичной» девиации. Так, Э. Лемерт отмечает, что личность в процессе воздействия стигмы постепенно вживается в предписанный ей образ [9, с. 213]. Причем поведение и целеустремления стигматизируемого индивида осуществляются соответственно назначенной социальной роли. К примеру, человек, частично утративший трудоспособность, в процессе воздействия ярлыка «беспомощного больного» может со временем полностью отказаться от активной деятельности даже при условии сохранения или восстановления необходимого потенциала, при успешной реабилитации. Кроме того, стигма инвалидности может развить у ее обладателя такие личные качества, как инфантильность, слабоволие, иждивенчество. При самостигматизации становится уже не так важно, как воспринимают данного индивида окружающие — как типичного представителя общества или нет. Если индивид идентифицирует себя в качестве представителя определенной общности, его установки и поведение будут определяться в соответствии с этим.

В зависимости от того, является ли стигма визуализированной (например, в тех случаях, когда болезнь выражена внешне и ее невозможно скрыть) или латентной, о которой известно только ее обладателю, например, в случае внутренних заболеваний, индивид может реагировать на нее по-разному. В первом случае индивид является носителем дискредитированной стигмы, во втором дискредитируемой. Последняя порождает внутриличностную драматическую проблему контроля над напряжением вследствие ощущения собственной нетипичности [6, с. 271].

Однако стигмы могут проявляться двояко — оказывать как отрицательное, так и положительное воздействие на своего носителя. Если она интерпретируется индивидом как раздражающий фактор, препятствующий реализации возможностей, ее носитель будет склонен к тому, чтобы разрушить навязываемый образ различными средствами, вплоть до обращения к отклоняющимся формам поведения. С одной стороны, девиация может проявляться отрицательно, воплощаясь в формах поведения, не сочетающихся с типичным образом инвалида: излишняя демонстрация сексуальности, «вредные» привычки, агрессия, цинизм и т.д.

С другой стороны, это могут быть социально одобряемые (но не типичные для «типичного образа» лиц с ОВЗ) формы поведения, проявляющиеся в повышенной социальной активности, достижениях в спорте, творчестве и т.д.

Таким образом, уместно говорить о формировании, по меньшей мере, трех стратегий в отношении стигмы:

- принятие, которое может выражаться в пассивном следовании приписанному образу, а в некоторых случаях спекуляции болезнью с излечением привилегии из внимания и сочувствия;
- *сопротивление*, которое реализуется путем компенсаторного поведения, противопоставляется типичному образу, транслируемому извне, через положительные или отрицательные формы девиации.

Положительная девиация создает предпосылки для формирования «положительной» стигмы — представлении о лицах с ОВЗ как о морально устойчивых, мужественных, сильных личностях. Она может проявиться в том случае, если инвалиду удается достигнуть высокого статуса, получить хорошую должность, добиться успеха в творчестве, спорте и т.д. Кроме того, законодательно статус инвалида обладает некоторыми преимуществами: правом на социальные выплаты (пенсии, пособия), поступление в учебные заведения вне конкурсного отбора, участие в конкурсах по поддержке талантов. Такие меры выступают в качестве позитивной девиации.

Кроме того, стигма способствует внутригрупповой сегрегации лиц с OB3. Она формирует общности, которые могут воплощаться на практике в виде общественных объединений инвалидов. По типу нарушения выделяется ряд крупных официальных организаций лиц с OB3, объединяющих слабовидящих (Всероссийское общество слепых), слабослышащих (Всероссийское общество глухих), опорников (например, общественная организация «Перспектива») и др. Нередко инвалиды определенных групп стараются подчеркивать, демонстрировать свое отличие от других категорий инвалидов: особенно это проявляется среди лиц с физическими ограничениями по отношению к ментальным.

Кроме того, стигма способствует сегрегации между типичными индивидами (без инвалидности) и нетипичными. Так, отечественный исследователь М.Н. Реут, отмечает, что лица с телесными недостатками, отклоняясь от общепринятой нормы, чувствуют себя «неправильными», «инакими», что приводит к созданию социальной дистанции «в мире, определяемом людьми без ограничений возможностей здоровья» [7, с. 50].

Кроме того, следует учитывать и то, что если на протяжении истории отношение к людям с ОВЗ изменялось, то изменялось соответственно и содержание стигм инвалидности [1]. Отметим, что в основе идентификации лиц с отклонениями здоровья доминирующими социальными группами лежат особые идеально-типические конструкции — модели инвалидности. Они выражают основные социальные установки в отношении лиц с ОВЗ. На ранних этапах исторического развития они санкционируют меры исключения данной категории из социума, на более поздних — стратегии поддержки и включения, т.е. инклюзии инвалидов (современные модели).

Вопросы анализа и классификации таких моделей широко обсуждаются отечественными (Л.И. Аксёнова, Г.В. Дудкин, В.С. Ткаченко, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.) и зарубежными исследователями (Д. Каплан, Д. Пфайфер, Д. Смарт). Модели инвалидности различаются преимущественно в контексте исторического изменения. Однако было бы ошибочным считать, что одни из них навсегда исчезают, порождая другие. Общественное мнение всегда неоднородно, поэтому в социальной среде наравне друг с другом и сегодня существуют различные и порой противоречащие друг другу модели инвалидности — как элиминирующие, так и направленные на включение лиц с ОВЗ в общество.

К моделям элиминирующего и дискриминирующего типа, негативно интерпретирующим инвалидность, можно отнести модели экономической, психологической и физической безопасности. Их можно причислить к так называемому «социально-сберегающему» подходу в том смысле, что инвалиды в нем рассматриваются как источник угрозы для общества. В связи с этим мероприятия, направленные на улучшение условий жизни инвалидов, не разрабатываются, напротив, пропагандируется идея их элиминации и сегрегации.

Модели, направленные на вовлечение лиц с ограниченными возможностями здоровья в общество, относятся к «личностно-сберегающему» подходу: в центре их внимания личность самого инвалида и меры его поддержки.

Так, медико-ориентированная модель акцентирует внимание на органической патологии лиц с ограниченными возможностями здоровья, мерах их медикаментозного лечения [5, с. 36]. Социально-ориентированная модель направлена на восприятие лиц с OB3 как «социально слабых», нуждающихся в различных формах поддержки — от системы пенсионного обеспечения до различных форм социального обслуживания.

В середине ХХ века появилась комплексно-ориентированная модель независимой жизни инвалидов, основанная на идее законодательной защиты и поддержки данной категории, создания предпосылок для реализации равных возможностей в образовательной, трудовой и др. сферах. Ее целью является формирование условий для достижения максимального уровня независимости инвалидов путем устранения физических, социальных и психологических барьеров. Следовательно, подход исключает какие-либо проявления социальной дискриминации и стигматизации.

Можно сказать, что стигма в данном случае является «нулевой» — модель стремится к тому, чтобы обозначение лиц с инвалидностью не было связано с каким-либо конкретным образом, выбивающимся из представления о типичном индивиде. Данную стратегию можно считать оптимальной, но она требует развития особой инфраструктуры сосуществования людей. Укрепление модели независимой жизни невозможно без создания доступного пространства для лиц с инвалидностью, соблюдения принципов универсального дизайна, учитывающего особенности данной категории в силу того, что пространственные барьеры способны порождать социальную дистанцию.

Соотношение возможных стигм и моделей инвалидности см. рис. [2, с. 63].

Таким образом, стигматизация людей с инвалидностью представляет собой достаточно сложное социокультурное явление, действующее на уровне идентификации и самоидентификации. Использование термина «инвалид», на наш взгляд, является стигматизирующим только в зависимости от социокультур-

Рис. Типичные стигмы в контексте моделей инвалидности

ного значения, которое обусловлено спецификой конкретного общества — его нормами, ценностями, представлениями о типичном и нетипичном. Данная проблема требует дальнейшего изучения с целью более глубокого осмысления механизмов формирования стигматизации и самостигматизации, с целью разработки технологий, направленных на снижение возможных негативных последствий данного процесса.

Список литературы

- 1. *Воеводина Е.В.* Классификация моделей инвалидности в контексте условий высшего учебного заведения: адаптационный аспект//Сервис в России и за рубежом. 2010. № (2)17.
- 2. *Воеводина Е.В.* Социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям высшего учебного заведения: социологический анализ: дис... канд. социол. наук. М., 2012.
- 3. *Гофман И*. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью //пер. с англ. М. Добряковой. Ч. 1–2. Режим доступа: Большая онлайн библиотека e-Reading // www.e-reading.org.ua (дата обращения 29.12.2014).
 - 4. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
- 5. *Колганов С.О.* Научные подходы к классификации моделей ограничений жизнедеятельности: критерии и основания для разграничения// Сервис в России и за рубежом, 2012, №1. С. 363.
- 6. $\mathit{Ритцер}\ \mathcal{A}$. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- 7. *Реут М.Н.* Стигматизация процесс выделения индивидов// Власть, 2008. №9. С. 50–52.
- 8. *Сигида Е.А., Лукьянова И.Е.* Медико-социальная работа в преодолении ограничений жизнедеятельности индивидуума// Социальные технологии в различных сферах жизнедеятельности: теория и практика. Сб. статей. М: Изд-во РГСУ. 2007. С. 41.
 - 9. Смелзер Н. Социология. М.: Политиздат, 1994.

- 10. Schwierigkeiten der Definition // Behinderung. Wikipedia: die freie Internet-Enzyklopädie. Режим доступа: Сайт Википедии — свободной интернет-энциклопедии. http://de.wikipedia.org (дата обращения 15.10.2011).
- 11. Официальный сайт партии «Единая Россия». Статья «Количество инвалидов в России составляет свыше 13 млн» Режим доступа: http://er.ru/news/2012/2/1/kolichestvo-invalidov-v-rossii-sostavlyaet-svyshe-13-mln-soobshila-golikova (дата обращения 15.10.2011).

ФАКТОРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ЭКСТРЕМИЗМА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

FACTORS OF INFORMATION UNDER EXTREMISM TRANSFORMED RUSSIAN SOCIETY: THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

КУБЯКИН Евгений Олегович— начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России (e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru).

KUBYAKIN Eugeniy Olegovich — head of the Department of Philosophy and Sociology of the University of Krasnodar Russian Interior Ministry (e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru).

 $MO3\Gamma OBO M$ Владимир Эдуардович адъюнкт кафедры философии и социологии Краснодарского университета $MB \square Poccuu$ (e-mail: k_filosofii@krdu-mvd. ru).

MOZGOVOY Vladimir Eduardovich — graduated in a military academy of department of philosophy and sociology of the Ministry of Internal Affairs Krasnodar university of Russia (e-mail: k filosofii@krdu-mvd.ru).

Аннотация: трансформирующееся общество создает условия для генезиса и развития информационного экстремизма как следствия состояния неопределенности, дисфункциональности в политической, экономической, культурной, коммуникационной сферах. В новых условиях усиливается значимость информационного экстремизма, основанного на использовании Интернета и информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: информация, Интернет, информационный экстремизм, трансформирующееся общество, общество риска.

Summary: Transforming Society creates conditions for the genesis and development of the information extremism as a consequence of uncertainty, dysfunctional political, economic, cultural, and communication sectors. Under the new conditions the increasing importance of information extremism. Based on the use of the Internet and information and communication technologies.

Keywords: Information, Internet, information extremism, transforming society, risk society.

Российское общество начала XXI в. исследователи нередко именуют «обществом риска». Аргументируется это тем, что в ситуации стремительных и масштабных перемен, затрагивающих основные социальные институты, подсистемы общества, изменяются «правила игры», тот порядок и привычные устои социума, которые являются индикатором его стабильности. Казавшаяся привычной и незыблемой социальная система рушится, и на ее место приходит новая форма социальной организации. Возникающее состояние неопределенности ставит вопросы перед наукой и практикой, так как зачастую развитие социума

опережает потенциал его научно-управленческой рефлексии. Состояние гносеологического вакуума ослабляет систему управления и создает дополнительные условия для различного рода социальных аномалий, дезорганизации и дисфункций как на макро-, так и на микроуровне социальной реальности.

В условиях стремительно изменяющегося российского общества с неизбежностью возникают моменты, приводящие к генезису и развитию различного рода дисфункций социальной системы, в том числе к развитию экстремизма [5].

Стоит отметить, что термин «экстремизм» происходит от латинского «extremus» — конец, край, предел, а экстремистскими можно назвать такие действия, которые предполагают наиболее крайние, предельные варианты решения ситуаций в социальной жизни. Это лаконичная дефиниция является весьма абстрактной: под понятие «экстремизм» подпадает широкий спектр активности различного характера [6].

В социологической литературе распространена точка зрения, согласно которой экстремизм обостряет ситуацию, доводя ее до крайности, в силу чего спокойное конструктивное решение проблемы, как правило, становится невозможным. Существенным признаком экстремизма является не экстраординарность и неожиданность, столь присуща экстремальному поведению, и даже не насилие и агрессия, а злой умысел, злонамеренность, злодейство, часто переходящее в изуверство [7, с. 7].

Проблема экстремизма в начале XXI в. обостряется вследствие его «модификации» и принятия нового, ранее не известного облика. В частности, в последние годы ученые обращают внимание на информационный экстремизм. Данный вид экстремистской деятельности основан на «отрицательном преломлении» информационного поля, на акцентуации на негативных его сторонах. В связи с этим ряд ученых уделяет внимание дисфункциональным аспектам информационного поля.

В.Н. Лопатин указывает на наличие «вредной» информации, к которой он относит:

- информацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду;
- призывы к войне;
- пропаганду ненависти, вражды и превосходства;
- распространение порнографии;
- посягательство на честь, доброе имя и деловую репутацию людей;
- рекламу (недобросовестную, недостоверную, неэтичную, заведомо ложную);
- информацию, оказывающую деструктивное воздействие на психику людей, не осознаваемое ими [3, с. 55].

Именно как эффект «преломления» информационного поля в социально негативном аспекте возникает явление информационного экстремизма. Как отмечают исследователи, «информационный экстремизм — это деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий, сопряженная с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которого является достижение публично нелегитимных и противоправных целей. Признаком информационного экстремизма является нанесение законным интересам, правам и свободам граждан физического, материального, морального и иного ущерба» [4, с. 151].

Как отмечает О.С. Жукова, «информационный экстремизм — это деятельность, связанная: а) с созданием, хранением и (или) распространением информации, содержащей предусмотренные законом признаки экстремистской деятельности; б) с использованием информации, обрабатываемой компьютером, компьютерной системы и (или) компьютерной сети; деятельность, осуществляемая в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, сопряженная с различными формами психического или опосредованного физического насилия (кибертерроризм); в) с использованием информации, оказывающей деструктивное воздействие на психику людей, не осознаваемое ими» [2, с. 12].

Рассуждая об индикаторах информационного экстремизма, необходимо принимать во внимание следующие общие и специфические его признаки:

- 1) радикальность (экстраординарность) действий в достижении каких-либо целей, реализации интересов;
- 2) антисоциальность, поскольку он нарушает исторически сложившиеся (типичные), позитивные формы и модели социально-правового взаимодействия, подрывает существующий баланс интересов, создавая между ними конфликтогенное пространство взаимодействия;
- аморальность, так как всегда идет вразрез с духовно-нравственными нормами, направлен на их нивелировку и разрушение, поскольку кризис духовно-нравственного пространства, фрагментарность его функционирования открывает простор для интенсивного развития экстремистской деятельности;
- 4) институциональность он «вызревает» и институционализируется в пограничных условиях и маргинальных пространствах;
- искажение политико-правового мышления, поскольку субъект экстремистской деятельности обладает чаще всего деформированным сознанием, что обусловливает его отчуждение от социально-культурных и политико-правовых норм и ценностей;
- 6) противоправность результатов, поскольку функционирование информационного экстремизма в ряде случаев соответствует закону, но реализует предоставленные возможности в противоположных целях» [4, с. 152].

На сегодняшний день в коммуникационной системе нашей страны наблюдается существенная институциональная трансформация. Одни факторы коммуникативного поля утрачивают свое значение, другие, наоборот, приобретают. Едва ли не в первую очередь это касается Интернета, который стремительно набирает «социальный вес» среди других форм и способов организации коммуникативного воздействия на массовую аудиторию.

По мнению Н.Р. Димлевича, «сегодня контент основных Интернет-ресурсов по продвижению идеологии насилия (террористической, экстремистской, националистической и другой направленности) носит наступательный, агрессивный характер, отличается хорошей теоретической базой, продуманным спектром методов управляемого информационно-психологического воздействия на пользователей. Наибольшую опасность для российского общества представляют русскоязычные интернет-ресурсы, вовлекающие молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, в том числе популяризирующие образ «террориста-героя» [1].

Как справедливо отмечает О.С. Жукова, «информационно-телекоммуникационные сети общего пользования (в частности, Интернет) являются наиболее перспективными средствами пропаганды экстремистских материалов ввиду оперативности предоставляемых сведений, относительной дешевизны технологии создания и распространения информации, сложности, а в большинстве случаев невозможности привлечения к ответственности лиц, размещающих такие материалы, в силу отсутствия системы международных соглашений и законодательства, регулирующих вопросы борьбы с распространением экстремистских материалов на сайтах зарубежных государств» [2, с. 13].

В связи с вышеизложенным становится очевидным, что в современных российских условиях со всей остротой проявляется такая социально-инженерная проблема, как организация и проведение мероприятий по противодействию экстремистской активности в информационно-коммуникационной системе.

Как отмечает А.В. Роговая, «система информационного противодействия экстремизму и терроризму только создается; необходимо выстроить единую систему коммуникационного обеспечения государственных, муниципальных органов и институтов гражданского общества, укрепить сотрудничество с представителями общественных и религиозных организаций, СМИ, учреждений образования, культуры и искусства, наладить специальную подготовку сотрудников правоохранительных органов и представителей институтов гражданского общества по идеологическому воздействию антиэкстремистской и антитеррористической направленности на различные группы населения» [8, с. 42].

Таким образом, мы можем отметить, что проблема информационного экстремизма заявляет о себе в начале XXI в. по мере развития интернет-коммуникации и информационно-компьютерных технологий. Произошедшая научно-техническая революция не только подарила человечеству новые, ранее не известные технологии приема и передачи информации, но и поставила перед государством и обществом ряд проблем, в том числе — поиск путей противодействия информационному экстремизму. Однако решение проблемы информационного экстремизма невозможно без слаженной работы многих институциональных структур, затрагивающих политическую, экономическую, социальную, культурную сферы социума. В настоящее время в нашей стране еще не наступило осознание опасности информационного экстремизма, его мощного влияния на сознание и поведение подрастающего поколения. Предлагаемые меры ограничения интернет-среды во многом опираются на конъюнктурные представления и на деле оказываются весьма неэффективными. В настоящее время становится очевидным, что для решения проблемы информационного экстремизма необходима консолидация российской науки и практики.

Список литературы

- 1. Димлевич Н.Р. «НЕТ!» Информационному терроризму в Интернете //Peжим доступа: http://www.truenet.info/analitika (дата обращения: 8.10.2014).
- 2. Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.
- 3. Жукова О.С., Иванченко Р.Б., Трухачев В.В. Информационный экстремизм как угроза безопасности Российской Федерации //Вестник ВИ МВД России. 2007. №1.

- 4. *Кубякин Е.О.* Молодежный экстремизм в сети интернет как социальная проблема //Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. №4.
- 5. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма. //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. N 4. С. 38–41.
- 6. *Левикова С.И*. Молодежный экстремизм как характерная черта неблагополучных общественных систем // Российская молодежь: проблемы и решения. – М., 2005.
 - 7. Молодежный экстремизм /под ред. А.А. Козлова. СПб., 1996.
- 8. *Роговая А.В.* О взаимодействии правоохранительных органов и гражданского общества в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма (экспертное мнение) //Мониторинг правоприменения. 2013. №3.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ЯДРО ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

THE METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH AS THE CORE PHILOSOPHY OF THE SOCIAL SCIENCES

ПАВЛЕНОК Пётр Денисович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГГЭУ (e-mail: joshua @mail.ru).

PAVLENOK Peter Denisovich — doctor of philosophical Sciences, Professor of chair of Sociologies MGGEU (e-mail: joshua @mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается методология как учение о приниипах построения, формах и способах научного познания. Раскрывается содержание методологии как системы: принципы, закономерности (законы), методы, технологии.

Ключевые слова: методология, философия; принципы, законы, методы; теоретические исследования; эмпирические исследования; технологии исследования.

Summary. The article discusses the methodology of how the doctrine of the principles, forms and methods of scientific cognition. Contents methodology as systems: principles, regularities (laws), methods, technologies.

Keywords: methodology, philosophy, principles, laws, methods; theoretical studies; empirical research; technology research.

В предыдущей статье «Социальные науки: значение в обеспечении жизнедеятельности общества» автор в целом уже определил соотношение философии и методологии, рассматривая последнюю (как отпочковавшуюся часть философии) в качестве относительно самостоятельного научного знания [11, c. 10].

Задача настоящей статьи рассмотреть специфику всех основных элементов методологии.

Но прежде всего о толковании методологии. Философы, социологи, логики, представители других научных направлений определяют ее, в конечном счете, как учение о принципах построения, формах и способах научного познания.

В то же время можно сказать, что имеют место разные уровни методологии [13, с. 629], а именно: методология философской рефлексии, общенаучная методология, методология наук междисциплинарного уровня, методология частных наук, методологические концепции, ориентированные на характеристику отдельных видов деятельности (методология образования, инженерного дела, методология проектирования и др.).

Кроме того, специалисты отмечают формирование так называемой профессиональной методологии как технологии мыслительной деятельности.

С учетом содержания (и наименования) статьи важно подчеркнуть отличие общей методологии от частных методологий. Если первая занимается разработкой основных принципов и средств методологической работы (подходы, понятия, схемы), то вторые — разработкой методологического обеспечения частных видов деятельности в определенных науках, дисциплинах, разных видах практики [13, с. 631].

Важна общая характеристика методологии. Поэтому обратимся к выяснению содержания ее основных компонентов (элементов).

Как уже отмечалось, методология в целом включает (должна включать в себя): закономерности (законы), принципы, методы, технологии.

Законы трактуются в науке как объективно существующие, необходимые, существенные, повторяющиеся связи явлений (процессов) в природе и обществе.

Наряду с категорией «закон» специалисты используют также понятие «закономерности». По этому вопросу — соотношение законов и закономерностей — велась и ведется дискуссия. Не вдаваясь в ее подробности, отметим, что закон предусматривает более жесткие связи между какими-то явлениями (процессами). К примеру, кипение воды при определенной температуре и давлении. Законы характерны для природы, технических процессов.

Закономерностям же присущи менее жесткие связи явлений, и они характерны для общественных процессов. Например, закон (закономерность) классовой борьбы, открытый французскими историками и английскими политэкономами в XVIII в., может проявляться в форме революций, гражданской войны, но необязательно (всегда) в таких формах столкновения противоположных классов и социальных групп.

Не случайно К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин рассматривали законы в обществе как тенденции, то есть как направления, в которых совершается развитие кого-то явления, процесса.

Различают общие и частные законы и закономерности как в природе, так и в обществе. Например, в природе: закон всемирного тяготения, закон сохранения и превращения энергии; в обществе — закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, закон об определяющей роли способа производства на все сферы жизни общества.

Можно также указать на более частные законы (закономерности) в развитии общества, такие как постоянное увеличение самодеятельного населения, ускоренный рост городского населения, абсолютный и относительный рост доли населения, занятого в непроизводственной сфере, уменьшение численности фермеров и сельскохозяйственных производителей, сближение содержания и характера труда обозначенных категорий с индустриальными видами труда и др.

Являясь относительно частными в обществе, эти законы (закономерности, тенденции) проявляются также в определенных видах деятельности, изучаемых и частными общественными, социальными науками. Например, в культурологии — в тенденции возрастания места, роли культуры, сознания в жизни общества.

О принципах как правилах, исходных положениях науки, учении, названии их в философии, общих и частных социальных науках было сказано в теме о науке. Содержательная характеристика их будет дана в соответствующих темах (о социологии, социальной истории, частных социальных науках) с привязкой к общефилософским принципам.

А теперь о методах. Метод (от греческого methodos — путь исследования, теория, учение) — это способ достижения какой-либо цели, решение конкретной задачи; это совокупность приемов или операций теоретического или практического освоения (познания) действительности (природной и общественной).

Наряду с методами в научной литературе также используется (и довольно широко) понятие технологии. Технологии — это совокупность методов.

Как уже отмечалось выше, метод есть совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения (познания) действительности.

А поскольку действительность исключительно многообразна, то и методы ее изучения и преобразования также многообразны. Мы воспользуемся двумя из них (которые, собственно, в определенной мере пересекаются). Первое основание квалификации методов связано с дифференциацией научных направлений, наук. Для нашей задачи уместно их деление, во-первых, на три крупных блока: естественные, технологические и гуманитарные (общественные, социальные) науки; во-вторых, уточнение, детализация наук в каждом блоке. В связи с этим возможна (и необходима) классификация методов на философские (с учетом того, что философия есть методология всех наук), общенаучные и специальные методы конкретных наук. Второй подход также необходимо связан с выделением методов теоретических и эмпирических исследований.

Принято считать (и не без основания) общим методом науки диалектику (от греческого dialektike (techne) — искусство вести беседу, спор). Это — теория и метод познания явлений действительности в их развитии и самодвижении, наука (учение) о наиболее общих задачах развития природы, общества и мышления. Важнейшие категории диалектики — противоречие, качество и количество, случайность и необходимость, возможность и действительность и др. Так или иначе, конечно же, своеобразно эти процессы (характеристики состояния и развития) проявляются во всех сферах, в том числе в целом в обществе, в различных областях общественной жизни. Например, противоречие, выражающееся, с одной стороны, в провозглашаемых принципах демократии, свободы, с другой — в их фактической реализации.

Разнообразны как методы теоретических, так и эмпирических исследований. Рассмотрим методы первой группы.

Первая из этой группы (подгруппы) может быть обозначена как методы абстрагирования, идеализации и формализации, восхождения от абстрактного к конкретному, метод исторический и логический и др.

Абстрагирование (абстракция) — форма познания, основанная на мыслительном выделении существенных свойств и связей предмета и отвлечение от других, частных его свойств и связей. Примером этого может служить, в частности, выделение такой формы социальной работы, как благотворительность без учета особенностей ее на разных этапах как нашей страны, так и в других странах. Социальная работа отмечена в этом и в других случаях, поскольку это междисциплинарное направление деятельности, аккумулирующее в себе политические, правовые, экономические и другие аспекты разных видов деятельности.

С этим методом связаны и другие (можно сказать конкретнее: производные от него), в частности, идеализация и формализация. Первая означает замещение реального эмпирического явления идеализированной схемой, вторая обобщение форм различных по своему содержанию процессов, абстрагирование их форм от содержания с целью выработки общих приемов оперирования с ней.

Это своего рода идеал, идеальный тип, если использовать терминологию М. Вебера, порой не имеющий ничего общего с реальностью.

Возможным примером может служить характеристика в некоторых документах и исследованиях современного российского государства как социального, не подтвержденная (во всяком случае, в полном объеме) в реальности.

Важным является метод восхождения от абстрактного к конкретному. Суть его — в переходе от абстрактного и одностороннего знания об объекте исследования ко все более конкретному его воспроизведению в теоретическом мышлении как системы научных определений. Надо сказать, что это всеобщий закон развития человеческого познания, проявляющийся во всех научных направлениях. К примеру, закономерно изучение проблематики социальной работы в рамках дисциплин «Введение в профессию» и «Социальная работа». А общие, не совсем ясные и не совсем усваиваемые положения при изучении тех или иных дисциплин на старших курсах наполняются более конкретным и реальным содержанием не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Исторический и логический методы, как правило, рассматриваются в единстве и под названием в философской литературе «историческое и логическое». Они выражают соотношение между реальным процессом действительности (объекта) и логическим развитием мысли о ней. С точки зрения взаимосвязи и различия между историческим и логическим можно рассматривать изучение общества (с учетом его деталей, хронологии и т.д.), историю и социологию (которая в этом смысле выступает логикой истории, абстрагируясь от деталей исторических процессов — войн, восстаний и т.д.). Если исторический метод применяется, к примеру, в курсе истории социальной работы, то логический преимущественно в курсе теории и методологии социальной работы.

Кроме того, надо иметь ввиду, что исторический метод тесно связан со сравнительным методом. А разновидность исторического метода (сравнительноисторического) позволяет выявлять общее и особенное в социальных объектах и субъектах, в процессе становления и развития социальной работы как феномена общественной жизни в стране и за рубежом.

В научных исследованиях очень важным является процесс обобщения как мысленный переход 1) от отдельных факторов к отождествлению их в мыслях; 2) от одного понятия, суждения и т.д. (одной мысли) к другому более общему понятию и т.д. (другой общей мысли). Обобщение влечет за собой появление новых научных понятий, законов, теорий.

Так, идея Ричмонд о необходимости использования косвенного метода (воздействие на окружающую среду) вывело исследователей на обобщающие мысли о сферах жизнедеятельности как объектах социальной работы [15].

Процесс обобщения связан с процессами абстракции, анализа, синтеза, сравнения, с различными индуктивными процедурами.

Анализ — это метод исследования, мысленное или реальное расчленение объекта на составные части (например, выделение в социальной работе ее элементов, компонентов, а в политологии — членение политической системы на политические партии, государство и т.д.).

Синтез, в противоположность этому, означает мысленное или реальное соединение различных элементов объекта в единое целое (например, в педагогике — это соединение различных ее видов и уровней).

Индукция в науке означает логический вывод, умозаключение в процессе мышления как переход от частного к общему. А дедукция состоит в логическом умозаключении от общего к частному, от общих суждений к частным и другим общим выводам. В качестве доказательства этих процедур логики служит интерпретация социальной работы как феномена общественной жизни с различных позиций — науки, учебной и практической деятельности. Кстати, такой подход в понимании индукции и дедукции применим практически ко всем основным видам образования.

Одним из научных методов, играющих важную роль в современных условиях, является моделирование. Это способ познания объектов (в том числе, социальных) путем отображения их основных характеристик, особенностей на специально созданных с этой целью моделях. При этом последняя (модель) рассматривается в широком смысле как любой образ (мысленный или условный: изображение, описание, схема, чертеж, график, план, карта и т.п.) какого-либо объекта, процесса или явления («оригинала» данной модели), используемый в качестве его «заместителя», «представителя».

Наряду с общим понятием «моделирование» используется также понятие «социальное моделирование». При этом оно трактуется как в широком смысле (моделирование общественных процессов), так и в более узком (изучение собственно социальных процессов). Например, моделирование деятельности социальной и других служб того или иного уровня или направления, вырабатываемой на основе изучения существующих и функционирующих служб и возможных более эффективных их форм как образцов. Именно поэтому моделирование выступает одним из важнейших методов прогнозирования развития как в широком, так и в узком смысле.

Из сказанного следует вывод о том, что общенаучные, философские методы исследований широко могут применяться (и применяются) в конкретных общественных науках. При этом специфика их применения состоит в учете особенностей изучаемых ими объектов, субъектов и других компонентов деятельности.

Наряду с рассмотренными методами теоретических исследований широко применяются методы эмпирических исследований. К их числу относят изучение документов, наблюдение, эксперимент, опрос, теоретические, деловые игры и др.

Метод анализа документов широко используется во всех общественных науках. В связи с этим очень важна классификация документов: по форме, по целевому назначению; по степени персонификации (личные, безличные), по статусу (официальные и неофициальные), по источнику информации (первичные, вторичные).

Выделяют два основных вида методов анализа документов: традиционный, или качественный (интерпретация сведений в документе) и формализованный, количественный, часто именуемый как контент-анализ.

Последний метод означает перевод в качественные показатели массовой текстовой (или записанный на пленку) информации с ее последующей статистической обработкой. Основные процедуры контент-анализа — это выявление смысловых единиц анализа и единиц счета (время — пространство, появление признаков в тексте, частота появления и другие, интересующие исследования показатели измерения).

Наблюдение — этот метод сбора информации об изучаемом объекте путем непосредственного восприятия и прямой регистрации фактов (событий, условий), значимых с точки зрения целей и задач исследования.

Наблюдение может быть использовано на всех этапах разработки проблемы: в ходе уточнения объекта и предмета исследования, при выдвижении и проверке гипотезы, для корректировки выводов исследовательской работы. Оно может сочетаться с другими методами исследования. В качестве особенностей наблюдения выступают: связь наблюдателя с объектом наблюдения, эмоциональность восприятия и сложность повторного наблюдения.

Эксперимент — это способ получения информации о качественном и количественном изменении показателей объекта в результате воздействия на него некоторых направленных и контролируемых факторов (переменных).

Объектом социального эксперимента выступают социальные группы, коллективы, личности (участники эксперимента).

Обычно в эксперименте сопоставляются два вида объектов (единиц эксперимента): контрольные и экспериментальные группы. В последнем случае (в экспериментальных группах) в положении объекта изменяются условия функционирования (к примеру, повышение, понижение заработной платы). Выявляется связь с этим изменением поведения и сознания экспериментируемых. В связи с этим рекомендуется принимать соответствующие решения.

Oпрос — метод сбора социальной информации об изучаемом объекте в ходе опосредованного (анкетирование) или неопосредованного (интервью) социально-психологического общения исследователя и опрашиваемого (респондента) путем регистрации ответов на вопросы, вытекающих из целей и задач исследования. Опрос может быть индивидуальным, групповым, почтовым, социометрическим.

Особенно важен опрос в исследовании социальных явлений и процессов, мало доступных непосредственному наблюдению, а также в случаях, когда та или иная сфера жизнедеятельности слабо обеспечена документальной информацией.

Получение качественных данных опроса зависит от наличия надежного инструментария, прогнозирования (знания) поведения респондентов (например, безработных, лиц, страдающих алкоголизмом и др.) при ответах на вопросы, подготовки интервьюеров, места и обстановки проведения опроса (дома, на улице, на рабочем месте и т.д.).

Одной из разновидностей опроса является экспертный опрос, реализуемый в форме «мозговой атаки» (штурма), обычной дискуссии: «дельфийская» техника и др.

«Мозговая атака» («мозговой штурм») — один из эвристических методов как средства организации продуктивного творческого мышления. В частности, он предусматривает два этапа: 1) на первом этапе участникам предлагается высказать как можно больше вариантов решения задачи (не исключая и самые фантастические); 2) на втором этапе отбираются наиболее удачные идеи, рассчитанные (в том числе) на использование их на практике.

«Дельфийский метод» (или «Дельфийская техника») назван по имени храма Аполлона в Дельфах (Древняя Греция). Он предусматривает опрос экспертов в несколько туров (3–4), обработку результатов каждого тура, информирование экспертов об их результатах (каждого тура). В ходе процедур вырабатывается согласованная оценка обсуждаемых вопросов, решений.

Тестирование представляет собой способ, технику изучения и изменения сложных свойств и качеств личности, которые не поддаются непосредственно-

му наблюдению. Теория тестирования разработана в психологии. Тест строится как «батарея» относительно простых показателей (индикаторов) как элементов изучаемых свойств, на основе чего получается итоговая шкала.

Деловая игра — это метод поиска управленческих решений в различных проблемных ситуациях посредствам игры по заданным правилам. Она проводится как в групповом режиме, так и в режиме «человек-машина». Деловая игра как метод интенсивной работы позволяет включить в активное творчество всех участников (к примеру, руководителей, или специалистов тех или иных служб области, района и т.д.), способствует развитию сотрудничества, выработке навыков принятия решений.

Выделяют организационно-деятельностные, инновационные, практические и др. деловые игры. Все они, как правило, предусматривают четыре этапа: 1) ознакомление участников с целями, задачами и условиями игры (исходные данные); 2) инструктаж о порядке проведения игры (сроки, режим работы, отдыха и пр.); 3) формирование подгрупп, каждая из которых «проигрывает» свою программу, заданную роль; 4) анализ, оценка течения и результатов игры, разбор характерных ошибок и недостатков, достижений и успехов в работе подгрупп, участников деловой игры в целом.

Краткий анализ двух подгрупп методов исследований (теоретических и эмпирических) показывает, с одной стороны, их взаимосвязь, взаимодействие, с другой — определенные различия. Первые ориентированы на решение преимущественно научных проблем, формирование социального знания, концептуального аппарата науки, способов исследования.

Вторая подгруппа методов (связана более с прикладным направлением в науке) ориентирована на решение актуальных (в том числе, социальных) проблем. Отвечая на вопрос «как и для чего познается?» (например, проблема сиротства в стране, миграция, налоговая система в стране и т.д.), они призваны выполнять (в первую очередь) управленческую функцию, решать практические задачи.

В то же время такое различение между группами методов (так же как фундаментальных теорий) является в определенной мере условным. В содержание тех и других методов включается как решение научных, так и практических проблем. Только соотношение этих проблем в них разное.

Сказанное об особенностях и взаимодействии двух групп целиком относится также и к технологиям. В то же время надо учитывать структурное содержание технологий как совокупности методов, способов, приемов решения тех или иных задач.

Технологии в целом и социальные технологии в частности можно и нужно трактовать двояко: во-первых, как способы применения теоретических выводов той или иной науки в решении практических задач; во-вторых, как совокупность приемов, методов и воздействий, которые применяются для достижения поставленных целей в процессе социального развития, решения тех или иных социальных проблем.

Классификация технологий, как и методов, может быть осуществлена по разным основаниям. Одно из них — членение технологий в зависимости от дифференциации научных направлений: философские, социальные, технические.

Другое основание членения технологий — их дифференциация в зависимости от изучения конкретных областей знания, сфер общественной жизни, в частности их членение в рамках каждой конкретной, частной дисциплины.

Членение технологий (во всяком случае практического направления) может быть осуществлено в рамках профессиональной и непрофессиональной деятельности.

Оправдано также деление технологий на инновационные и рутинные (знания новых и старых методов решения проблем), а также выделение исторических технологий (то есть совокупности методов решения тех или иных проблем на разных этапах истории своей страны и других стран).

Возможно также выделение технологий (особенно практического характера) простых и сложных, реализуемых специалистами и неспециалистами, одиночками и коллективами ученых и практиков.

Список литературы

- 1. Алексеев П.В. Социальная философия: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
- 2. Социальная философия. Ч.1.: учебник для вузов / В.С. Барулин. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- 3. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
- 4. Добров Г.М. Наука о науке: начало науковедения. Киев: Наукова думка, 1989.
- 5. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования: учебник. М.: ИНФРА-М, 2006.
- 6. *Зуев К.А.* Наука: сущность, методы, возможности: методические рекомендации для студентов и аспирантов. М.: ФА, 2002.
- 7. Краткий словарь по философии //под общей ред. И.В. Блауберга, И.К. Пантина. М.: Политиздат, 1979.
- 8. Методология социального познания: Материалы республиканской научной конференции 23 декабря 2005 года /ред. Н.Г. Хайруллин. – Казань: Казанский государственный финансово-экономический институт, 2006.
 - 9. Павленок П.Д. Краткий словарь по социологии. М.: ИНФРА-М, 2000.
- 10. Павленок П.Д. Методология и теория социальной работы: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2009.
- 11. Павленок П.Д. Социальные науки: значение в обеспечении жизнедеятельности общества// Вестник московского государственного гуманитарно-экономического института, 2014. № 3. С. 10–15.
- 12. Сторожук А.Ю. Пределы науки: монография. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005.
- 13. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Национальный общественно-научный фонд/ Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003.
- 14. Технологии социальной работы: учебник/ под ред. В.И. Жукова. М.: Изд-во РГСУ, 2011.
- 15. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности //под ред. Павленка П.Д. М.: Инфра-М, 2009.
- 16. *Шугуров М.В.* Методология гуманитарного познания: учебное пособие. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004.

ЛЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

THE DEMOCRATIZATION OF POLITICAL POWER AND THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY AS THE FUTURE SOCIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

ЖИГАЕВА Камила Вагифовна — кандидат социологических наук, декан факультета заочного и очно-заочного обучения МГГЭУ (e-mail: kamilla@mggei.ru). SIGAEVA Kamila Vagifovna — candidate of sociological Sciences, associate Dean of the faculty of correspondence and part-time training MGGEU (e-mail: kamilla@mggei.ru).

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития и взаимодействия власти и гражданского общества в России. В статье представлен анализ проблематики современного отечественного политического мира. Указывается на необходимость формирования активной гражданской позиции и взаимной ответственности личности и государственных институтов.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, правовое государство, конституция, институты государственной власти, постсоветское обшество.

Summary. Discusses the development and interaction between government and civil society in Russia. The article presents the analysis of the problems of modern Russian political world. Indicates the need for active citizenship and mutual responsibility of individuals and state institutions.

Keywords: democracy, civil society, rule of law, the Constitution, state institutions, post-Soviet society.

Проблемы формирования эффективной системы взаимодействия власти и общества предопределяют необходимость поиска оптимальной системы их функционирования в рамках приоритетов социального развития. Как показал опыт многих экономически развитых стран, идеи социального партнерства, поиска и налаживания конструктивного социального диалога весьма продуктивны в жизни любого общества, но особенно в условиях трансформации. Многое зависит от качественных характеристик властных структур, их профессионализма, открытости, неподкупности, нацеленности на общенациональные интересы. Понятно, что это достижимо только в условиях постоянного контроля со стороны гражданского общества.

У государства и гражданского общества в условиях демократии имеются общие цели и задачи, направленные на процветание общества, гражданский мир, стабильность. Роль третьего, или некоммерческого неправительственного, добровольческого сектора, который отражает уровень развития базовой демократии в стране, видится не только в рационализации решения социальных проблем, но и в структуризации общества, в формировании гражданских институтов, в конечном итоге — в создании прочной базы для развития демократии в России. Несмотря на то что представители каждого из трех секторов общества по-разному видят те или иные решения социальных проблем и имеют разные возможности для их осуществления, лишь на основе консенсуса можно реализовать поставленные важнейшие социальные задачи, преодолеть социальную несправедливость и возникающие конфликты. На первый план выступает открытый и конструктивный диалог между общественными секторами, поскольку только в этих условиях возможно определить приоритетные задачи социального развития и найти приемлемые компромиссные решения, чему в немалой степени способствует учет баланса сил и интересов. В условиях демократии поиск оптимальных решений общественно значимых проблем является одним из важнейших направлений для всех общественных секторов, что создает предпосылки для успешной выработки наиболее верных решений.

Демократия — это прежде всего процесс формирования мнения. Ее главная привилегия состоит не в методе выбора тех, кто правит, а в факте: так как большая часть населения принимает активное участие в формировании мнения, соответственно можно выбирать из большого ряда личностей. Мы можем допустить, что демократия не дает власть в руки наимудрейшего и наиболее информированного и что в каждый момент решение меньшинства может быть более полезным для большинства, но это не может помешать нам все же отдать предпочтение именно демократии.

К сожалению, в постсоветских обществах акцент очень часто делается на статических аспектах демократии, как будто большинство есть неменяющаяся статичная категория. Кроме того, концепция, что правительство должно руководствоваться мнением большинства, имеет смысл, только если это мнение независимо от правительства. И это еще одна проблема постсоветских обществ. Идеал демократии основан на убеждении, что точка зрения, которая будет направлять правительство, возникла в течение независимого и спонтанного процесса. Следовательно, он требует существования широкой области, не зависящей от контроля большинства, в которой формируются мнения большинства. Существует широко известный консенсус, что по этой причине доводы за демократию и доводы за свободу слова и обсуждения неотделимы. В этом плане основной довод за демократию предполагает, что мнение меньшинства может стать мнением большинства и наоборот [1, с. 24].

Стратегия строительства в России демократического правового социального государства представляет собой долгосрочный национальный курс, закрепленный в Конституции страны и обозначающий основные пути реализации важнейших интересов народа и государства. Основная роль стратегии строительства демократического правового социального государства заключается в том, чтобы координировать и направлять все правовые действия и законотворческие ресурсы органов государственной власти и народа Российской Федерации на достижение политических, правовых, экономических и социальных целей и ценностей, зафиксированных в Конституции России. Ведь конституция — это генеральное соглашение между всеми социальными группами, включая власть, бизнес, общество в целом, о фундаментальных правилах, по которым живет страна [4, с. 14].

Однако современные процессы реализации государственной власти в России ставят под сомнение демократический потенциал осуществляемых реформ. Аналитические прогнозы определяют политическую систему России на рубеже 2020 г. как авторитарную. Подобное развитие берет истоки из наших дней («срисованные сегодняшние российские реалии»), и за 5 лет мало что изменится. Развивается система бюрократического централизма. Подобные выводы можно почерпнуть не только из мнений зарубежных специалистов.

Российские государствоведы признают, что в Конституции России заложен не только демократический, но и авторитарный потенциал. Причем оба потенциала могут в одинаковой степени развиваться, имея совершенно равное право на развитие и отражение потребностей российского общества. Возникает парадоксальный вывод, согласно которому «современный этап развития российского конституционализма связан с выявлением и развитием не столько ее демократического потенциала (особенно в вульгарно-либеральной трактовке понятия демократии), сколько в выявлении ее авторитарного потенциала» [2, с. 10].

Идеи и взгляды, заложенные в Конституции, отвечающие принципам демократического развития, на стадии их реализации вступают в противоречие с объективной реальностью. Для большинства граждан демократия не стала осознанной необходимостью, не стала понятной каждому на самом глубоком, личностном уровне. Подобное состояние общества под «демократическим прикрытием» вне конституционных механизмов способствует достижению целей, весьма далеких от позитивного развития. И речь должна идти не о преодолении «политической недоразвитости», а о преодолении фактического отстранения граждан от участия в управлении делами государства и общества.

Развитие партийной системы как создание новых центров принятия решений и новых источников идеологии не стабилизирует кризисное напряжение. В первую очередь необходимо обеспечить позитивное взаимодействие публичных ветвей власти (государственной власти и местного самоуправления) и институтов гражданского общества в пределах, обеспеченных реальной ответственностью, как внутри соответствующих институтов, так и перед гражданами (населением) с широкими полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью всех, чья власть происходит от народа.

Опыт наиболее развитых стран свидетельствует о том, что становление рынка и первоначальный этап его функционирования никогда не проходили в условиях общественно-политической нестабильности, тем более хаоса и анархии, имеющих место в нашей действительности. В такие периоды стремление «навести порядок» объективно требует усиления государственной власти, часто сопровождающееся введением авторитарных форм правления. И лишь после того как рынок обретает нормальный режим функционирования, а его субъекты освоили новые правила игры, наблюдалось постепенное смягчение давления власти, адекватное ему возвышение демократических институтов как основы гражданского общества [6, с. 43].

Подобное развитие событий не может не вызывать конкретных опасений. Укрепление государственности должно заключаться не только в усилении президентского правления и укреплении вертикали власти. Эффективное построение управления делами государства базируется не только на сбалансированной системе отношений «федеральный центр — субъект федерации», но и на активном строительстве основ гражданского общества.

Проблема создания демократического общества рано или поздно приобретает для каждой нации практическое значение. Народы разными способами работали над приближением этой мечты, воображаемой идеальной конструкции, которая обязательно должна была прийти на смену авторитарным, недемократическим формам правления. От всех составных частей гражданского общества, сознающих себя таковыми, зависит сам факт как завоевания этой свободы, так и ее удержания. Завоевывать и удерживать свободы можно либо на баррикадах, либо в залах заседаний представительных учреждений.

Институты государственной власти должны быть подотчетны гражданскому обществу, благодаря по-новому организованному выполнению ими функций защиты, координации и регулирования жизни граждан. В результате при демократизации удалось бы избежать хорошо известных опасностей классического анархо-синдикализма — попыток гражданского общества своими силами добиться своего освобождения — и чрезмерного регулирования, характерного для бюрократического государства. Было бы отброшено предположение, будто государство могло бы когда-нибудь законным образом заменить гражданское общество и наоборот. Тем самым нам бы удалось отстоять и обогатить принцип, обсуждение которого началось благодаря Т. Пейну, А. Токвиллю и Дж. Миллю. Этот принцип гласит, что разделение гражданского общества и государства должно быть неизменным признаком полностью демократического социально-политического строя, при котором собственность на средства производства, статус и право принимать решения, а, следовательно, и сама историчность больше бы не присваивались частным образом.

Стало быть, государство и гражданское общество должны стать друг для друга условием демократизации. Институты государственной власти не следует трактовать как воплощение всеобщности — этой изначально гегелевской позиции. Скорее в институтах государственной власти следует видеть инструменты, с помощью которых проводятся в жизнь законы, провозглашается новая политика, удерживаются в четко определенных правовых границах неизбежные конфликты между отдельными интересами и предотвращается принесение гражданского общества в жертву новым формам неравенства и тирании. С другой стороны, при таком раскладе многие общественные организации должны иметь больше полномочий, чтобы держать под контролем своих политических «представителей».

Без надежно защищенного и независимого гражданского общества с его автономными публичными сферами такие цели, как свобода и равенство, совместное планирование и общественное принятие решений, будут лишь пустыми лозунгами. Но без выполняемых государством функций защиты, перераспределения и разрешения конфликтов борьба за преобразование гражданского общества обернется разобщением и застоем или породит собственные новые формы неравенства и несвободы. Организация самой власти должна надежно гарантировать права и свободы от произвола и беззакония; отделенной от государства сферой является гражданское общество; парламент является неким стержнем для гражданского общества и государства, гарантом ненасильственно и добровольно устанавливаемой социально-политической гармонии.

С идеально типологической точки зрения, как отмечает К.С. Гаджиев, «гражданское общество — это своего рода социальное пространство, в котором люди связаны и взаимодействуют между собой в качестве независимых как друг от

друга, так и от государства индивидов. Это — система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных» [3, с. 74].

Правительство со своей стороны оказывает влияние на отдельно взятых граждан большей частью через разного рода группы, в которые они входят. Это верно как для демократических, так и для тоталитарных систем. Так, советское правительство использовало в своих целях все формы и типы организованных групп, включая профсоюзы, для управления государством.

Одной из наиболее институционализированных форм являются заинтересованные группы, представляющие собой разного рода организации или ассоциации рабочих, фермеров, предпринимателей, представителей различных профессий (например, врачей, адвокатов, инженеров и т.д.), церковные, женские, молодежные и иные общественные организации, объединенные общностью интересов. Одни из них имеют длительную историю, а другие формируются временно вокруг какой-либо одной проблемы или ограниченного круга проблем и по достижении своей цели распадаются. Механизмом, способным обеспечивать равновесие между гражданским обществом и государством, является парламент. Он призван открыто, справедливо и мирно устранять разногласия, свободно формулируемые в рамках гражданского общества; кроме того, решения его должны быть обязательны для государственного аппарата и его правительственных исполнительных органов; последние должны быть объектом законодательной регламентации со стороны парламента. Он является неким стержнем для гражданского общества и государства, гарантом ненасильственно и добровольно устанавливаемой социально-политической гармонии.

Гражданское общество с институциональной точки зрения не может представлять собой некий монолит или структуру с жесткой вертикальной иерархией. Это совокупность построенных на сетевой взаимосвязи ассоциаций, выступающих как равноправные и осведомленные друг о друге партнеры с одной лишь иерархией — иерархией авторитетности мнений. Однако неразвитая публичная сфера переходных демократий, в которой не сложилось общего публичного диалога, где крайне слабы горизонтальные связи между ассоциациями, а обсуждения по поводу одних и тех же проблем могут идти независимо, параллельно друг с другом и без учета мнений оппонентов, не получает права называться гражданским обществом, это скорее «мозаичное общество» [7, c. 137].

Одно из основных обязательств государства перед гражданским обществом — это формулирование в конституциях важнейших идей функционирования гражданского общества, проведение их в жизнь и защита. В связи с тем что термин «гражданское общество» подразумевает не юридическую конструкцию, а качественную характеристику развития отдельных сторон демократии, он широко используется в политической теории, но не в законодательстве, хотя может встречаться при формулировании конституционных норм-принципов, для обозначения разделов основных законов, регулирующих публичную сферу отношений, а также в качестве служебного термина.

Реальное гражданское общество — это определенное состояние общественных отношений, при которых создается возможность для участия всего народа и каждого человека в государственном управлении. При этом гражданское общество является вероятностно-статистическим. В нем проявляются статистические закономерности, отличающиеся неопределенностью, наличием случайностей. В то же время его сложная структура обеспечивает достаточную стабильность, повторяемость, упорядоченность общественных отношений. В известной степени происходит постоянное воспроизводство системной организации общества в действиях человека, и, следовательно, речь идет о том, насколько социально-политическая активность влияет на функционирование гражданского общества в целом и его институтов в частности. Иными словами, гражданин не спрашивает, что могут сделать для него другие (например, государство), он спрашивает, что он сам может сделать для самого себя и для других.

Сегодня создается впечатление, что современные рассуждения о гражданском обществе как о некоем идеале, который обеспечивает всеобщее согласие и благоденствие, имеют своей целью внедрить в сознание людей очередную утопию, поставить под сомнение способность государственных институтов не только сегодня, но и в будущем справиться со сложными проблемами современности.

Возрождение российской государственности — в установлении полицентризма принятия решений, установлении многовариантности структурой управления государством, обеспечении взаимопонимания между людьми на основе конституционных принципов приоритета власти и свобод граждан. Вертикаль власти, так необходимая для сохранения целостности России, имеет смысл, когда она развивается на демократических началах. Одной из причин ухода с исторической арены советской государственности был идеологический и экономический моноцентризм, позволивший концентрировать всю власть на общенациональном уровне. В этом были и сила, и слабость советской системы.

Гражданское общество реализует себя не столько за счет признания обществом и государством, а преимущественно за счет социальной и экономической активности граждан. Демократическая перестройка государства — естественный процесс поиска наиболее эффективной организации управления делами общества за счет создания возможностей оказывать влияние на политический процесс всем социально-политическим силам, действующим в рамках закона. Идеи демократического, правового, социального государства, естественных и неотчуждаемых прав человека, их признания, соблюдения и защиты требуют от всех современных государств (в том числе и с устоявшимися демократическими традициями) постоянного расширения непосредственных форм деятельности. Упрочение современных демократических традиций связывают не только со становлением гражданского общества, которое нельзя создать по инициативе государственной власти, но которое нельзя создать и без государственной власти.

Современная демократическая цивилизация обеспокоена не столько своим развитием, сколько своим сохранением. Обеспечение общественного согласия, достигаемое в политической (государственной) сфере, а также в не политической (сфере гражданского общества), базируется на достижении устойчивых гармоничных отношений между различными социальными группами.

При этом именно существование гражданского общества делает демократию устойчивой системой подлинного народовластия, так как в отсутствие граж-

данского общества демократия превращается в неустойчивый политический режим, несущий черты охлократии, анархии, правления демагогов, олигархии, то есть наиболее несостоятельных с точки зрения общества моделей распределения власти. Общество распадается на отдельные группы, связанные общими интересами, родственными и дружественными связями, противостоящие всему остальному обществу. Причиной этого противостояния «всех всем» является отсутствие единых правил игры, которые декларированы только формально, но не исполняются членами различных политических групп, так как они отождествляют себя не с обществом в целом, а со своей группой. Люди не воспринимают себя гражданами, не принимают на себя гражданских прав и не желают нести гражданской ответственности. В таком обществе демократия может быть только формальной.

Основной проблемой формирования гражданского общества в России является отчужденность граждан от участия в политическом процессе. Причина подобного положения дел, безусловно, заключена в подавляющем безразличии населения к политическим процессам, которое и сформировало разрыв между населением и политическими партиями, сделав их замкнутыми политическими клубами.

Именно неучастие жителей государства в политических процессах и приводит к тому, что в Российской Федерации в настоящее время не может сформироваться развитая демократия. А причина этого неучастия в отсутствии зрелого гражданского общества, в том, что подавляющее большинство населения не воспринимает себя гражданами государства, не осознает своей гражданской ответственности. Если они и проявляют политическую активность, то не в рамках существующей политической системы, а против нее, подобного же рода политическая активность масс доминировала и в Российской империи на последнем этапе ее существования, что и привело, в конечном счете, к утрате российской государственности.

Причины отсутствия в стране гражданского общества субъективны, они коренятся в том, что житель не воспринимает себя гражданином и не хочет нести гражданскую ответственность. Эту проблему невозможно преодолеть простым созданием институтов, при помощи которых может осуществляться гражданское общество, ибо эти институты, рассчитанные на уже существующее гражданское общество, не могут помочь в его возникновении. Поэтому шаги федеральной власти, ориентированные на построение гражданского общества в стране, оказываются, безусловно, правильными и своевременными, но совершенно недостаточными для достижения искомой цели.

Построить гражданское общество можно только путем воспитания гражданина, ответственного жителя своей страны, озабоченного ее судьбой, в рамках которой он воспринимает и свою собственную судьбу. При всем различии человеческих представлений о том, что необходимо для того, чтобы чувствовать себя достойным человеком, проблема эта невольно упирается в уровень благосостояния. Представитель «среднего класса» тем и отличается от бедняка, что его благосостояние вполне достаточно для «достойной жизни».

Пока потенциал гражданского общества в России остается невысоким. Гражданское общество как сложный социальный феномен многолико в проявлениях своих разнообразных качеств. Потенциал гражданского общества определяется совокупностью мнений граждан об их удовлетворенности политикой государства, функционированием многих социальных и политических институтов: правового государства, собственности граждан, демократических свобод, политического и идеологического плюрализма, экономической и политической стабильности, общественной активности граждан.

Индикатор социальной самоидентификации характеризует еще одну сторону жизнедеятельности гражданского общества. Общепризнано, что социальную основу гражданского общества составляет т.н. средний класс. Действительно, стратегическая гражданская перспектива любой страны зависит в значительной степени от характера процессов социальной самоидентификации. От того, каким образом граждане понимают и оценивают свое место, роль, статус, материальное положение в структуре социальных отношений, и тем самым формируют стратегию развития социальных отношений, во многом зависит характер траектории гражданского развития страны в будущем. Адекватность занимаемого гражданами места в жизни уровню социальных претензий определяет, в конечном счете, потенциал устойчивости общества, готовность его к структурным переменам.

Потенциал гражданского общества по индикатору обеспечения государством норм демократической жизни составил немногим больше 10%. Статистические данные и социологические измерения показывают, что приблизительно такая доля граждан страны владеет значительной собственностью, занимает высокий социальный статус, считает, что проводимые преобразования отвечают интересам большинства членов общества, разделяет ценности политического и идеологического плюрализма, правового государства и является политически активными гражданами. Социологические измерения показывают, что приблизительно для каждого десятого гражданина нашей страны сегодня гражданское общество состоялось. Остальная часть населения страны проживает в другом обществе. Их ощущения, оценки и мнения не позволяют идентифицировать его как общество, которое в полной мере защищает их интересы [5, с. 52].

Таким образом, стратегической задачей социального развития России в ближайшей перспективе является формирование гражданского общества, способного обеспечить процессы демократизации властных отношений и создать необходимую базу для прогрессивного развития государства. Формирование структур гражданского общества является основой социального партнерства государства и общества в решении социально значимых проблем. Это позволит вести открытый и конструктивный диалог между общественными секторами, определять приоритетные задачи социального развития, учитывая баланс сил и интересов различных социальных групп.

Демократизация властных отношений является неоспоримой основой дальнейшего прогрессивного развития социальных общностей. Как свидетельствует мировая практика, современная конструкция взаимоотношений между правящими и управляемыми наиболее эффективна и жизнеспособна только в том случае, если она основана на принципах демократии, позволяющей управляемым оказывать непосредственное влияние при определение вектора властного воздействия. Принципы демократии оказывают непосредственное влияние на внутреннее содержание властных отношений, не изменяя формы их реализации. Вместе с тем, уход от принципов демократии и создание атмосферы отчужденности властных структур является основной причиной политических кризисов и сменой политической элиты. Таким образом, демократизация властных от-

ношений создает стабильность их структуры, возрастание доверия к властным институтам, повышение добровольной подчиненности большинства и адекватности реагирования на принимаемые властные решения.

Потребности включения демократии в основу построения системы властных отношений определяет необходимость в стимулировании формирования в России структуры гражданского общества. Политический диалог между социально структурированным гражданским обществом и государством является признаком демократического социально-политического строя.

Вместе с тем, формирование гражданского общества, особенно в условиях России, невозможно без прямого участия государства. Неразвитость структур гражданского общества определяет потребность в осуществлении государственной властью мер, направленных на их формирование, наделение определенными полномочиями, включенность в политическую систему. С одной стороны, гражданское общество должно быть неподвластно государству и независимо от него. С другой стороны, граждане не способны создать полноценное гражданское общество, отвечающее потребностям современного развития и способное взять на себя решение определенных социальных проблем, ведение диалога с властью. Следствием этого является происходящий процесс формирования гражданского общества самой властью.

Данные процессы определяются потребностью государственной власти в развитом гражданском обществе, создающем в идеальных условиях основу для ее стабильности. Оптимальность модели «гражданское общество — правовое государство» доказано неоднократно. Вертикаль власти, так необходимая для сохранения целостности России, имеет смысл, когда она развивается на демократических началах и основана на развитом гражданском обществе. Однако формирование гражданского общества «сверху» накладывает определенный отпечаток на его структуру и специфику функционирования.

Формирование гражданского общества, как осознанной потребности прогрессивной российской государственности, требует решения властью еще целого рода проблем. К их числу можно отнести: стабильность экономики, развитие производства, рост материального благополучия населения, увеличение численности среднего класса, эффективность деятельности государственного аппарата, политических партий и других субъектов политической системы общества, уровень развития культуры, науки, усиление нравственного климата в обществе, признание и защиту духовных ценностей, доступность информации о государстве, политике, уровень развития и эффективности институциональных форм общественной активности индивидов. Построить гражданское общество можно только путем воспитания гражданского самосознания, формирования устойчивой потребности включенности индивидов в политические процессы.

Список литературы

- 1. Арутюнян А.Ш. Свобода и правило большинства (постсоветские проблемы) //Конституционное и муниципальное право. 2007. № 23. С. 24.
- 2. Боброва Н.А. Реформа власти и перспективы развития авторитарных элементов российской Конституции //Конституционное и муниципальное право. 2005. № 1. C. 10.

- 3. *Гаджиев К.С.* Политическая наука. М.: Сорос Международные отношения, 1994. С. 74.
- 4. *Зорькин В.Д*. Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России //Журнал российского права. 2004. №6. С. 14.
- 5. *Левашов В.К.* Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М.: ИСПИ РАН, 2006. С. 52.
- 6. *Тимофеев Н.С.* Государство, местное самоуправление и гражданское общество: аспекты и пределы взаимодействия //Конституционное и муниципальное право. 2005. № 9. С. 43.
- 7. *Хлопин А*. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность (Размышляя над отечественными публикациями последних лет) // Pro et Contra. 2002. Том 7. №1. С. 137.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

CIVIL SOCIETY AND THE STATE: SOCIAL ASPECTS OF INTERACTION

ГЕРАСИМОВ Анатолий Васильевич — профессор кафедры истории и философии МГГЭУ, заведующий НИЛ по проблемам профессионального образования инвалидов с нарушениями ОДС, доктор философских наук, профессор (e-mail: gav-53@mail.ru).

GERASIMOV Anatoly Vasilievich — Professor in the Department of history and philosophy MGGEU, PHD, Professor (e-mail: gav-53@mail.ru).

ЖИГАЕВА Камила Вагифовна — кандидат социологических наук, декан факультета заочного и очно-заочного обучения МГГЭУ (e-mail: kamilla@mggei.ru).

SIGAEVA Kamila Vagifovna — candidate of sociological Sciences, associate Dean of the faculty of correspondence and part-time training MGGEU (e-mail: kamilla@mggei.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются содержание и механизмы взаимодействия институтов гражданского общества и государства, определяются перспективы совершенствования правовой модели социального взаимодействия общества и государства в России на современном этапе.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, социальное взаимодействие, механизм взаимодействия.

Summary. The article discusses the content and mechanisms of interaction between civil society and the state, are determined by the prospects for improving the legal model of social interaction between society and state in Russia at the present stage.

Keywords: civil society, the state, social interaction, the mechanism of interaction.

Происходящие сегодня в России преобразования ставят своей основной задачей построение сильного правового государства и создание дееспособного гражданского общества. Решение этой задачи предполагает преодоление отчуждения государства от общества, повышение меры доверия между обществом и властью, установление партнерских отношений между властью и институтами гражданского общества, усиление их взаимной поддержки и согласованной деятельности. Укрепление такого доверия возможно только в контексте формирования в российском обществе эффективной системы социального взаимодействия с органами государственной власти.

Сущность гражданского общества состоит в том, что «оно объединяет и выражает прежде всего интересы граждан, их чаяния, свободу, запросы, потребности, а не волю правящих элит, власти, государства. Последнее (государство) призвано выступать лишь слугой общества, его доверенным представителем. Государство для общества, а не общество для государства. В то же время антагонизма между ними не должно быть» [2].

Суть и назначение государства, наиболее общие закономерности его развития раскрываются во взаимодействии его с гражданским обществом. Государство и гражданское общество существуют как две стороны противоположности, вне которой не может быть понято ни то, ни другое. В них заключены два противоположных механизма консолидации населения: гражданское общество объединяет людей сложным переплетением свободно реализуемых частных интересов, государство — как особый, специально сконструированный для этой цели институт — принуждением [8].

Взаимодействие — достаточно емкое и сложное понятие, поэтому закономерно многообразие его определений. Одни авторы трактуют его как процесс согласования и взаимного учета различных социальных интересов, другие — как взаимообусловленный процесс воздействия одних социальных групп на другие; третьи — как управляемый процесс реализации связей, который строится на базе общего и специфического в деятельности взаимодействующих сторон с целью достижения нового качественного уровня; четвертые — как объединение усилий взаимодействующих сторон для решения того или иного вопроса, организацию совместных действий.

Механизмы взаимодействия общества и власти, отличные от представительной демократии, нужны для решения тех проблем, которые ни общество, ни государство не могут решить самостоятельно. И дело не только в том, готово ли государство учитывать мнение общества. Государство зачастую не имеет необходимых интеллектуальных, информационных и иных ресурсов для решения тех или иных проблем. Но эти ресурсы есть в обществе: в гражданских организациях, бизнесе, независимых СМИ. Привлечение этих ресурсов для решения значимых для общества проблем отвечает долгосрочным интересам государства в не меньшей степени, чем интересам общества.

Прочность государственной власти во многом определяется способностью власти защищать интересы различных слоев общества, удерживать баланс общественных сил и нести социальную ответственность за результаты своей деятельности. Но ответственность за страну, отметил 12 декабря 2012 года Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию, «формируется не лозунгами и призывами, а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама «вкалывает» во имя страны, города, региона, поселка и каждого гражданина, учитывает общественное мнение». По словам В.В. Путина, «власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для национально ориентированного сознания» [4].

Если же государственная власть перестает работать на общество, ограничивает свою деятельность только обслуживанием отдельных групп, собственного аппарата, она тем самым способствует отчуждению граждан от государства и его институтов, создает условия для конфликта между обществом и властью.

Взаимодействие гражданского общества и государства осуществляется и в определенных организационно-правовых формах. Это может быть:

- государственно-правовая регламентация функционирования субъектов гражданского общества, закрепление их конституционно-правового статуса;
- участие субъектов гражданского общества, и прежде всего тех из них, которые составляют политическую систему, в организации и деятельности органов государственной власти;

- 3) запрет тотального и мелочного вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в законную частную и личную жизнь человека и гражданина;
- 4) законодательное закрепление обязанности государства по обеспечению экономической, политической и социальной безопасности человека, его прав и свобод, которые в совокупности составляют содержание конституционного статуса личности в Российской Федерации [7].

Гражданское общество — объективная данность, которую не может ни поглотить, ни ликвидировать какой-либо политический режим. Характер данного гражданского общества, общественные связи и отношения, на том или ином этапе составляющие его содержание, отношение между публичной властью и индивидуальной свободой варьируются в каждой из моделей взаимодействия гражданского общества и государства. Государственная власть может деформировать гражданское общество, сковать процесс функционирования его элементов, свести к минимуму автономию и самостоятельность индивидов и социальных групп. Но она не в силах ликвидировать материальную и духовную жизнь людей, социальные группы, основополагающие формы организации человеческой жизни, духовной культуры, наконец, присущую социальным субъектам активность.

Одним из важных механизмов функционирования гражданского общества являются инициативы граждан — индивидуальные или групповые. Так, например, даже в странах со стабильной демократической системой посредством гражданского участия может компенсироваться неэффективность системы представительства в обеспечении реализации общих интересов, равенства граждан и их доступа к влиянию на политический процесс. При этом важно отметить, что наряду с реальными формами гражданского участия, позволяющими говорить о гражданском контроле и партнерстве (общественные и экспертные советы, совместные рабочие группы и т.д.), власти часто прибегают к имитации гражданского участия, либо, в лучшем случае, к простому информированию граждан.

Гражданское участие особенно важно при решении местных проблем, касающихся, например, ЖКХ, здравоохранения, состояния окружающей среды, школьного и дошкольного образования, уровня занятости и т.д., к рассмотрению которых политические лидеры и государственные чиновники иногда подходят, не имея детальной информации и не чувствуя конфликт «изнутри». В любом случае, рассредоточение власти происходит потому, что граждане берут на себя ответственность за принятие решений, а не из-за того, что носители власти решили поделиться ею.

В развитой и эффективной форме гражданское участие проявляется на уровне открытого партнерства власти с гражданами, действенного представительства интересов граждан в органах власти, продуктивном гражданском контроле над властью. В этих случаях можно констатировать, что политическая власть децентрализуется и перераспределяется в процессе переговоров между гражданами и субъектами власти. Последние идут на то, чтобы поделиться прерогативами разработки и принятия решений, а, стало быть, и ответственностью. На основе взаимодействия политиков и граждан могут создаваться совместные политические комиссии, рабочие группы, группы для разрешения конфликтов. Но такое эффективное взаимодействие возможно лишь при условии, что сами граждане выступают не как индивидуальные «представители общественности», а объединенные в группы гражданской инициативы, гражданские (общественные) организации, имеющие достаточную интеллектуальную, техническую и финансовую базу.

Главным политическим институтом и механизмом, опосредствующим отношения между государством и гражданским обществом, является <u>парламент</u>. Только он способен инициировать политическую активность граждан, позволяет им не только осознавать свои интересы, но и согласовывать их между собой. Если рынок дифференцирует и обособляет, то парламент связывает и объединяет. Он не просто представляет разные общественные группы, но и дает им возможность уйти от прямого столкновения, избежать гражданской войны, заменяя традиционную феодальную междоусобицу гражданским миром и согласием.

Парламент нужен обществу; он является важнейшим политическим инструментом его создания, если, конечно, обладает реальной, а не фиктивной властью. Неприязнь к парламенту, принижение его роли в системе власти есть фактическое неприятие и непризнание гражданского общества, его прямое отрицание. Гражданское общество не исчерпывается, конечно, парламентской формой правления, тем более в современных условиях, включает в себя и другие формы социальной и политической активности граждан, но именно с образования парламента начинается переход к такому обществу.

Только в сочетании с парламентской формой правления рынок становится экономической основой гражданского общества, а не просто конкурентной борьбой частных лиц, озабоченных собственным выживанием и обогащением. Сам по себе рынок может сочетаться с любой формой власти. На рынке действуют не граждане, а люди, целиком подчиненные власти денежного расчета и выгоды. Не подкрепленная гражданскими добродетелями, такая активность легко становится источником криминального бизнеса и теневой экономики. Предоставленный самому себе рынок социально опасен, несет в себе элементы дезорганизации и анархии. Недаром говорят о рыночной стихии. Противостоять ей при отсутствии гражданского общества может только авторитарная власть с мощным бюрократическим аппаратом. Но и она в этих условиях подвержена угрозе коррупции, прямого сращивания с мафиозными структурами. Короче, за пределами гражданского общества с его представительной формой власти рынок становится диким, а власть излишне бюрократизированной и централизованной.

Здесь кроется главная угроза возможного обратного поворота к авторитаризму, к методам «железной руки» и личной власти, к отходу от принципов правового государства. И что самое удивительное, призывы к такому повороту чаще всего исходят сегодня не столько от левых, что было бы естественно, сколько от правых, называющих себя демократами и либералами. Если раньше они видели в государстве чуть ли не главного врага рыночных реформ, то теперь они вдруг заговорили о необходимости сильной государственной власти в лице, естественно, не парламента, а Президента и подотчетного ему правительства.

Особое место в отношениях между государством и гражданским обществом занимают *политические партии*, которые оказывают содействие политическому волеизъявлению общества. Они являются тем механизмом, который выполняет важные функции по консолидации государства и общества или смягчает конфликты между ними.

Главная задача политических партий состоит в том, чтобы превратить множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев, заинтересованных групп в их совокупный политический интерес путем сведения этих интересов к единому знаменателю. Поскольку каждый отдельно взятый индивид не в состоянии непосредственно участвовать в управлении государством, то либерально-демократическая форма правления предполагала принцип представительства различных социальных слоев в системе власти. При этом в каждой стране данный принцип складывался и осуществлялся по-разному, поскольку по самой логике вещей вставал вопрос об инструментах и средствах его реализации. В качестве таких инструментов постепенно во всех странах возникли и утвердились политические партии. В политической структуре общества они выступают как носители конкурирующих друг с другом политических курсов.

Партии пронизывают всю политическую жизнь и все политические институты большинства стран. Они выполняют целый ряд функций по обеспечению связей между различными уровнями и различными ветвями государственной власти, вырабатывают компромиссные политические решения, выполняют посреднические функции между различными социальными группами, составляющими их избирательную базу, проводят мобилизацию общественного мнения в поддержку выдвигаемых ими проблем, идейно и организационно обеспечивают избирательные кампании и выдвигают кандидатов на выборные должности на всех уровнях власти.

Все это дает основания для вывода о том, что политические партии, будучи укоренены в гражданском обществе, все же в большей степени являются важными несущими конструкциями политической системы, нежели самого общества.

Гражданское общество во многом характеризуется состоянием развития местного самоуправления. Несмотря на определенную историю функционирования отечественной системы местного самоуправления, приходится констатировать, что инструментом «самостоятельного и под свою ответственность решения населением вопросов местного значения» он так и не стал.

С одной стороны, нередко приходится констатировать низкий уровень общественной инициативы на низовом уровне, иждивенческую позицию граждан, ожидающих, что все за них должны устроить власти, отсутствие у граждан желания участвовать в какой-либо форме в решении местных вопросов. Ярким показателем этой тенденции стало снижение явки на местных выборах, прошедших в сентябре 2013 года, где зафиксировали своего рода исторический минимум — явка во многих крупных городах была ниже 20%. Тем не менее, для развития общественного участия в решении вопросов местного значения прямые выборы руководителя исполнительного органа власти просто необходимы.

С другой стороны, те граждане, которые всерьез хотели бы внести вклад в развитие своих городов и поселков, не всегда имеют необходимые рычаги для воздействия на ситуацию, их деятельность нередко не находит поддержки у местных властей. Значительное количество руководителей муниципальных образований продолжают считать, что взаимодействие с общественностью сводится к просьбам граждан по отношению к властям и более или менее полным удовлетворением этих просьб со стороны органов местного самоуправления. Модели партнерского взаимодействия граждан и общества пока еще мало распространены на местном уровне. В последние годы мониторинг Общественной палаты Российской Федерации фиксирует нарастающие противоречия между возрастающей активностью граждан и неготовностью местных властей организовать с ними партнерское взаимодействие. На местном уровне фактически отсутствует практика согласования интересов различных групп граждан, не работают механизмы переговоров. И потому различные взгляды на пути решения той или иной проблемы быстро трансформируются в политическое и зачастую личностное противостояние, при котором никакие компромиссы уже невозможны [3].

Существующие проблемы в сфере взаимоотношений местных властей и общества порождены целым комплексом причин. С одной стороны, это объективные исторические причины развития российского общества. Массовый переезд граждан из сел в города, из малых городов в крупные мегаполисы сопровождается разрушением соседских связей, ростом индивидуализма. Зачастую люди живут в одном месте, а работают в другом. Работа и дорога отнимают практически все время. Оставшегося хватает только на сон и домашние дела. Для взаимодействия с соседями не остается ни возможности, ни сил. С другой стороны, даже в деревнях сегодня личное общение все больше заменяется просмотром телевизора или общением в социальных сетях. Все это создает принципиально новую реальность, новые формы общественной активности, которые не всегда совместимы с привычными моделями местного самоуправления.

С другой стороны, пассивность граждан — прямой результат сформировавшейся в муниципальных образованиях управленческой модели, сложившейся социальной практики. Ситуация усугубляется тем, что вместо истинной общественной активности в некоторых муниципалитетах взращиваются имитационно-демонстрационные ее формы. Большинство механизмов общественного участия (референдумы, собрания, конференции, сходы; публичные слушания; опросы граждан; правотворческая инициатива) зачастую остаются невостребованными или превращаются из формы народного волеизъявления в его имитацию.

Важную роль в отношениях между гражданским обществом и демократическим государством играют *средства массовой информации*, которые выступают одновременно и каналом выражения мнения общества, и средством его формирования, и инструментом контроля общественности над властью и государством. Поэтому право на информацию, доступ к ней и обеспечение свободы слова имеют жизненное значение не только для отдельных лиц, но и для всего общества [1].

По нашему мнению, необходимо придерживаться таких принципов при обеспечении эффективной связи между гражданским обществом и демократическим государством (последнее обязано их обеспечить):

- понимание места СМИ как «четвертой власти», ручательства эффективной деятельности всего государственного организма;
- создание совершенной законодательной базы, определение статуса, роли и прав СМИ, обеспечение их независимости;
- достижение дистанцирования СМИ от деятельности политиков;
- предоставление руководству органов правления СМИ свободы в редакторских и журналистских решениях в границах закона, их назначение на контрактных основах;

- невозможность занятия этими лицами постов в правительстве или в другой властной структуре;
- субсидирование СМИ на нейтральных основах и на продолжительное время по постановлению органа, не связанного с правительством или парламентом:
- обеспечение конкуренции между СМИ как рычага определения параметров профессиональной деятельности и т.п.

Для развития прессы как института гражданского общества, для эффективности государственной информационной политики в процессе становления и развития гражданского общества необходимо принять ряд мер. Среди них создание рыночных условий для развития СМИ путем сокращения адресного финансирования СМИ из средств федерального и регионального бюджетов, внедрения системы распределения части бюджетных средств на конкурсной основе, отказа от публикации официальной информации в СМИ, предусмотрев для этого специальные бюллетени, электронные системы общего доступа. Запрет в СМИ, финансируемым из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, в т.ч. районным и муниципальным, публикации рекламы на коммерческой основе, установление льготного режима налогообложения редакций СМИ и др.

Значительное место в реализации взаимодействия государственной власти и гражданского общества занимает информационная открытость, прозрачность деятельности властных структур, которые поставят власть под контроль граждан. Сущность прозрачности состоит в свободном обеспечении доступа россиян к полной, достоверной, своевременной информации о деятельности и принимаемых решениях органов государственной власти и местного самоуправления.

Первые мероприятия, связанные с обеспечение прозрачности исполнительной власти в стране, стали осуществляться в рамках Федеральной целевой программы «Электронная Россия». Но более интенсивно этот процесс стал развиваться в связи с начавшимся в 2008 году глобальным экономическим кризисом, который заставил правящий класс более решительно создавать условия для обеспечения прозрачности деятельности власти. Были приняты три важных закона: об обеспечении доступа к информации о деятельности судов, а также государственных органов и органов местного самоуправления, о противодействии коррупции. Данные законы в значительной мере позволяют российскому обществу контролировать деятельность власти, знать о доходах и имуществе ее представителей. Однако это только начало пути к прозрачности, так как эти законы не открывают всю информацию о деятельности государственных и муниципальных служащих и судей.

Например, в законе о доступности информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в процедуре получения гражданами информации слишком многое отдается на усмотрение лиц, обязанных эту информацию предоставлять. По сути органы власти сами решают, какую информацию давать, а какую нет. До тех пор пока в законе не будет установлен императив свободного предоставления гражданам полной и достоверной информации о деятельности власти, нельзя будет говорить об эффективном общественном контроле, который заставит власть исполнять закон, быть ответственной, а, следовательно, компетентной.

Другой пример, в законе о противодействии коррупции не установлен механизм проверки достоверности и полноты предоставляемых данных о доходах и собственности чиновников. Неудивительно поэтому, что 70% россиян по данным ВЦИОМ, ознакомившихся с опубликованными декларациями о доходах и имуществе представителей власти, не доверяют им.

Неудовлетворительно в законе установлен и механизм ответственности за предоставление недостоверных и неполных сведений о доходах и имуществе. Отсутствует в законе и процедура конфискации имущества за коррупцию.

В 2013 году был подготовлен стандарт открытости федеральных органов исполнительной власти, который был разработан рабочей группой Правительственной комиссии по координации деятельности Открытого правительства с привлечением членов Экспертного совета при Правительстве, министерств и ведомств, общественных организаций и СМИ. В настоящее время проект дорабатывается. В течение последнего года 45 министерств и ведомств создали страницы с открытыми данными на своих официальных сайтах в сети Интернет [6].

С каждым годом качество сайтов федеральных органов исполнительной власти растет, а их информационная наполненность увеличивается [5]. По итогам первоначальной оценки по совокупности сайтов федеральных органов исполнительной власти было представлено 56,096% информации от всего объема сведений, которые должны быть представлены на официальных сайтах этих органов государственной власти.

В 2013 г. был запущен новый инструмент по учету интернет-петиций граждан — «Российская общественная инициатива (РОИ)», созданный согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. Выступать с предложениями на официальном портале РОИ, как и голосовать, могут граждане старше 18 лет, авторизованные через систему Государственных услуг. Если инициатива в течение года получает необходимое число голосов (100 тыс. для федерального уровня и регионов с населением более 2 млн человек; 5% населения — для муниципалитетов и других регионов), ее направляют в экспертную группу соответствующего уровня. На федеральном уровне ее состав будет определять правительство. Она должна включать представителей бизнес-сообщества, общественных объединений, исполнительной власти, депутатов, сенаторов и членов Общественной палаты Российской Федерации. По такой же схеме рабочие группы будут созданы на региональном и муниципальном уровне. Именно они будут принимать решение «о целесообразности разработки проекта соответствующего нормативного правового акта и (или) об иных мерах по реализации данной инициативы». Первые инициативы, набравшие 100 тыс. голосов, уже рассмотрены экспертными рабочими группами, реализована инициатива о возвращении минимально допустимого уровня содержания алкоголя в крови водителя. Российская общественная инициатива в условиях постоянного расширения пространства интернет-культуры способна стать одним из значимых каналов общественно-государственного взаимодействия и обратной связи.

В заключение отметим, что проблема взаимодействия государства и гражданского общества — ключевая в процессе государственного строительства. Государство, выступая результатом самоорганизации общества и реализуя переданные ему властные полномочия по управлению и организации общественной жизни, формирует легитимные формы социального взаимодействия с граж-

данским обществом. При этом самоорганизующиеся свойства гражданского общества реализуются в рамках правового пространства функционирования его институтов, задающих формы и параметры социальных коммуникаций общества и государства, пределы и формы взаимного влияния на динамику общественного развития и выработку властных решений. Создавая правовую основу формирования институтов гражданского общества, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу, государство осуществляет рост доверия между обществом и властью, помогает установить партнерские отношения. Это ведет к усилению их взаимной поддержки и согласованной деятельности, подчинению функционирования государства интересам общественного саморазвития.

Список литературы

- 1. *Гудкова В.В.* Государство и информационное общество //Тр. Моск. гос. юрид. акад. 2002. № 4. С. 278.
- 2. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 4-е изд. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С.108.
- 3. Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. М., Общественная палата Российской Федерации, 2013. С. 37.
- 4. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. Официальный сайт Президента России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979 (дата обращения: 22.10.14).
- 5. Результаты мониторинга официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти 2013, Фонд Свободы Информации. Режим доступа: http://www.svobodainfo.org/ru/node/2527 (дата обращения: 22.10.14).
- 6. Российские ведомства приступили к активной публикации открытых данных, Агентство социальной Информации. Режим доступа: http://www.asi.org.ru/news/rossijskie-vedomstva-pristupili-k-aktivnoj-publikatsii-otkry-ty-h-danny-h (дата обращения: 22.10.14).
- 7. *Щекочихин П.Г.* Конституционные основы гражданского общества в Российской Федерации //Проблемы науки конституционного права / под ред. М.И. Кукушкина. Екатеринбург, 2006. С. 85–89.
- 8. *Шабров О.Ф.* Политическая система: Демократия и управление обществом //Государство и право. 2004. № 5. С. 19.

ФИЛОСОФИЯ

С.П. Нарыкова

КОНЦЕПТУАЛИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

CONCEPTUALIST UNDERSTANDING OF POLITICAL POWER IN THE TRANSITION SOCIETY

НАРЫКОВА Светлана Петровна— кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВЛ России.

NARYKOVA Svetlana Petrovna — PhD, associate professor, doctoral student in philosophy and sociology of Krasnodar University Russian Interior Ministry.

Аннотация. В статье предпринимается попытка определения транзитивного общества в концептуалистской объяснительной модели.

Ключевые слова: транзитивное общество, концептуализм, традиционное общество, информационное общество.

Summary. The paper attempts to determine the transitive society conceptualist explanatory model.

Keywords: transitive society, conceptualism, traditional society, the information society.

Принципиальным отличием концептуалистического подхода в сфере понимания специфики функционирования политической власти в транзитивном обществе является акцент не столько на знания, сколько на проблему формирования и использования средств информационной коммуникации в различных социально-политических процессах. Основанием для акцентирования внимания на роли процесса коммуникации и средств транслирования информации в политических отношениях транзитивного общества является то, что оно само по себе является коммуникацией, то есть средством социальной связи между различными и даже противоположными по своим ценностным ориентирам социально-политическими моделями устройства общественной жизни. Находясь в переходном состоянии, общество, с одной стороны, частично усваивает новые идеалы, к которым стремится, а с другой — оставляет нетронутыми ряд ценностей прежнего уклада социальных отношений. Такой синтез, несмотря на его временный характер, требует для своего существования определенного социального консенсуса, невозможного вне диалога внутри общества. Одним из результатов социального диалога и социального компромисса, имеющего место в транзитивном обществе, является особое положение политической власти.

Концептуалистическое понимание политической власти в транзитивном обществе лучше всего представлено в теории сетевой коммуникации, разработанной американским социологом Мануэлем Кастельсом [1]. Согласно Кастельсу, современное транзитивное общество — это особый социальный феномен, противоположный, с одной стороны, традиционному обществу, продолжающему свое существование в целом ряде африканских и азиатских стран, а с другой — информационному обществу. Характеризуя современное информационное общество, Кастельс подчеркивает его динамическую и одновременно коммуникативную природу: «Наше общество построено вокруг потоков капитала, информации, технологии, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки являются не просто одним из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни... Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его, — пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик, которая доминирует в сетевом обществе и формирует его... Под потоками я понимаю целенаправленные, но повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [1, с. 326].

Специфика понимания Кастельсом информационного общества и связанного с ним процесса глобализации заключается в том, что они, как ни парадоксально это звучит, имеют локальный характер. Американский социолог выделяет три сужающиеся сферы локализации информационных потоков и соответствующего им социально-политического уклада жизни: три центра современной экономики (США, Япония, Европа); мегаполисы этих стран; деловые центры этих мегаполисов. Таким образом, информационное общество оказывается ограниченным современными развитыми странами и представляет собой высший социальный слой мировой цивилизации.

Информационному обществу противостоит транзитивное общество, представленное странами латинской Америки и Россией. Главной характерной чертой социально-экономического и политического устройства этих стран Кастельс признает доминирующую роль государства. По мысли американского социолога, этатизм представляет собой главный тормоз на пути формирования социальной структуры, соответствующий современным информационным технологиям. Противостояние государства и сетевой коммуникации представляет собой главное содержание политической жизни транзитивного общества. Авторитарная власть, пытающаяся контролировать важнейшие политические, экономические и социальные процессы, не заинтересована в той свободе мышления, слова и поведения, которые предоставляют человеку современные цифровые технологии.

Резюмируя взгляды американского социолога на процессы, происходящие в странах транзитивного состояния, А.В. Назарчук пишет: «У Кастельса немало размышлений и о судьбе стран развивающегося мира — Латинской Америки, России. В современном мире, с его точки зрения, последняя образует особый регион, обозначаемый в историческом плане господство этатизма. Несмотря на левые симпатии социолога, этатизм подвергается в системе его воззрений уничтожающей критике — не столько с идеологической точки зрения, сколько с точки зрения способностей к усвоению технологий коммуникаций. Этатизм в наименьшей мере подготовлен к сетевому обществу. Сила вертикальных иерархий гасит инициативу горизонтальных сетей. От более определенного предсказания будущего России автор воздерживается» [2, с. 295].

Завершая краткий анализ концептуалистического подхода к пониманию роли политической власти в транзитивном обществе, необходимо подчеркнуть, что оно часто имеет ценностную нагрузку. Так, формируя идеал информационного общества и коммуникативной политики, концептуализм в исследованиях транзитивного общества изначально нацелен на его негативную оценку. Во многом это связано с тем, что данный идеал возникает на основе обобщения процессов, протекающих в современном западном обществе. По этой причине многие концептуалистские теории транзитивного общества имеют ярко выраженный европоцентристский характер. Преодоление данной установки может стать исходным пунктом создания синтетической концепции роли политической власти в транзитивном обществе.

Само понятие транзитивное общество предполагает наличие направлений различных трансакций, а также определенного идеала социально-экономической жизни, который является конечной целью важнейших социальных процессов. Вместе с тем принципиальное отличие транзитивного от стабильного общества заключается в наличии не одного, а двух или даже нескольких идеалов развития, каждый из которых поддерживают определенные социальные и политические силы. При этом модель построения либерального демократического общества является лишь одним из возможных направлений социального развития. Для правильного уяснения характера транзитивных процессов необходимо понять, что социально-политическое устройство общества допускало, допускает и скорее всего будет допускать плюрализм социальных формаций и политических режимов. Данный плюрализм объясняется не столько степенью усвоения различными обществами единого социально-политического идеала, сколько различными условиями существования и функциями, выполняемыми различными формациями и политическими режимами по отношению к социальному целому.

Одной из слабых сторон либерально-демократических концепций политической власти в транзитивном обществе является то, что они рассматривают современное западное общество в качестве замкнутой самодостаточной и самоценной системы. Однако экономический кризис и угроза со стороны международного терроризма ставят перед современным западным обществом задачи, которые они не могут решить вне мобилизации имеющихся у него сил, а также без отказа от идей этики потребления и абсолютизации либерально-демократического идеала развития для всех стран и культур. В свою очередь, авторитаризм, несмотря на свою неэффективность в сфере экономики и социального развития, как подтверждает исторический опыт, способен решать определенные глобальные задачи, такие, как освоение космоса, устранение военной угрозы со стоны тоталитарных режимов и политических движений. По этой причине такая политическая формация, несмотря на все свои несовершенства, имеет право на существование, хотя и не является оптимальным способом организации социально-экономической жизни. Данное право она постоянно подтверждает приспосабливанием к новым социально-политическим, экономическим условиям,

которые выражаются в проведении так называемых догоняющих модернизаций. Несмотря на то что такого рода модернизации не позволяют политической формации достичь уровня развития экономических и смешанных формаций, но зато помогает ответить на важнейшие исторические вызовы различных эпох.

Плюралистический характер мирового социально-политического пространства представляет собой важнейшую предпосылку установления межформационной коммуникации. Прежде всего речь идет о коммуникации между политическими и смешанными (социал-капиталистическими) формациями. Естественно, что важнейшим средством регуляции такого рода отношений является международное право. Однако диалог между различными формациями возможен и необходим и с помощью средств выражения общественного мнения. Плодотворность межформационной коммуникации зависит, с одной стороны, от формирования международного информационного пространства, а с другой — от достижения им независимости от государства и власти. В целом установление межформационной коммуникации как в правовом, так и в информационном аспектах, несомненно, будет способствовать решению важнейших экологических и интерсоциальных проблем.

Функционирование политической власти в транзитивном обществе существенным образом отличается от ее функционирования в либерально-демократическом и тоталитарном обществах. Так, в первом случае правящая элита в принятии решений ограничена большим числом правовых, экономических, политических, моральных и иных правил, подтвержденных действиями неконтролируемых ею сил, начиная с судебной власти и заканчивая силой общественного мнения. Во втором случае она сама устанавливает правила игры во всех сферах. В транзитивном обществе ограничения государственной власти существенны, но во многом имеют имитационный характер. Одним из важнейших средств превращения большого числа ограничений в условность имеет давление, оказываемое элитой на различные оппозиционные силы посредством манипулирования общественным сознанием и мнением. Для успешного манипулирования сознанием в постиндустриальном обществе одних средств пропаганды недостаточно, поскольку уровень свободы в нем весьма высок. По этой причине правящая элита транзитивного общества вынуждена вести популистскую политику и с этой целью создает различные формы коммуникации с широкими слоями населения.

В силу данного обстоятельства анализ коммуникации представляет собой важнейший аспект исследования политической власти в транзитивном обществе. Важнейшими аспектами такого рода исследования следует признать анализ социального и информационного аспектов коммуникации в сфере политических отношений. Наибольший интерес для социально-философского исследования представляют анализ коммуникативных отношений, характерных для правящей элиты транзитивного общества. Естественно, что данное рассмотрение невозможно вне исследования взаимоотношений основных социальных слоев транзитивного общества, их воздействия на политическую сферу.

В свою очередь информационный аспект коммуникационных процессов, протекающих в транзитивном обществе и обладающих политической значимостью, требует исследования проблем противодействия манипулированию общественным сознанием как со стороны государства, так и со стороны олигархических группировок и политических партий, стремящихся к власти. Последовательное и всестороннее исследование данных аспектов позволит раскрыть степень коммуникативной открытости транзитивных обществ в целом и российского общества в частности.

В целом образ политической власти в транзитивном обществе, отстаиваемый в предлагаемом исследовании, можно представить следующим образом. Транзитивные процессы, протекающие в политической формации, могут иметь своей целью как переход общества в принципиальное иное формационное состояние, так и ее собственную модернизацию. В силу данного обстоятельства политическая власть транзитивного общества может иметь различные степени открытости широким слоям общественности. В первом случае государство будет в меньшей степени открыто к диалогу с обществом, нежели во втором. Решая проблемы, связанные с выживанием имеющейся политической системы в новых политических, социальных и экономических условиях, правящая элита стремится не к диалогу с обществом, а к манипулированию общественным мнением, что, однако, не означает ее полной оторванности от него. Во втором случае степень коммуникативности государственной власти будет значительно выше, и по этой причине она будет иметь гораздо меньше проблем, связанных со своей легитимностью. Однако открытость обществу неизбежно приводит к сложности совмещения старых и новых социально-политических идеалов и методов управления, что может привести к глубоким экономическим, социальным и политическим потрясениям. По этой причине правящая элита всегда должна отдавать себе отчет о направлении социального развития.

Список литературы

- 1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- 2. *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-традиция, 2009.

ФИЛОЛОГИЯ

В.Н. Руднев

СТИВЕН КИНГ — ЭСТЕТИКА УЖАСНОГО STEPHEN KING — THE HORRIBLE AESTHETICS

РУДНЕВ Владимир Николаевич — канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела НОУ ВПО «POCHOУ» (e-mail pasha4888@. vandex.ru).

RUDNEV Vladimir Nikolaevich — candidate of pedagogical sciences, the senior lecturer, Associate Professor, Chair. the Russian language and publishing SEI HPE «ROSNOU» (e-mail pasha4888@yandex.ru).

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию творчества Стивена Кинга.

Ключевые слова: эстетика, ужасное, прекрасное, безобразное, протестан-

Summary. This article is devoted to research of creativity of Stephen king. **Keywords:** aesthetics, terrifying, beautiful, ugly, Protestantism.

Ужасное — одна из эстетических категорий, наряду с прекрасным, возвышенным, трагическим, комическим, безобразным [3, с. 123–140]. Часто ужасное отождествляют с трагическим. Известный исследователь Ю.Б. Борев считает, что ужасное и трагическое — две различные эстетические категории. Он пишет: «Ужасное — близкая трагическому и глубоко ему противоположная категория. Если трагическое имеет свое разрешение в будущем, то ужасное безысходно, безнадежно. Это бедствие или гибель, не несущие в себе ничего просветляющего, не содержащие никакой надежды на освобождение от несчастий, не контролируемые людьми, неподвластные им, господствующие над ними. В трагическом несчастье величественно, оно все же возвышает человека, так как последний остается господином обстоятельств и, даже погибая, утверждает свою власть над миром. В ужасном, напротив, человек — раб обстоятельств; он не владеет миром» [2, с. 125].

Ужасное — эстетическая доминанта средневекового сознания. Тема адовых мук и грядущего Страшного Суда является излюбленной на протяжении всего Средневековья. Ее художественная вершина — это сцены «Ада» в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Вера в сверхъестественные силы, управляющие судьбой каждого человека, пронизывает романо-готический стиль. Сцены из Апокалипсиса — постоянные сюжеты для художников Средневековья. Место Ада и Рая было строго закреплено: правая сторона олицетворяла Спасение (Рай), левая — проклятие, отвержение (Ад). Тревожное ожидание Судного дня выразилось в надписи портала собора в Отене (Франция): «Пусть страх поразит здесь всех, кто окутан земными пороками, ибо судьба их явлена в ужасе этих фигур». На наш взгляд, эта гнетущая психологическая составляющая категории ужасного лучше всего отражена в творчестве американского писателя Стивена Эдвина Кинга (род. 21 сентября 1947 года).

Обычно исследователи обращают внимание на связь творчества С. Кинга с традициями протестантизма. Протестантизм как религиозное течение христианских церквей (лютеранство, кальвинизм, англиканство и др.) сформировался в XVI веке. Основным источником вероучения протестантов стало Священное Писание. Учение о природе человека в протестантизме основано на делении христиан на «избранных» и «отверженных». «Избранным» Бог помогает идти от рабства греха к свету. «Отверженные» слышат божественное слово, но пути к возрождению у них нет [11, с. 80]. Порвав с традициями средневекового католицизма, протестантизм сохранил идею Ада — места наказания душ грешников.

Тема страха, ужаса — извечная тема искусства. Немецко-американский психолог Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» (в другом переводе: «Страх перед свободой») отмечал, что протестантизм сделал акцент на порочности человеческой натуры, на ничтожности и беспомощности индивида, на необходимости его подчинения внешней силе» [14, с. 41]. «Природа человека зла и порочна», — учили протестантские теологи. Новая этика «предлагала выход, внушая индивиду, что можно обрести новую уверенность при условии полной покорности и самоуничижения» (Э. Фромм).

Деятель Реформации Ж. Кальвин систематизировал идеи М. Лютера, основателя немецкого протестантизма. Фактический диктатор Женевы, «женевский Папа», как называли современники Кальвина, стал выразителем еще более радикального религиозного течения, чем Лютер. «Кальвин выдвинул новую версию предопределения, утверждая, что бог не только предрешает, кому будет дарована благодать, но и заранее обрекает остальных на вечное проклятие» [13, с. 41].

Идеологическим знаменем Английской буржуазной революции XVII века стали именно кальвинисты. Они отличались религиозной нетерпимостью и составили авангард колонистских групп, двинувшихся на завоевание территорий в Северной Америке. Эти люди были одержимы идеей создания кальвинистского государства-церкви на новых землях. Ярким примером проявления религиозной нетерпимости первых колонистов стал принятый в Массачусетсе закон, который предусматривал смертную казнь за ересь [4, с. 24]. Энциклопедический словарь «Христианство» отмечает: «Кальвинист 16 и 17 вв. представляет собой резко очерченный тип человека, глубоко уверенного в правоте своего учения, сурового и тяжелого, враждебного светской жизни и удовольствиям, республикански-простого по внешности, вечно с молитвой или благочестивым текстом на устах» [13, с. 24].

В 1974 г. 27-летний Стивен Кинг, выпускник университета в Оронто, штат Мэн, с дипломом преподавателя (английского) языка и литературы, опубликовал роман «Кэрри». С него и началось триумфальное восхождение «короля ужасов» на литературный Олимп. Действие «Кэрри» происходит в маленьком провинциальном городке в Новой Англии. В одночасье тихая местность вдали от крупных городов — Чемберлен, штат Мэн — превратилась в кровавый кошмар. На улицах лежат трупы, над домами бушует пламя.

«Мэн был выбран еще и потому, что это классическая глубинка, край маленьких идиллических городков. Кажется, что там не может произойти ничего страшного, и как раз поэтому изображенные Кингом ужасы так шокируют и горожан, и читателей. С тех пор действие практически всех романов писателя происходит в таких вот маленьких городках, и 90 процентов из них находятся в Мэне» [16, с. 88].

Огненный Апокалипсис устроила Кэрри Уайт — несчастная школьница, которую терроризировали одноклассники и собственная мать — религиозная фанатичка. Впоследствии С. Кинг признавался: «В конечном счете я больше всего прислушиваюсь к Табби, для которой я пишу, которую хочу поразить» [9, с. 241]. Именно вот такой «идеальный читатель» — Табита Джейн Кинг увидела, что в идее о затравленной одноклассниками девушке с даром телекинеза что-то есть. Кинг дописал роман и отослал его в издательство. Вскоре «Кэрри» был издан и принес автору славу и деньги. Но только ли дело в чутье «идеального читателя» — супруги С. Кинга? Откуда у выпускника из университета в Оронто возник образ матери Кэрри Уайт Маргарет, которая нещадно бьет дочь и наказывает ее за любое проявление человеческой и эстетической радости (покупка красивого платья, встреча с одноклассником)?

В данном случае необходимо обратиться к американскому протестантизму. Период первых английских колоний в Северной Америке в конце XVII в. самое начало переселения — был временем религиозных смут. Было еще далеко до «эры доброго согласия» (так в американской историографии принято определять начало XIX века). Здесь нельзя не сказать о «женском факторе» в американском протестантизме. Например, реальный исторический персонаж проповедница Энн Хатчинсон, сорокалетняя хозяйка большой и многодетной семьи. Она провозглашала, что местные священники, подменили духовное «очищение» и связанное с этим возможное «спасение» «очищением», которое определяется прежде всего правильностью поведения. Речь шла о том, что «святость» приходит к человеку через «божественное откровение», т.е. через непосредственное «общение верующего с Богом», которое и дает познание «святой истины». Проповедница распространяла среди колонистов мысли, неизбежно ведущие к отрицанию монополии священников на «истинное» толкование «слова Бога» (Библии) и отрицанию права магистрата, опираясь на их толкование, определять праведников, поддерживать «истинную» организацию церкви и «истинное» вероучение [5, с. 39]. Вокруг Энн Хатчинсон складывается община единомышленников. Такие еретические откровения были не редкостью в Новой Англии, где еще не сложилось единой церкви, единой религиозной общины. Санкции со стороны ортодоксов не заставили себя долго ждать. В 1692 г. в городе Салеме распространилась эпидемия «салемского колдовства», во время которой 20 женщин были казнены как колдуньи [15, с. 117].

В 1980 г. в романе «Воспламеняющая взглядом» (в других переводах — «Порождающая огонь», «Несущая огонь») С. Кинг вновь обратится к теме тайных женских чар. Энди Макги становится участником научного эксперимента, который проводит таинственная Контора. Вскоре она понимает, что может внушать другим людям свои мысли.

Одна из основ американской цивилизации — протестантская культура. Протестанты, радикальные последователи учения Ж. Кальвина, говорят о необходимости «очистить» христианство. Себя они называют «народом избранным». Определение Америки как Богом избранного «нового Израиля», а американцев — «избранного народа» — неоднократно звучало и звучит в наши дни из уст политиков в США. Пуритане, «железные» люди, перевернувшие Англию своей революцией, в частности, в речах Президента А. Линкольна получили высокое звание «избранного народа» [10, с. 389–391]. Реминисценции этого звучат в романе С. Кинга «Дети кукурузы». В маленьком городке, окруженном кукурузными полями, появляется проповедник Исаак. Он убеждает подростков пожертвовать собой, чтобы кровью полить жаждущие поля, вдохнуть в них жизнь.

В. Эрлихман называет еще один источник формирования мировоззрения С. Кинга: «Молодежный бунт 60-х принес обществу новые страхи, в которых фигурировали подростки — жестокие, неуправляемые, отвергающие нравственные ценности. Многим они казались порождением Сатаны, что вызвало мгновенную реакцию создателей фильмов ужасов»» [16, с. 58]. Самый известный из них — «Ночь живых мертвецов» (режиссер — Дж. Ромеро, 1968).

«Дети кукурузы» — гениальное пророчество С. Кинга о мире детей, в котором царит жестокость и фанатизм. Девятилетний Исаак, ощутив свою богоизбранность, называет себя Верховным Смотрителем: «Лицо Исаака было торжественным под полями черной шляпы» [8, с. 467]. Подобно кальвинистам XVI–XVII вв., он глубоко уверен в правоте своего учения, сурового и тяжелого, враждебного светской жизни и удовольствиям. Читающих роман «Дети кукурузы» поражает образ разрушенного детьми музыкального органа: «Клавиши были с мясом выдраны, педали выброшены, трубы забиты сухой кукурузной ботвой». Из жизни подростков общины Исаака выброшены все человеческие радости: игрушки, смех, музыка. Символичен образ плотоядного Иисуса: «Спаситель улыбался, раздвинув губы в волчьем оскале <...> ветхозаветный или, может быть, языческий Христос, который, вместо того чтобы пасти своих овец, ведет их на заклание» [8, с. 456].

В этом произведении С. Кинга очевидна аллюзия со знаменитым романом У. Голдинга «Повелитель мух». Избавившиеся от взрослой опеки, предоставленные самим себе, дети оказались под воздействием Зла. Детская община С. Кинга — это прямая аналогия трагедиям, разыгрывающимся в наши дни. Одна из них, увы, произошла в нашей стране, в московской школе 3 февраля 2014 года. «В соседнем классе продолжался кошмар. Школьник с винтовкой наперевес взошел на кафедру и, направив ствол на одноклассников, начал рассказывать о своем детстве. А особенно подробно — о том, как ему пытались навязать веру в Бога» [1, с. 7]. Известно, что вооруженный ученик шел к женщине-учителю литературы, чтобы доказать, что она не права! По дороге он взял в заложники одноклассников, убил учителя географии и полицейского.

Анализируя творчество С. Кинга, не стоит забывать, что оно формировалось в атмосфере 70-х гг. ХХ века. Комический гротеск, эстетика абсурда — все эти понятия тогда вошли в литературный контекст благодаря «черному юмору» современных писателей. Критик писал о тогдашней ситуации в литературе: «В наши дни буквально все приобретает приставку «анти»: антивещество, антимораль, антиидеология, антиискусство» [6, с. 622]. Пародийный элемент содержит роман С. Кинга «Игра Джеральда». Он начинается как типичное современное эротическое произведение: жена играет с мужем в послушную рабыню. Прикованная к кровати героиня, Джесси похожа «на закованную в цепи Фэй Рэй, ожидающую появления огромной обезьяны в «Кинг-Конге»» [7, с. 8].

Современный исследователь-культуролог В.П. Руднев отмечает такую особенность прозы XX века, как игра между вымыслом и реальностью. Она выражается в аутизме, или аутистическом мышлении современного автора» [12, с. 240–241]. По сути писатель является шизоидом, «то есть он в своих психических установках совершенно не стремится отражать реальность, в существование или актуальность которой он не верит, а моделирует собственную реальность» (В.П. Руднев). У одних авторов эта реальность приобретает полуклинические формы (Ф. Кафка), у других — интеллектуально-изысканные (Х. Борхес), у третьих — косноязычно-интимные (С. Соколов) (классификация В.П. Руднева). Полагаем, что художественная реальность С. Кинга относится к полуклинической. Его повести, рассказы, романы населены монстрами, чудовищами, маньяками, полулюдьми, полуживотными... Играя с реальностью и вымыслом, Кинг ставит своих персонажей в пограничные «шизофренические» ситуации. Героиня «Игры Джеральда», прикованная наручниками и беспомощная, «более чем когда-либо напоминая Фэй Рэй на жертвенном алтаре в диких джунглях», как величайшую нелепость вспоминает то, что еще три часа назад она была свободна, счастлива, вольна в своих желаниях и поступках. Она слышит голоса, разговаривает с ними, спорит, пытается перекричать...

«Ужасное несет гибель прекрасного, уничтожение доброго, не содержит в себе ничего просветляющего. Такое мироощущение, полное безнадежности и отчаяния, передает, например, П. Брейгель в картине «Слепые»: судьба человечества предстает в образе слепцов, цепочкой идущих к обрыву» [17, с. 363]. Реформация, порвав с католицизмом, утвердила предопределение, поделив христиан на «избранных» и «отверженных». Фатальность протестантской концепции личности наиболее полно выражена в романе С. Кинга «Оно». Фатум в виде монстра, убивающего детей, расположился в недрах провинциального города Дерри. С удивительным постоянством (через каждые двадцать восемь лет) Оно свершает массовые убийства, поглощая в себя новые жертвы. «Избранные» бросают вызов чудовищу. В бой их ведет Билл Денборо, брат Билла, убитого монстром. Им противостоят «отверженные»: Генри Бауэрс и его дружки.

Уже с первых страниц романа дети поделены на «плохих» и «хороших». Их характеры заданы автором, судьбы определены заранее: «избранные» идут по пути Добра, «отверженные» встают на сторону Зла (Оно). Но в этом романе С. Кинг преодолевает мироощущение, полное безнадежности и отчаяния. В «Оно» Добро торжествует над Злом. Ужасное повержено Прекрасным в этом романе о «детской дружбе, которая побеждает чудовищ» [16, с. 148]. «Оно» подлинный роман-эпопея С. Кинга, «в нем Кинг впервые попытался создать собственную мифологию» (В. Эрлихман). События романа разворачиваются на протяжении большого временного промежутка, в нем показывается период взросления героев, задействовано множество персонажей, представляющих различные слои общества. Эпос С. Кинга рассказывает о героической борьбе сил Добра с мистическими силами Зла. В образе Билла Денборо явно угадываются черты самого автора. Неслучайно, что Билл Денборо — автор романа «Викинг». Здесь уместно вспомнить и древнегреческую «Илиаду», и немецкую «Песнь о Нибелунгах», и скандинавскую «Эдду».

Сам С. Кинг говорил: «Рассказы и романы — это не сувенирные футболки или деревянные футболисты. Это реликты, остатки неоткрытого ранее существовавшего мира. Дело писателя — с помощью инструментов из своего ящика достать их из земли, повредив как можно меньше» [9, с. 174].

Мы постарались в этой статье «открыть» фантастический мир С. Кинга, прояснить эстетику ужасного его романов. Каждый читатель сам вправе соглашаться с данной трактовкой или нет. Но надеемся, что наш критический анализ вызвал интерес к творчеству писателя. Как говорил сам С. Кинг, «чтение — творческий центр жизни писателя. Я, куда бы ни шел, беру с собой книгу и всегда нахожу самые разные возможности в нее зарыться. Штука в том, чтобы научиться читать не только взахлеб, но и маленькими глоточками». «Научиться читать маленькими глоточками» как раз и позволяет критический разбор художественного текста, его вдумчивое осмысление и собственная интерпретация.

Список литературы

- 1. Андрюхин А. Смерть пришла на четвертый урок //Культура. 2014. 7–13.02.
- 2. Борев Ю. Эстетика. М., 1969.
- 3. Егоров П.А., Руднев В.Н. Основы этики и эстетики: учеб. пос. М., 2012.
- 4. *Иванян* Э.А. История США. Пос. для студ. M., 2004.
- 5. История США в 4-х тт. Т.1. M., 1983.
- 6. История США в 4-х тт. Т.4. М., 1987.
- 7. *Кинг С.* Игра Джеральда. Роман. Сборник рассказов. Пер. с англ. Л., 1994.
- 8. *Кинг С.* Дети кукурузы //Стивен Кинг идет в кино. Сб. пер. с анг. М., 2010.
 - 9. Кинг С. Как писать книги. Мемуары о ремесле. Пер. с англ. М., 2011.
- 10. *Кузнецова Г.Ф.*, *Уткин А.И.* История американской культуры: учеб. М., 2010.
 - 11. Руднев В.Н. История зарубежной литературы: учеб. пос. М., 2013.
- 12. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и термины. М., 1997.
 - 13. Христианство. Энциклопедический словарь. В 2-х тт. Т.1. М., 1993.
 - *14. Фромм* Э. Бегство от свободы. Пер. с англ. М., 1990.
- 15. Энциклопедический словарь /Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXVIII. СПб., 1900.
 - 16. Эрлихман В.В. Стивен Кинг. М., 2013.
 - 17. Эстетика. Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева. М., 1989.

А.Т. АВЕРЧЕНКО О «ЛЮДЯХ С ПРИЩУРЕННЫМИ ГЛАЗАМИ»

A.T. AVERCHENKO ABOUT «PEOPLE WITH SCREW UP EYES»

ЖЕЛТОВА Наталия Юрьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Γ .Р. Державина (e-mail: nata zheltova@mail.ru).

ZHELTOVA Natalia Yurievna — doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of Tambov State University named after G.R. Derzhavin (e-mail: nata zheltova@mail.ru).

Аннотация. В статье анализируется проблема социализации близоруких людей в творчестве «короля юмора» А.Т. Аверченко сквозь призму фактов его собственной биографии. Доказывается, что писатель пронес тему плохо видящего человека через весь свой творческий путь. Посредством описания разнообразных комических ситуаций, в которые попадали близорукие, Аверченко пытался привлечь внимание общества к трудностям их жизни, формировал терпимое и сострадательное к ним отношение, настойчиво проводил мысль о том, что плохо видящие — это полноценные люди, часто «зрячие сердцем».

Ключевые слова: русская литература, проза первой трети XX века, творчество А.Т. Аверченко, проблема социализации близоруких людей.

Summary. The article analysis problem of socialization of short-sighted people in creation by «king of humor» A.T. Averchenko through the prizme of facts of his own biography. The author proves, that the writer shows the theme of a man who can see bad through his creative life. With the help of description of different comic situations, which was acquainted for short-sighted people, Averchenko tried to attract the attention of society to life's difficulties, he formed tolerance and compassion relations to them, he gave persistent the idea, that people who see bad are people who have «heart eve».

Keywords: Russian literature, prose of the one third of the 20th century, creation by A.T. Averchenko, problem of socialization of short-sighted people.

Русская литература знала немало близоруких писателей, но лишь один из них в своем творчестве поставил проблему социальной адаптации людей, страдающих этим недугом. Настоящим защитником всех плохо видящих стал русский «король смеха» Аркадий Аверченко (1880–1925) — знаменитый, влиятельный, блестящий, богатый, востребованный создатель оригинальной манеры русского юмористического рассказа, редактор популярнейшего журнала «Сатирикон» («Новый Сатирикон»), актер, театральный деятель. Фактически Аверченко является основателем оригинального юмористического направления в русской литературе, на фундаменте которого появились такие имена, как М.А. Булгаков, М.М. Зощенко, И.А. Ильиф и Е.П. Петров. Имя Аверченко в дореволюционной России было хорошо известно и простому читателю, и Николаю II. Заняв антибольшевистскую позицию однажды, Аверченко не отрекся от нее,

принял тяжелый удел изгнанника и, несмотря на соблазнительное предложение В.И. Ленина, отказался вернуться в Россию.

Факт близорукости повлиял на всю судьбу писателя, который не получил никакого образования, кроме домашнего. Но об этом Аверченко всегда говорил с присущим ему юмором и некоторым фатализмом, что придавало еще больше загадочности его и без того ярчайшей личности. В интервью литовской газете «Эхо» Аверченко говорит о своей близорукости как о некой детской шалости:

- Где вы родились?
- Гомер побил меня на четыре города.
- **--** ?!!?
- О месте его рождения спорили семь городов, а о моем рождении только три: Харьков, Севастополь и Одесса.
 - А на самом деле место вашего рождения?
 - У меня наибольшие подозрения падают на Севастополь.
 - Где вы учились?
- Нигде. Родители полагали, что у меня слабое зрение, и я с детским простодушием поддерживал это заблуждение.
 - Но вы что-нибудь кончили?
 - Да. На прошлой неделе.
 - Так поздно?!
- Да, это было поздно: половина второго ночи. Я кончил небольшой роман [1].

Между тем за шутками Аверченко стоит действительно серьезная проблема, которая проявилась уже в возрасте восьми лет. Отец писателя, Тимофей Петрович, сильно переживал, что сын не сможет получить полноценного образования. По этому поводу сам писатель вспоминал: «Девяти лет отец пытался отдать меня в реальное училище, но оказалось, что я был настолько в то время слаб глазами и вообще болезнен, что поступить в училище не мог. Поэтому и пришлось учиться дома» [2]. Дома будущего писателя учили в основном старшие сестры (всего было у Аверченко пять сестер), он постоянно находился в женском обществе, что определило магистральный вектор творчества «короля смеха» — женскую тему.

Любопытно, что в рассказе «Красивая женщина» (1912) эта тема даже пересекается с темой близорукости, которую писатель называет «анафемской». Плохо видящий главный герой за большие деньги покупает бинокль, чтобы понаблюдать за купающейся красивой женщиной, но неожиданно узнает в ней свою жену: «Близорукий взгляд чиновника Плюмажева скользнул по другому берегу, перешел на маленькую желтую купальню и остановился на какой-то фигуре, стоящей по колена в воде и обливавшей горстями рук голову в зеленом чепчике.

«Женщина! — подумал Плюмажев и прищурил глаза так, что они стали похожи на два тоненьких тире. — Ей-Богу, женщина! И молоденькая, кажется!»

Его худые, старческие колени задрожали, и по спине тонкой струйкой пробежал холодок.

— Эх! — простонал Плюмажев. — Анафемская близорукость... Что за глупая привычка — не брать с собой бинокля» [3].

Аверченко добродушно посмеивается над героем, который попадает в нелепое положение не столько из-за плохого зрения, сколько из-за своего порока — любопытства, и немедленно несет наказание не за собственную физическую неполноценность, а за свои не слишком высокие моральные качества.

Интересно заметить, что по одной из версий Аверченко усугубил свои проблемы со зрением именно из-за женщины. В юношеские годы писатель лишился левого глаза, «вступившись за женщину, с которой познакомился за пять минут до того, как она стала жертвой нападения» [6].

Однако не всегда благодушно и мягко писатель рассуждал о недуге «людей с прищуренными глазами». Проблема существования в обществе плохо видящих, близоруких людей волновала Аверченко на протяжении всей его творческой жизни. Писатель фактически впервые во всеуслышание заявил о трудностях бытия человека с плохим зрением. Не случайно именно в самую массовую «Дешевую юмористическую библиотеку «Сатирикона» писатель включает рассказ «Кое-что о близорукости» (1911). В нем Аверченко с удивительным тактом и в то же время с тонким юмором заявляет о трудном существовании определенной категории людей, к которой принадлежит и он сам: «Хотя близорукость — физический недостаток и хотя над физическими недостатками смеяться не принято, но я думаю, что несколько слов о близорукости мне можно сказать» [5, с. 273].

Именно собственное плохое зрение давало писателю право откровенно говорить о положении близоруких людей в обществе, которое часто наносило им душевные травмы: «Постараюсь не хихикать, не подсмеиваться над несчастными, обиженными природой людьми, тем более что сам я близорук очень сильно и сам я перенес из-за этого много неприятностей и огорчений, о которой дальнозоркие люди и не слыхивали» [5, с. 273]. Через обращение к образу плохо видящего человека писатель ставит общественную проблему понимания, принятия таких людей, заботится о формировании терпимого и милосердного к ним отношения, ведет просветительскую работу, констатируя социальное разделение на «своих» и «чужих»: «Вообще дальнозоркие люди не могут себе представить, что такое близорукость, а близорукие смотрят на дальнозорких как на что-то чудесное, непонятное и загадочное.

Однажды я мельком слышал такой разговор:

- Видите вы на той крыше кошку? Что это она там делает у водосточной трубы?
 - Кошку? Я не вижу даже самой крыши!
 - Как не видите? Вот эта большая, красная.
 - Я вижу что-то красненькое, но, признаться, думал, что это флаг.
 - Флаг?! Вы, наверно, притворяетесь... Просто дурачите меня.
- А я так, откровенно говоря, уверен, что это вы подсмеиваетесь надо мной. Я никак не могу понять, как это можно видеть на таком расстоянии кошку?
- Да? А вот вы убейте меня я не пойму, как это на таком расстоянии можно не увидеть кошки! Она вся, как на ладони. Видите, лапой что-то скребет...
- Ха-ха! Может быть, она блоху поймала? Вы блохи не видите? Ну, признайтесь — ведь вы выдумали вашу кошку?

Так они долго говорили на разных языках» [5, с. 273-274].

Аверченко откровенно пишет о постоянной опасности, враждебности, которые могут исходить от мира для близорукого человека. Писатель с присущим ему юмором описывает ситуации в театре, где, автобиографический герой, он стал жертвой жестоких розыгрышей: «Я часто замечал, что дальнозоркие люди презирают нас и не прочь, если подвернется случай, подшутить, посмеяться над нами. Один знакомый потащил меня в театр и там сделал меня целью самых недостойных шуток и мистификаций... А я даже и не замечал этого» [5, с. 273].

Аверченко точно описывает чувства человека, который иначе взаимодействует с миром, обращает внимание, например, на страх обнаружить свой недостаток перед другими людьми или глобальное чувство страха и беспомощности после потери пенсне, сопровождающееся со стороны окружающих чувством превосходства и желанием «облить своего несчастного друга и брата — такого же человека, как и он — ядом снисходительного презрения и жалости.

— Да где ты ищешь? Вот же оно! Эх, ты! Слепая курица!» [5, с. 276].

Аверченко замечает, что без пенсне близорукий чувствует себя «человеком, которому завязали глаза». Видимо, писатель тяжело переживал разрыв той модели любви и понимания, которые царили в его семье в детстве, с отношениями в «большом» мире взрослых. Поэтому художник неслучайно благоволил к миру детей и часто делал их героями своих произведений. Таким образом, возможно, он пытался отгородиться от несправедливости и жестокости вокруг и стремился привить обществу детскую чистоту и искренность. Эти качества Аверченко приписывал близоруким людям, которые представлялись ему большими детьми, без конца становившимися жертвами безжалостного обмана взрослых:

«В этот вечер мой знакомый тронул меня до слез своей заботливостью: он беспрестанно отыскивал глазами людей, которые, по его словам, делали мне приветственные знаки, слали дружеские улыбки, и всем им я, со своей стороны, отвечал, раскланивался, улыбался, принимая при этом такой вид, что замечаю их всех и без указаний моего знакомого...

А когда мы возвращались из театра, этот пустой ничтожный человек неожиданно расхохотался и заявил, что он все выдумывал: ни одного знакомого в театре не было, и я по его указаниям посылал все свои улыбки, поклоны и приветствия черт знает кому — или незнакомым людям или гипсовым украшениям на стенах театра.

Я назвал этого весельчака негодяем, и с тех пор ни одна душа не услышит от меня о нем доброго слова. Наглец, каких мало» [5, с. 277].

По оценке писателя, не герой по-настоящему близорук, а окружающие его люди, которые не видят реальность во всей ее полноте и многообразии, а обращают внимание только на отдельные ее элементы, принимая их за подлинное знание о мире и человеке.

После этого рассказа близорукие люди не раз становились героями произведений Аверченко («Встреча», «Венеция», «Незаметный подвиг» и другие), причем все они изображались писателем исключительно в положительном ключе: добрыми, остроумными, чуткими, несмотря на внешнюю нелепость их поведения и поступков. Странностям своих героев писатель всегда находят логичное объяснение, видит в них назидательный, воспитательный момент. Можно, видимо, говорить об особом типе героев Аверченко — «людях с прищуренными глазами», которые способны заглянуть вовнутрь человеческой натуры, становятся своеобразными камертонами человеческой души. Близорукий герой — это, несомненно, автогерой, которого писатель всегда наделяет автобиографическими чертами, позволяя себе жесткие оценки мира зрячих (дальнозорких), который кажется ему поверхностным, примитивным и чрезвычайно жестоким.

Любопытно заметить, что уже в самом конце жизни в сборнике «Рассказы циника» (1924) Аверченко снова почти в точности повторяет этот рассказ, но

уже под другим названием — «Люди с прищуренными глазами», что свидетельствует о том, что рана, наносимая обществом ему как близорукому человеку, не заживала в течение всей жизни. В этом рассказе по сравнению с изданием 1911 года Аверченко изменяет всего одну заключительную фразу: «Никогда им не понять близорукого человека!.. Боже ты мой...» [5, с. 279] на «Никогда им не понять близорукого человека!.. Несчастные мы» [4].

И поразительно, что именно проблемы со зрением стали причиной ухода Аверченко из жизни. Летом 1924 года он перенес операцию по удалению воспалившегося глаза, что спровоцировало прогрессирование болезни сердца. В 1925 году в одной из пражских больниц писатель скончался.

В некрологе соратница Аверченко по «Сатирикону», писательница Н.А. Тэффи справедливо заметила: «Многие считали Аверченко русским Твеном. Некоторые в свое время предсказывали ему путь Чехова. Но он не Твен и не Чехов. Он русский чистокровный юморист, без надрывов и смеха сквозь слезы. Место его в русской литературе свое собственное, я бы сказала — единственного русского юмориста. Место, оставленное им, наверное, долгие годы будет пустым. Разучились мы смеяться, а новые, идущие на смену, еще не научились» [7]. Можно добавить, что Аверченко все-таки многих научил смеяться, а также научил доброте, милосердию, состраданию к «людям с прищуренными глазами».

Список литературы

- 1. Аверченко А. (Интервью) //Эхо. 1923. № 6 (682).
- 2. Аверченко А.Т. Письмо П.В. Быкову // ИРЛИ. Ф.273. Оп. 1. № 770.
- 3. Аверченко А.Т. Собр. соч.: в 6 тт. М.: 1999–2000. Т. 6. С. 801.
- 4. *Аверченко А.Т.* Рассказы циника. Режим доступа: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_rasskazy_cinika.html#003 (дата обращения 26.06.2014).
- 5. *Аверченко А.Т.* Собр. соч.: в 13 тт. Т. 1. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2012.
- 6. *Брешко-Брешковский Н.Н.* А.Т. Аверченко. К десятилетию со дня смерти русского юмориста //Иллюстрированная Россия. 1935. № 13. С. 15.
 - 7. *Тэффи Н.А.* Аркадий Аверченко //Сегодня. 1925. № 60.

ЭКОНОМИКА

И.Л. Литвиненко, В.Ю. Корнеев

РОЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

THE ROLE OF ENTERPRISES IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN INNOVATIVE ECONOMY

кафедры «Менеджмент организаций» МГГЭИ (e-mail: litvinenko@siora.ru).

LITVINENKO Inna Leont'evna — candidate of economic Sciences, docent of the Department «Management of organizations» MGGEI (e-mail: litvinenko@siora.ru).

КОРНЕЕВ Владимир Юрьевич — магистрант 2-го года обучения МГГЭУ (e-mail: rus-hitman@ya.ru).

KORNEEV Vladimir Yurievich — graduate student of the 2nd year of study MGGEU (e-mail: rus-hitman@ya.ru).

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы инновационного развития экономики Российской федерации в нынешних условиях. Ключевыми факторами развития современной экономики являются инновации. Одна из главных ролей в инновационном процессе отводится предприятию. Оно является источником инициативы инновационной деятельности, предъявляет спрос на инновации, осуществляет их реализацию. Создание инноваций характеризуется повышенным риском и неопределенностью коммерческих результатов. Именно малый бизнес, благодаря гибкости и адаптивности к изменяющимся условиям, способен успешно осваивать первые этапы инновационного процесса на фоне высоких рисков. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта сформированы направления поддержки и стимулирования малого и среднего бизнеса в российских современных условиях.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие экономики, инновационная активность предприятия, малое и среднее предпринимательство (МСП), государственная политика в сфере инноваций.

Summary: The article deals with the problems of innovative development of the Russian economy in the current environment. Key factors in the development of a modern economy is innovation. One of the main roles in the innovation process is given enterprise. It is a source of innovation initiatives, makes the demand for innovation, carries their implementation. Creating innovation is characterized by an increased risk and uncertainty commercial results. It is a small business, thanks to the flexibility and adaptability to changing conditions, is able to successfully develop the first stages of the innovation process on a background of high risks. Based on the analysis of the domestic and foreign experience shaped the direction to support and stimulate small and medium businesses in the Russian modern conditions. The factors of innovation activity of enterprises and the factors set small innovative initiative of domestic firms.

Keywords: innovation, innovative development of economy, innovative activity of enterprises, small and medium enterprises (SMEs), public policy in the field of innovation.

Динамичный экономический рост является важнейшим фактором конкурентоспособности страны в рыночной системе. В процессе совершенствования рыночной модели экономики приоритетное внимание должно быть уделено развитию производства на новой технической основе, активизации инновационной деятельности по воплощению результатов научных исследований в производство, созданию новых технологических процессов и перестройке на современной научно-технической основе всех отраслей материального производства и сферы обслуживания.

В современных условиях одним из ключевых факторов развития экономики государства выступают инновации [2]. Центральная роль в инновационном процессе отводится предприятию. Оно является источником инициативы инновационной деятельности, предъявляет спрос на инновации, осуществляет их реализацию.

Во всем мире инновации сегодня — это не прихоть, а необходимость выживания, сохранения конкурентоспособности и дальнейшего процветания.

Опыт экономически развитых стран показывает, что победителем в борьбе за потребителя оказывается тот, кто строит свою деятельность преимущественно на основе инновационного подхода и главной целью стратегического плана ставит разработку новых товаров и услуг.

Инновационная активность предприятия может стать одним из основных условий формирования его конкурентоспособной стратегической перспективы, удержания и расширения рыночной ниши.

Под инновационной активностью предприятия следует понимать комплексную характеристику его новаторской деятельности, которая включает восприимчивость к новшествам, степень интенсивности и своевременность осуществляемых действий по трансформации новшеств. Кроме того, к этому необходимо отнести способность мобилизовать потенциал необходимого количества и качества, способность обеспечить обоснованность применяемых методов, рациональность технологии инновационного процесса по составу и последовательности операций [7]. Другими словами, инновационная активность характеризуется готовностью к обновлению основных элементов данной системы — своих знаний, технологического оснащения, информационно-коммуникационных технологий и условий их эффективного использования (структуры и культуры), а также восприимчивость ко всему новому.

В современном мире конкурентоспособность в большинстве случаев подразумевает под собой использование достижений научно-технического прогресса. В первую очередь, такое использование выражается в эффективности коммерциализации технологий, то есть в способности передавать их на рынок. При этом передача технологий из науки в промышленность может оказаться эффективной лишь при активном сотрудничестве всех субъектов инновационной деятельности (ученых, разработчиков, инвесторов, предпринимателей, государственной власти и потребителей) и полной реализации разработчиком и изобретателем права интеллектуальной собственности. Одной из форм функционирования данного права является малое и среднее инновационное предпринимательство.

Любое государство, нацеленное на развитие своей экономики и создание конкурентоспособных преимуществ отечественных товаров, заинтересованно в качественной поддержке развития инновационного малого и среднего бизнеса [3]. Не просто так наиболее развитые страны в инновационной сфере уделяют особое внимание поддержке данного сектора!

При этом, инновационные товары и продукты, технологии и ноу-хау должны быть востребованы не только на внутреннем, но и на внешних рынках. Именно поэтому экспорт всегда был и остается ключевым вопросом национального развития любой экономики — все современные исследователи-экономисты признают тот факт, что именно, экспорт является сегодня тем «мотором», который вносит наибольший вклад в развитие мировой экономики. В наши дни на экспорт приходится свыше 20% мирового ВНП, и эта доля постоянно растет в связи с опережающим ростом мировой торговли по сравнению с мировым производством.

С точки зрения государства увеличение экспорта способствует росту занятости и объемов национального производства, стимулирует экономический рост. С точки зрения предприятий экспорт помогает увеличить объемы сбыта, оптимально использовать производственные мощности, уменьшить риски колебаний конъюнктуры на внутреннем рынке и улучшить финансовую стабильность.

Именно поэтому, в соответствии с долгосрочной стратегией развития нашей страны, как отмечает премьер-министр Д.А. Медведев: «В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: «умной» экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности». Особая роль — локомотива инновационной экономики — в процессе модернизации экономики России и интеграции в международное экономическое пространство должна принадлежать инновационным и экспортно-ориентированным малым и средним предприятиям.

Современная экономическая история развития ведущих стран мира показала, что, несмотря на все трудности, присущие периоду становления государства, именно малое и среднее предпринимательство остается ключевой «точкой роста» экономики страны. Этому способствует лучшая адаптация к изменению конъюнктуры рынка, более высокая налоговая дисциплина, более низкий уровень затрат, значительная инновационная активность.

Существует успешный международный опыт реализации стратегии устойчивого развития стран в условиях плодотворного сотрудничества малого и среднего бизнеса и власти, что позволяет в исторически понятные сроки (10–30 лет) значительно изменить экономический потенциал страны и соответственно поднять качество жизни населения.

В таких странах роль малых и средних предприятий весьма существенна: они составляют более 97% от общего количества предприятий, их доля в ВВП страны и общей занятости составляет более 50%. Значительную роль здесь играет развитие инновационного и экспортного потенциала МСП. Доля МСП в общем объеме экспорта в этих странах составляет более 30% [4].

Одним из основных показателей элементов оценки уровня экономического развития любого государства является его способность конкурировать с экономиками других стран. А поскольку основу любой рыночной экономики составляет МСП, то, естественно, что их состояние отражается и на состоянии экономики страны в целом. Опыт успешных структурных изменений в экономике развитых стран доказывает, что ключевым аспектом структурной перестройки является поддержка экспортно-ориентированного экономического роста на базе малых и средних предприятий, предлагающих конкурентоспособные инновационные продукты и услуги.

Экспорт — это естественный обучающий механизм, заставляющий предприятия постоянно повышать свою конкурентоспособность, являясь одним из следствий способности предприятия производить конкурентоспособные товары (работы, услуги). Общеизвестно, что такие предприятия обладают рядом характерных особенностей:

- существенно чаще экспортируют продукцию;
- платят более высокую (в 1,7 раза) заработную плату;
- активнее используют банковскую систему при более низкой стоимости привлекаемых ресурсов;
- более активны по всем направлениям инновационной деятельности.

Деятельность основной части субъектов МСП ориентирована преимущественно на внутренние рынки. В то же время на процесс развития предпринимательской деятельности в России все большее влияние оказывают многочисленные внешние факторы, включая присоединение России к ВТО и необходимость для МСП действовать на открытых мировых рынках в условиях экономической глобализации. В связи с этим повышаются требования к общей конкурентоспособности предприятий, их продукции/услуг на международных рынках и соответствию международным стандартам качества и управления бизнесом, эффективности деятельности и продвижения.

В Российской Федерации национальный экспорт состоит на 2/3 из продукции топливно-энергетического комплекса, на 5,5% — из оборудования и транспортных средств, на 3,6% — из продовольственных и сельскохозяйственных товаров. По данным Росстата, из 5,8 млн субъектов МСП экспортной деятельностью занимаются 23 000 компаний, которые экспортируют порядка 6,8 тыс. видов товаров и услуг, то есть, менее 0,5% от общего количества зарегистрированных предприятий; доля же малых инновационных предприятий среди них ничтожно мала [5].

Подавляющее большинство российских МСП, в том числе и инновационных, еще не совсем готовы к активному выходу и деятельности на внешних рынках. Причина этого кроется в следующем:

- недостаток информации и знаний о ситуации на международных рынках, тенденциях развития и существующих нишах (перспективные направления и разработки, спрос и предложение по различным отраслям деятельности и т.д.);
- нехватка квалифицированных специалистов по вопросам продвижения на международные рынки и ведению внешнеэкономической деятельно-
- слабые навыки в сфере экспорта товара за пределы региона и пределы страны (неумение определять целевые рынки, незнание специфики местных

рынков за рубежом, отсутствие культуры международной деловой переписки и переговоров, слабые навыки в области маркетинга на зарубежных рынках и т.д.);

- отсутствие или плохо организованный процесс коммерциализации результатов исследований и инновационных разработок на предприятиях (отсутствие или слабый доступ к необходимой информации, недостаток финансовых средств, незнание международных требований и стандартов и т.д.);
- слабые навыки в области международного маркетинга и создания фирменных / продуктовых брендов (недостаток информации о существующих подходах к рекламным материалам, слабое владение иностранными языками, недостаток креативности, отсутствие регулярной маркетинговой политики и т.д.);
- недостаточное внимание к необходимости защиты интеллектуальной собственности на международных рынках;
- недостаточное управление производственными процессами (низкий контроль качества, неумение снижать издержки, устаревшее оборудование и т.д.);
- недостаточное знание существующих возможностей государственной программы поддержки малых и средних предприятий, в том числе и в сфере продвижения на международные рынки и низкая мотивация по их использованию;
- недостаточно развитая инфраструктура, предлагающая необходимые услуги для МСП, стремящихся на международные рынки;
- недостаток финансовых ресурсов у МСП для реализации стратегии выхода на международные рынки;
- недостаточно развитый доступ МСП к долгосрочным финансово-кредитным ресурсам для развития деятельности (высокие процентные ставки, необходимость предоставления большого залога и т.д.).

Перевод национальной экономики на инновационную траекторию развития предполагает достижение технологического лидерства в таких областях, как авиационная и космическая техника, нанотехнологии, композиционные материалы, атомная и водородная энергетика, биомедицинские технологии жизнеобеспечения и защиты человека и животных, рациональное природопользование, экология и т.д. При этом научно-техническая политика должна ориентироваться на достаточную технологическую независимость и конкурентоспособность национальной экономики, включая создание необходимого задела для формирования нового технологического уклада. Поэтому развитие основных отраслей отечественной экономики должно базироваться на высокотехнологичной машиностроительной продукции.

Основной проблемой поддержки и развития экспортно-ориентированных инновационных компаний остается низкая востребованность производимой ими продукции в России. Многие эксперты отмечают, что сейчас российское население очень далеко от культуры инновационного потребления, так как в большинстве своем оно не заинтересовано в какой-либо инновационной продукции, за исключением мобильных телефонов и иных подобных товаров. Основной причиной этого является низкий уровень жизни и отсутствие культуры инновационного потребления.

Поэтому одной из основных задач государства в этом направлении должно стать развитие внешнего спроса на инновационную продукцию. Необходимо создать условия для сбыта инновационной продукции на международных рынках. Органы государственной власти на всех уровнях должны стремиться к тому, чтобы предоставлять малым инновационным предприятиям всю информацию о существующих в России возможностях, механизмах и инструментах выхода на международные рынки, включая меры государственной программы поддержки предпринимательства, международные проекты и программы, деятельность ведущих институтов развития; стимулировать малые инновационные предприятия на более активное использование этих возможностей, механизмов и инструментов; содействовать повышению их конкурентоспособности и эффективности; развивать и предлагать дополнительные услуги малым и средним инновационным предприятиям в сфере выхода на глобальные рынки.

При оценке инновационной активности предприятий целесообразно проводить расчет и сравнение полученных значений коэффициентов с установленными базовыми значениями. В качестве таких сравнительных величин могут выступать показатели за прошлые периоды, среднеотраслевые значения, соответствующие показатели конкурентов, данные статистических обследований инновационной деятельности ведущих российских и зарубежных компаний [1].

Для получения достаточно общих оценок прибегают к использованию показателей из форм федерального статистического наблюдения за инновационной деятельностью (mабл. I).

Табл. 1. Инновационная активность организаций по субъектам Российской Федерации в 2009-2013 гг.

	2009	2010	2011	2012	2013	
	(процентов)					
Российская Федерация	9,3	9,5	10,4	10,3	10,1	
Центральный федеральный округ	8,8	8,6	10,2	10,9	10,7	
Белгородская область	11,1	10,9	12,2	9,2	9,6	
Брянская область	7,9	8,8	9,6	8,9	7,8	
Владимирская область	10,2	9,5	10,8	12,8	10,7	
Воронежская область	8,6	8,6	9,2	9,0	10,0	
Ивановская область	5,7	5,8	5,1	8,5	8,4	
Калужская область	7,9	8,3	7,9	10,6	10,9	
Костромская область	8,0	8,5	9,1	6,0	7,0	
Курская область	8,6	7,1	13,7	13,0	10,7	
Липецкая область	9,9	8,9	10,0	14,1	17,5	
Московская область	6,8	6,7	8,1	8,5	8,4	
Орловская область	14,2	11,5	10,7	10,1	8,4	
Рязанская область	6,6	7,0	8,4	11,0	11,4	
Смоленская область	7,9	5,5	6,6	6,7	6,6	
Тамбовская область	9,4	8,2	5,9	8,5	8,8	
Тверская область	4,4	5,1	7,8	9,3	9,2	
Тульская область	9,3	10,5	11,0	13,1	12,9	

Продолжение табл. 1

	2009	2010	2011	2012	2013	
	(процентов)					
Ярославская область	9,5	10,0	12,0	12,3	11,0	
г. Москва	14,1	13,3	18,6	18,6	18,3	
Северо-Западный федеральный округ	9,5	9,4	11,2	11,0	10,7	
Республика Карелия	5,3	6,6	9,2	10,9	8,1	
Республика Коми	6,3	7,5	6,1	7,6	8,8	
Архангельская область	8,8	9,0	9,3	8,2	5,4	
в том числе Ненецкий автономный округ	13,5	5,3	11,4	10,5	6,3	
Архангельская область без АО					5,3	
Вологодская область	7,6	7,4	9,3	7,3	7,8	
Калининградская область	5,5	3,2	3,3	5,1	5,1	
Ленинградская область	8,6	9,4	9,1	10,1	10,5	
Мурманская область	7,6	9,7	8,5	9,0	13,5	
Новгородская область	9,7	8,7	7,5	7,5	6,6	
Псковская область	8,7	9,6	10,0	8,1	7,3	
г. Санкт-Петербург	14,0	13,0	18,9	18,8	18,0	
Южный федеральный округ	7,2	7,5	6,5	7,4	7,2	
Республика Адыгея	9,1	10,0	9,7	6,8	10,4	
Республика Калмыкия	-	-	1,1	1,2	4,8	
Краснодарский край	5,4	6,2	6,1	7,4	5,6	
Астраханская область	9,9	12,8	5,2	5,8	9,0	
Волгоградская область	8,4	8,4	7,9	7,1	8,1	
Ростовская область	7,8	7,3	6,6	8,7	7,7	
Северо-Кавказский федеральный						
округ	5,8	6,2	5,2	6,4	5,9	
Республика Дагестан	7,9	6,7	2,9	6,5	10,3	
Республика Ингушетия	-	-	5,9	-	-	
Кабардино-Балкарская Республика	6,2	8,3	9,9	9,4	9,3	
Карачаево-Черкесская Республика	5,6	4,3	4,3	2,8	2,7	
Республика Северная Осетия-Алания	5,5	7,7	5,4	4,5	5,3	
Чеченская Республика	-	0,8	0,8	-	-	
Ставропольский край	7,3	7,2	5,8	8,8	8,1	
Приволжский федеральный округ	12,8	12,3	12,7	11,9	11,7	
Республика Башкортостан	13,4	11,1	13,5	13,1	12,3	
Республика Марий Эл	6,9	7,9	8,6	10,6	8,8	
Республика Мордовия	10,6	9,4	12,4	13,1	16,9	
Республика Татарстан	14,5	14,9	18,1	19,1	21,0	
Удмуртская Республика	11,9	11,6	15,1	13,0	10,3	
Чувашская Республика	14,1	15,7	15,2	20,9	18,8	
Пермский край	23,7	21,3	13,6	14,1	11,4	
Кировская область	7,5	7,4	8,5	8,7	9,1	
Нижегородская область	18,4	17,7	17,7	14,7	15,4	

Окончание табл. 1

Оренбургская область 15,2 Пензенская область 8,2 Самарская область 12,3 Саратовская область 7,3 Ульяновская область 7,5 Уральский федеральный округ 10,2 Курганская область 10,9 Свердловская область 12,9 Тюменская область 7,5 в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ —	(III) 14,4 9,2 12,1 6,4 7,6 11,5 12,4 15,0 9,8 7,5 10,9	роценто 15,2 11,0 9,8 5,5 8,0 11,5 13,1 13,6 9,8 8,2 10,1	OB) 12,7 11,4 6,3 7,0 6,3 10,6 9,2 13,3 8,2 6,1 7,6	12,5 15,6 5,4 6,4 7,1 9,6 8,3 11,5 8,1
Пензенская область 8,2 Самарская область 12,3 Саратовская область 7,3 Ульяновская область 7,5 Уральский федеральный округ 10,2 Курганская область 10,9 Свердловская область 12,9 Тюменская область 7,5 в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ —	9,2 12,1 6,4 7,6 11,5 12,4 15,0 9,8 7,5 10,9	11,0 9,8 5,5 8,0 11,5 13,1 13,6 9,8	11,4 6,3 7,0 6,3 10,6 9,2 13,3 8,2	15,6 5,4 6,4 7,1 9,6 8,3 11,5 8,1
Пензенская область 8,2 Самарская область 12,3 Саратовская область 7,3 Ульяновская область 7,5 Уральский федеральный округ 10,2 Курганская область 10,9 Свердловская область 12,9 Тюменская область 7,5 в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ —	9,2 12,1 6,4 7,6 11,5 12,4 15,0 9,8 7,5 10,9	11,0 9,8 5,5 8,0 11,5 13,1 13,6 9,8	11,4 6,3 7,0 6,3 10,6 9,2 13,3 8,2	15,6 5,4 6,4 7,1 9,6 8,3 11,5 8,1
Самарская область 12,3 Саратовская область 7,3 Ульяновская область 7,5 Уральский федеральный округ 10,2 Курганская область 10,9 Свердловская область 12,9 Тюменская область 7,5 в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ —	12,1 6,4 7,6 11,5 12,4 15,0 9,8 7,5 10,9	9,8 5,5 8,0 11,5 13,1 13,6 9,8	6,3 7,0 6,3 10,6 9,2 13,3 8,2	5,4 6,4 7,1 9,6 8,3 11,5 8,1
Саратовская область 7,3 Ульяновская область 7,5 Уральский федеральный округ 10,2 Курганская область 10,9 Свердловская область 12,9 Тюменская область 7,5 в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ —	6,4 7,6 11,5 12,4 15,0 9,8 7,5 10,9	5,5 8,0 11,5 13,1 13,6 9,8	7,0 6,3 10,6 9,2 13,3 8,2	6,4 7,1 9,6 8,3 11,5 8,1
Ульяновская область 7,5 Уральский федеральный округ 10,2 Курганская область 10,9 Свердловская область 12,9 Тюменская область 7,5 в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ	7,6 11,5 12,4 15,0 9,8 7,5 10,9	8,0 11,5 13,1 13,6 9,8	6,3 10,6 9,2 13,3 8,2	7,1 9,6 8,3 11,5 8,1
Уральский федеральный округ 10,2 Курганская область 10,9 Свердловская область 12,9 Тюменская область 7,5 в том числе: 3 Ханты-Мансийский автономный округ 4	11,5 12,4 15,0 9,8 7,5 10,9	11,5 13,1 13,6 9,8 8,2	10,6 9,2 13,3 8,2 6,1	9,6 8,3 11,5 8,1 6,6
Свердловская область 12,9 Гюменская область 7,5 в том числе: - Ханты-Мансийский автономный округ —	15,0 9,8 7,5 10,9	13,6 9,8 8,2	13,3 8,2 6,1	11,5 8,1 6,6
Тюменская область 7,5 в том числе:	7,5 10,9	9,8	6,1	6,6
в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ —	7,5 10,9	9,8	6,1	6,6
Ханты-Мансийский автономный округ —	10,9			
	10,9			
	10,9			
Югра 7,0		10,1	7,6	5,1
Ямало-Ненецкий автономный округ 6,4	9,9			
Тюменская область без АО	9,9			11,5
Челябинская область 11,3		10,9	11,5	9,8
Сибирский федеральный округ 7,3	8,2	8,8	8,5	9,1
Республика Алтай 5,5	6,5	22,1	18,5	19,4
Республика Бурятия 6,0	11,0	11,8	10,2	6,7
Республика Тыва 12,5	13,0	6,8	4,5	3,3
Республика Хакасия 5,3	5,4	5,6	6,8	9,1
Алтайский край 7,6	8,2	11,0	10,5	11,3
Забайкальский край 4,4	6,7	4,0	2,3	2,2
Красноярский край 12,2	10,0	10,2	9,5	11,2
Иркутская область 7,5	8,7	6,5	6,9	8,7
Кемеровская область 4,8	5,9	6,4	6,1	4,6
Новосибирская область 5,6	5,5	8,2	8,6	9,9
Омская область 6,0	7,3	7,1	8,2	8,3
Томская область 15,3	18,4	15,7	11,4	14,6
Дальневосточный федеральный округ 8,3	8,6	11,2	10,8	9,5
Республика Саха (Якутия) 4,6	7,4	8,1	6,7	7,9
Камчатский край 8,5	9,6	21,8	23,5	14,3
Приморский край 9,4	7,9	11,5	11,7	9,4
Хабаровский край 11,1	11,1	15,5	13,6	11,6
Амурская область 6,2	5,9	7,1	7,8	6,4
Магаданская область 33,3	34,3	33,6	24,6	24,6
Сахалинская область 3,0	3,1	4,3	3,7	3,4
Еврейская автономная область 6,2	10,5	5,0	9,0	6,3
Чукотский автономный округ 11,1	12,5	12,5	17,9	25,0

Источник: Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб./Росстат. – М., 2013.

 $Taбл. \ 2. \$ Сравнительная инновационная активность российской экономики в 2012 г.

Показатель	Россия	Германия	Швеция	Италия	Финляндия
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций (промышленность и сфера услуг)	9,7	60,9	36,3	44,8	46,8
Удельный вес новой для рынка промышленной продукции в общем объеме промышленной продукции	0,5	7,1	18,7	27,2	-

Источник: Составлено автором на основе: Яфасов А.Я., Яфасов А.А. Мировая и региональная экономика в контексте глобализации. Инновационные пути развития экономики Калининградской области: Сб. статей. Ч. 2. – Калининград, 2008.

Оценивая инновационную активность России, приходится констатировать явное отставание от уровня инновационного развития ведущих мировых держав, что ставит страну в серьезную зависимость от импорта наукоемких товаров и технологий (maбn. 2) [8].

Таким образом, степень инновационной активности предприятия, региона или экономики в целом, определяется следующей группой факторов:

- имеющимся инновационным потенциалом;
- возможностью адекватного его использования;
- потребностью общества в результатах инновационной деятельности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что без применения инноваций на предприятии практически невозможно создать конкурентоспособную продукцию, имеющую высокую степень наукоемкости и новизны. В рыночной экономике инновации представляют собой эффективное средство конкурентной борьбы — ведут к созданию новых потребностей, к снижению себестоимости продукции, к притоку инвестиций, к повышению имиджа (рейтинга) производителя новых продуктов, к открытию и захвату новых рынков, в том числе и внешних.

Активное использование инноваций существующими компаниями обеспечит повышение их эффективности и конкурентоспособности, поможет компаниям ускорить свой рост, освоить новые рынки, создать новые рабочие места, что, в конечном счете, определяет экономическое развитие региона и государства в целом, рост налоговой базы, повышение качества жизни.

Список литературы

1. Актуальные проблемы развития экономики и социальной сферы региона: материалы II Межвузовской научной конференции / под ред. А.В. Сербулова / Сост. А.Ю. Просовикова. – Калининград: Изд-во БГАРФ, 2011.

- 2. *Литвиненко И.Л.* Инновационная система России: современное состояние и развитие. Ресурсный потенциал России / Проблемы эффективного использования: Коллективная монография. Нальчик, 2014. С. 77–94.
- 3. *Литвиненко И.Л.* О необходимости реализации государственной инновационно-инвестиционной политики в России. // Креативная экономика. -2014. -№01(85).
- 4. *Морозова Т.В*. Анализ ключевых факторов, влияющих на инновационную активность российских предприятий. // Известия Южного федерального университета. Технические науки. -2006. № 4 (59). С. 258–263.
- 5. Официальный сайт «Федеральная служба государственной статистики». Режим доступа: http://www.gks.ru (дата обращения 01.11.2014).
- 6. Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб./Росстат. М., 2013.
- 7. Тарасенко О.И. Оценка инновационной активности предприятия в системе стратегического управления / И.О. Тарасенко, О.М. Королько, К.С. Белявська // Актуальные проблемы экономики. 2009. № 9 (99). С. 133—141.
- 8. Яфасов А.Я., Яфасов А.А. Мировая и региональная экономика в контексте глобализации. Инновационные пути развития экономики Калининградской области: Сб. статей. Ч.2. Калининград, 2008.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Р.М. Хакимов

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS TO PROTECT THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES

XAKUMOB Руслан Мадаминджанович, кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин МГГЭУ (e-mail: rmkhakimov.ru@gmail.com).

KHAKIMOV Ruslan Madamindzhanovich, PhD, assistant professor of general legal disciplines MGGEU (e-mail: rmkhakimov.ru@gmail.com).

Аннотация: Проводится исторический и содержательный анализ развития международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов. Автором предлагается деление международной деятельности по защите прав инвалидов на ряд этапов, с раскрытием основных характеристик каждого из них.

Ключевые слова: права человека, запрет на дискриминацию, инвалидность как условие дискриминации, защита прав инвалидов, понятие инвалид в международном праве.

Summary: The historical and informative analysis of the development of international legal mechanisms to protect the rights of persons with disabilities. The author proposes the division of international efforts to protect the rights of persons with disabilities in a number of stages, based on the key characteristics of each of them.

Keywords: human rights, the prohibition of discrimination, disability discrimination as a condition of protection of the rights of persons with disabilities, the concept invalid under international law.

В силу обширности темы научного исследования и большого внимания международного сообщества к вопросам защиты прав человека, в общем, и прав инвалидов в частности, объемы научной публикации не позволяют привести очень глубокий анализ развития международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов. В данной статье сделана попытка проанализировать их основные этапы развития, на примере системы Организации Объединенных наций (далее ООН), выделены некоторые проблемные аспекты и предложены пути их решения.

Международно-правовые механизмы защиты прав инвалидов в своей основе опираются на правовые нормы, принятые международным сообществом, которые устанавливают основные понятия, принципы и процедуры защиты этой уязвимой группы.

Международное законодательство, направленное на защиту прав и свобод инвалидов стало развиваться сравнительно недавно. Это, отчасти, было связано с тем, что международным сообществом, при разработке ныне действующей системы защиты прав человека, в первую очередь разрабатывались и внедрялись универсальные нормы и механизмы защиты прав человека, понимая и признавая, что под их защиту должны подпадать все люди, в том числе и уязвимые группы. В данном случае, инвалиды как отдельная социальная группа в этих видах документов отдельно не выделялась. Позднее, осознав, что универсальные механизмы недостаточны для защиты прав уязвимых групп, международное сообщество приступило к разработке специализированных международно-правовых механизмов. Так стали появляться международные договора, создающие специальные механизмы защиты прав детей, ликвидации дискриминации в отношении женщин и расовой дискриминации, предотвращающие пытки, защищающие права трудящихся-мигрантов, инвалидов и др.

Следует отметить, что международно-правовые механизмы защиты прав инвалидов потенциально охватывают очень большое количество населения земли. По данным Всемирного доклада об инвалидности, который подготовили совместно Всемирная организация здравоохранения и Всемирный банк в 2011 году, в странах мира более миллиарда человек живут с какой-либо формой инвалидности; из них почти 200 миллионов испытывают серьезные трудности в функционировании. В предстоящие годы инвалидность будет вызывать все большую озабоченность, поскольку ее распространенность увеличивается. Это — результат старения населения, повышения риска инвалидности среди пожилых людей, а также глобального роста распространенности таких хронических состояний, как диабет, сердечно-сосудистые болезни, рак и психические расстройства [1]. По данным Министерства труда и социальной защиты за 2013 год, в Российской Федерации, насчитывается 12,8 млн инвалидов, что составляет 9,2% [2]. Это немного меньше чем общемировой уровень инвалидности в 15%, однако, тоже достаточно высокий.

Развитие международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов можно разделить на несколько этапов.

Первый этап с 1941 года до 1971 года, можно охарактеризовать этапом защиты прав инвалидов в контексте общей концепции защиты прав человека. В этот период вырабатывались и принимались основополагающие документы по защите прав человека и начала формироваться международная система их защиты. 1 января 1941 года была подписана Декларация ООН, а 26 июня 1945 года на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации в Сан-Франциско был подписан Устав ООН, который вступил в силу 24 октября 1945 года [3]. В Уставе был закреплен один из важнейших принципов — запрет на дискриминацию, основанный на поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Далее во Всеобщей декларации прав человека (далее — Декларация), принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года [4] этот принцип был существенно расширен и уточнен в ст.1 Декларации, в которой указывается на то, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. А в ст. 2 закладываются основы запрета на дискриминацию, в которой, в частности, говорится о том, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными в декларации, без какого бы ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения [4]. Как можно заметить, международное сообщество, принимая Декларацию, использовала концепцию применения открытого перечня обстоятельств в связи, с которыми может быть применена дискриминация, и очевидно, что наличие у человека инвалидности, может являться одним из таких условий. Инвалидность как состояние человека упоминается в ч. 1 ст. 25 Декларации пока только применительно к социальному обслуживанию и достойному обеспечению, которые должны быть предоставлены государством лицу в случае наступления инвалидности. Декларация содержит важнейшие базовые принципы, связанные с правами человека и не содержит специального механизма реализации.

Международный пакт о гражданских и политических правах (далее МПГГП) принятый на генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года и вступивший в силу 23 марта 1976 года, продолжая развивать базовые принципы и понятия в области прав человека, указывает на необходимость установления запрета на дискриминацию в законодательных актах государств и на необходимость введения запрета в законе стран в случае, когда совершаются выступления в пользу дискриминации. Кроме того, этот документ указывает на то, что государства должны принять необходимые законодательные меры для реализации положений МПГГП и создает международно-правовой механизм защиты прав человека в виде Комитета по правам человека (далее КПЧ). Процедурную часть, связанную с функционированием КПЧ закрепили в части IV МПГГП и установили порядок взаимодействия КПЧ с государствами-участниками пакта. Так на основании ст. 40 МПГГП, участвующие в Пакте государства обязуются представлять доклады о принятых ими мерах по претворению в жизнь прав, признаваемых в настоящем Пакте, и о прогрессе, достигнутом в использовании этих прав. А ст. 41 МПГГП устанавливает, в определенных случаях, возможность подачи заявлении со стороны одного государства в отношении другого, при неисполнении им каких-либо положений МПГГП. Развивает систему механизмов защиты прав человека Первый Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах [5], который также был принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года. В соответствии со ст.1 Факультативного протокола государства, которые становятся участниками Протокола, признают компетенцию КПЧ в принятии сообщений от лиц, которые стали жертвами нарушения каких-либо прав установленных МПГГП со стороны государства.

Таким образом, можно отметить, что МПГГП и Первый Факультативный протокол к нему впервые в системе ООН заложили основы системы защиты прав человека и создали три важных механизма:

- обязательные сообщения государств в КПЧ о реализации МПГГП;
- сообщения от государства-участника пакта о нарушении положений МПГГП со стороны другого государства;
- сообщения в КПЧ жертв нарушения прав человека со стороны, какой либо стран-участниц положений МПГГП.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее МПЭСКП), принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966

года и вступивший в силу 3 января 1976 года, также содержит в ч. 2 ст. 2 положение, в соответствии с которым государства обязуются гарантировать, что права, провозглашенные в МПЭСКП, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства [6]. Специальных положений посвященных защите прав инвалидов МПЭСКП не выделяет, следуя принципу формирования общих положений связанных с защитой прав человека. Однако МПЭСКП, в соответствии со ст. 16, создает обязательный механизм отчетности государств, через предоставление докладов о мерах и о прогрессе на пути к достижению соблюдения прав, признаваемых в МПЭКСП.

Факультативный протокол к МПЭСКП, принятый на Генеральной Ассамблее ООН 10 декабря 2008 года и вступивший в силу 5 мая 2013 года, расширяет возможности МПЭСКП и вводит еще один механизм защиты прав человека. В соответствии с ним, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам начинает принимать индивидуальные сообщения от жертв нарушения прав, предусмотренных МПЭСКП с возможностью применения временных мер защиты [7]. В соответствии со ст. 5 МПЭСКП в любой момент после получения сообщения и до принятия любого решения по существу Комитет по экономическим, социальным и культурным правам может обратиться к соответствующему государству-участнику на предмет безотлагательного рассмотрения им просыбы о принятии этим государством-участником таких временных мер защиты, которые могут быть необходимы в исключительных обстоятельствах с целью избежать возможного причинения непоправимого ущерба жертве или жертвам предполагаемого нарушения [7].

Таким образом, МПЭСКП и Факультативный протокол к нему предусмотрели 2 важных механизма защиты прав человека:

- обязательные сообщения государств о реализации МПЭСКП;
- сообщения в Комитет по экономическим, социальным и культурным правам жертв нарушения прав человека со стороны какой либо стран-участниц положений МПЭСКП.

В принятой 20 ноября 1959 года Генеральной Ассамблеей ООН Декларации прав ребенка, наряду с общими принципами запрета на дискриминацию, был обозначен принцип, в соответствии с которым ребенку, который является неполноценным в физическом, психическом или социальном отношении, должны обеспечиваться специальные режим, образование и забота, необходимые ввиду его особого состояния [8]. Фактически рассматриваемая Декларация послужила отправной точкой, с которой начали разрабатываться меры как мягкого, так и жесткого права направленные на защиту прав инвалидов.

Продолжая развивать эти положения, 11 декабря 1969 года, на Генеральной Ассамблее ООН была принята Декларация социального прогресса и развития [9], ст. 6 которой прописывалась норма, указывающая, что социальный прогресс и развитие должны быть в равной мере направлены на достижение цели защиты прав и обеспечение благосостояния детей, престарелых и инвалидов; обеспечение защиты людей, страдающих физическими и умственными недостатками. А ст. 19 указывает на то, что достижение целей социального прогресса и развития в равной мере требует принятие надлежащих мер по восстановлению

трудоспособности лиц с умственными или физическими недостатками, особенно детей и молодежи, с тем, чтобы помочь им в возможно полной мере стать полезными членами общества; такие меры должны включать предоставление лечения и технических приспособлений, возможностей образования, профессиональной и социальной ориентации, обучения и льгот при трудоустройстве, а также предоставление других видов необходимой помощи, создание социальных условий, в которых нетрудоспособные лица не подвергались бы дискриминации из-за своих недостатков [9].

Второй этапа развития международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов можно очертить временными промежутками с 1971 года до 2006 года. Он характеризуется принятием международно-правовых норм преимущественно «мягкого права» и охватывает вопросы защиты прав либо отдельных групп инвалидов, либо регулирование вопросов их участия в отдельных сферах общественной жизни.

Первым международным документом, который непосредственно был посвящен вопросам защиты прав отдельной группы инвалидов, можно признать Декларацию о правах умственно отсталых лиц, принятую резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН от 20 декабря 1971 года [10]. В ней, развивая положения Декларации социального прогресса и развития, международное сообщество призывает страны принять меры в национальном и международном плане, с тем, чтобы положения Декларации послужили основой и руководством для защиты прав рассматриваемой категории людей. В частности, устанавливаются базовые подходы, закрепляющие, что умственно отсталое лицо имеет те же права, что и другие люди. Оно имеет право на надлежащее медицинское обслуживание и лечение, на образование, обучение, восстановление трудоспособности и покровительство, которые позволят ему развивать свои способности, право на материальное обеспечение и на удовлетворительный жизненный уровень. Кроме того, умственно отсталое лицо имеет право продуктивно трудиться или заниматься каким-либо другим полезным делом. Документом предусмотрены рекомендации о том, что, по возможности, такое лицо должно жить в кругу своей семьи и участвовать в различных формах жизни общества, а семьи должны получать помощь. В случае необходимости помещения умственно отсталого лица в специальное заведение необходимо сделать так, чтобы новая среда и условия жизни как можно меньше отличались от условий обычной жизни. Умственно отсталое лицо имеет право пользоваться квалифицированными услугами опекуна, на защиту от эксплуатации, злоупотреблений и унизительного обращения. В случае судебного преследования в связи с каким-либо деянием оно должно иметь право на должное осуществление законности, полностью учитывающее степень умственного развития и правовые гарантии от возможных злоупотреблений [10].

В развитие Декларации о правах умственно отсталых лиц, 9 декабря 1975 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о правах инвалидов [11]. Важность этого документа заключается в том, что международное сообщество впервые, в отдельном правовом документе, выделило права инвалидов в самостоятельную группу и приступило к формированию базовых правовых принципов и понятий, которые могли бы служить основой для защиты прав и свобод этой группы лиц. В частности в Декларации было приведено одно из первых определений выражению «инвалид». Ст.1 Декларации о правах инвали-

дов гласит, что выражение «инвалид» означает любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его или ее физических или умственных способностей [11].

Декларация обозначает общий принцип запрета на дискриминацию, в соответствии с которым, инвалиды должны пользоваться всеми правами, изложенными в ней, и они должны быть признаны за всеми инвалидами без каких бы то ни было исключений и без различий. Должна быть исключена дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, материального положения, рождения или любого другого фактора, независимо от того, относится ли это к самому инвалиду или к его или ее семье [11]. Декларация о правах инвалидов провозглашает, что инвалиды имеют:

- право на уважение их человеческого достоинства;
- право экономическое и социальное обеспечение и удовлетворительную жизнь;
- те же гражданские и политические права, что и другие лица;
- право на меры, предназначенные для того, чтобы дать им возможность приобрести как можно большую самостоятельность;
- право на медицинское, психическое или функциональное лечение;
- на восстановление здоровья и положения в обществе;
- на образование, ремесленную профессиональную подготовку и восстановление трудоспособности;
- право на социальную интеграцию или реинтеграции;
- право получить и сохранить за собой рабочее место или заниматься полезной, продуктивной и вознаграждаемой деятельностью и являться членами профсоюзных организаций;
- право жить в кругу своих семей или в условиях, заменяющих ее, и участвовать во всех видах общественной деятельности, связанных с творчеством или проведением досуга;
- право быть защищенными от какой бы то ни было эксплуатации, от любых видов регламентации и обращения, носящих дискриминационный, оскорбительный или унижающий характер;
- возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью и другие [11].

Как видно из содержания документа, Декларация о правах инвалидов не только перечисляет права присущие каждому человеку, но и обозначает специальные виды потребностей для инвалидов, связанные с проживанием, работой и социальными гарантиями. Документ не содержит специальных механизмов реализации, но, наряду с закреплением базовых принципов, указывает на необходимость, чтобы инвалиды, их семьи и их общины были полностью информированы оправах, которые прописаны в Декларации о правах инвалидов.

Дальнейшее развитие международного законодательства в области защиты прав инвалидов получило во Всемирной программе действий в отношении инвалидов (далее Программа), которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 3 декабря 1982 года. Цель этой Программы заключается в содействии эффективным мерам для предупреждения инвалидности, восстановления трудоспособности и реализации целей «равенства» и «полного участия» инвалидов в социальной жизни и развитии. Это означает создание таких же условий жизни, что и для всего населения, и равной доли в улучшении условий жизни в результате социального и экономического развития [11]. Программа охватывает очень разные сферы отношений связанные с инвалидностью и правами инвалидов и предлагает рекомендации по улучшению ситуации с защитой прав инвалидов. В частности в Программе раскрываются основные понятия (такие как дефект, инвалидность и нетрудоспособность), исследуются вопросы предупреждения инвалидности, восстановления трудоспособности, создания равных возможностей и проведения исследований, связанных с различными аспектами инвалидности. Кроме того, раскрываются необходимые меры на национальном и международном уровне, применение которых будет способствовать эффективной защите прав инвалидов.

Еще одним документом, направленным на защиту прав инвалидов следует признать принятые Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1991 года Принципов защиты психических больных лиц и улучшения психиатрической помощи [12] (далее Принципы). Принципы содержат основные положения, касающиеся защиты прав психиатрических больных, внедрение которые в практическую деятельность позволит создать такие условия, в рамках которых взаимодействие государства и общества с указанными лицами не будет носить дискриминационный и унижающий права и достоинство характер. В частности Принципы касаются областей основных прав и свобод, защиты несовершеннолетних, жизни в обществе, диагностики психиатрического заболевания, медицинского осмотра, конфиденциальности, лечения, стандартам оказания помощи, прав и условий содержания в психиатрических учреждениях и других.

Важным шагом в становлении и развитии системы защиты прав инвалидов является принятие Генеральной Ассамблеей 20 декабря 1993 года Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов (далее Стандартные правила). Цель разработки Стандартных правил заключается в обеспечении такого положения, при котором девочки, мальчики, мужчины и женщины, являющиеся инвалидами, как члены общества имели бы те же права и обязанности, что и другие лица [11]. Для этого, в рассматриваемом документе, авторы постарались вычленить основные направления, в которых необходимо применять меры для улучшения ситуации с обеспечением равных возможностей для инвалидов. К ним относятся: разъяснение понимания проблемы инвалидности, медицинское обслуживание, реабилитация, вспомогательные услуги, доступность внешней среды и доступ к информации, образование, занятость, поддержание доходов и социальное обеспечение, семейная жизнь и свобода личности, культура, отдых и спорт, религия. Кроме того, Стандартные правила содержат ному, позволяющую вводить механизм контроля для эффективного их выполнения. Таким механизмом является создание должности Специального докладчика, который готовит ежегодные доклады для Комиссии социального развития по вопросу о контроле за осуществлением странами Стандартных правил и разработки рекомендаций для эффективного их применения. Таким образом, можно отметить, что существование докладчика, является еще одним международно-правовым механизмом защиты прав инвалидов, который позволяет держать проблему равных возможностей для инвалидов в постоянном поле зрения международного сообщества и вырабатывать эффективные рекомендации для решения тех или иных проблем.

Третий этап развития международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов можно очертить временными промежутками с 2006 года до наших дней. Он, несомненно, связан с принятием Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года Конвенции о правах инвалидов (далее — Конвенция) [13], которая вступила в силу 3 мая 2008 года и характеризуется развитием и внедрением в международную практику специального документа. Принятие специализированной Конвенции явилось результатом развития международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов, которые прорабатывались, апробировались и внедрялись на основе вышеперечисленных документов на предыдущих двух этапах.

Цель Конвенции заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства [13]. Конвенция раскрывает содержание как общих прав (с определенными особенностями учитывая специфику инвалидности), которые присущи всем людям, так и специальных прав, которые в большей степени затрагивают инвалидов. К общим правам относятся: право на жизнь, равенство перед законом, доступ к правосудию, свобода и личная неприкосновенность, свобода от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, свобода передвижения и гражданство, свобода выражения мнения и убеждений и доступ к информации, неприкосновенность частной жизни, образование, участие в политической и общественной жизни, участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом и другие. К специальным правам можно отнести: свободу от эксплуатации, насилия и надругательства, защита личной целостности, самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество, индивидуальная мобильность, абилитацию и реабилитацию и другие.

Важным положением Конвенции, является создание специализированного органа по защите прав инвалидов — Комитета по правам инвалидов, который рассматривает доклады государств о реализации положений Конвенции.

Другим важным документом, применительно к рассматриваемому вопросу, является принятый одновременно с Конвенцией Факультативный протокол [13], который содержит процедуру подачи сообщений от лиц или групп лиц находящихся под юрисдикцией государства-участника Конвенции и, которые, являются жертвами нарушения прав предусмотренных в Конвенции со стороны государства.

Продолжая говорить о международно-правовых механизмах защиты прав инвалидов, нельзя не отметить создание 15 марта 2006 года Генеральной Ассамблеей ООН на основании резолюции 60/251 механизма Универсального периодического обзора (далее УПО), а также учреждение Совет по правам человека взамен Комиссии по правам человека. Этот механизм можно также использовать в случае необходимости привлечь внимание к вопросам защиты прав инвалидов.

Кроме того не стоит забывать о возможности использовать Специальных процедур Совета ООН по правам человека, которые включают работу специальных докладчиков которые охватывают практически все права человека по 37 тематическим направлениям и 14 странам мира [14].

В заключении хотелось бы кратко подвести итоги проведенного исследования и отметить некоторые рекомендации.

Международно-правовые механизмы защиты прав инвалидов в своей эволюции прошли достаточно сложный путь, и на сегодняшний день представляют собой разветвленную систему, которую можно использовать в случае, если не удалось защитить права инвалидов на внутригосударственном уровне. К ним можно отнести:

- использование процедур сообщения государств в КПЧ о реализации МПГГП;
- сообщения от государства-участника МПГГП о нарушении положений МПГГП со стороны другого государства;
- сообщения в КПЧ жертв нарушения прав человека;
- использование процедуры обязательных сообщений государств о реализации МПЭСКП;
- сообщения в Комитет по экономическим, социальным и культурным правам жертв нарушения прав человека со стороны какой либо стран-участниц положений МПЭСКП.
- использование специального докладчика, который готовит ежегодные доклады для Комиссии социального развития по вопросу о контроле за осуществлением странами Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов и разработки рекомендаций для эффективного их применения;
- использование механизма УПО;
- использование механизма специальных докладчиков Совета ООН по правам человека и другие.

Как видно из приведенного перечня, список международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов достаточно широкий, однако нельзя не выделить некоторые проблемные зоны.

Вопрос обязательного исполнения странами решений Комитетов ООН (Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по насильственным исчезновениям, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по правам инвалидов) давно обсуждается теоретиками и практиками международного права. Однако до сих пор многие страны-нарушители не выполняют решения Комитетов ООН, что подрывает веру жертв нарушений прав человека в возможность защиты своих прав. Кроме того, процедуры подачи сообщений достаточно сложные и занимают продолжительное время. В этой связи, предлагается рассмотреть два подхода, к решению указанной проблемы. Либо необходимо придать решениям Комитетов ООН статуса обязательных и соответственно выстраивать структуру рассмотрения сообщений исходя из этого принципа, либо оптимизируя деятельность многих комитетов и органов ООН переходить к системе создания единого «суда» по правам человека, в котором рассматривались бы все дела, связанные с нарушением прав человека независимо от видов нарушений. Понятно, что эти предложения требуют пересмотра основных подходов к функционированию международно-правовых механизмов защиты прав человека и серьезной реорганизации всей деятельности связанной с защитой прав человека внутри системы ООН. Однако, если этого не сделать, то мы рискуем получить недостаточно эффективную систему, которая существует только для поддержания своего функционирования и не может результативно реагировать на нарушения прав человека.

Другое предложение, которое может позволить более эффективно использовать решения Комитетов ООН по индивидуальным сообщениям, может быть связано с разработкой положения, которое бы позволило странам принимать внутреннее законодательство, на основе которого решения Комитетов признавались бы обязательными для исполнения. Такие прецеденты уже есть (Перу, Колумбия) однако они единичны и не влияют на общую ситуацию. Принимая эту идею, было бы целесообразно начать очень активную работу органам ООН со странами, для продвижения таких механизмов.

Другая идея связана с возможностями создания специализированных органов по защите прав человека во внутренних системах стран-участников различных конвенций по правам человека. Примером может служить положение Конвенции против пыток, в соответствии с Факультативным протоколом к которой, страны-участники обязаны создавать Национальный превентивный механизм. Это, как представляется, достаточно прогрессивный подход, позволяющий усиливать внутригосударственные механизмы защиты прав человека.

В целом следует отметить, что международным сообществом была проделана большая работа по разработке международно-правовых механизмов защиты прав инвалидов, однако следует сделать еще больше для совершенствования механизмов реализации и ответственности стран — нарушителей.

Список литературы

- 1. http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/summary_ru.pdf (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 2. http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/migration/12 (дата обращения 6 апреля 2014 г.)
- 3. http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 4. http://www.un.org/ru/documents/decl conv/declarations/declhr (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 5. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 6. http://www.un.org/ru/documents/decl conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 7. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr. shtml (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 8. http://www.un.org/ru/documents/decl conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 9. http://www.un.org/ru/documents/decl conv/declarations/socdev.shtml (дата обращения 6 апреля 2014 г.).
- 10. http://www.un.org/ru/documents/decl conv/declarations/retarded.shtml (дата обращения 7 апреля 2014 г.).
- 11. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения 7 апреля 2014 г.).
- 12. http://www.un.org/ru/documents/decl conv/conventions/mental helth care. shtml (дата обращения 7 апреля 2014 г.).
- 13. http://www.un.org/ru/documents/decl conv/conventions/disability.shtml (дата обращения 7 апреля 2014 г.).
- 14. http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/SP/Pages/Welcomepage.aspx (дата обращения 7 апреля 2014 г.).

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ LEGAL PRECONDITIONS INVESTMENT

ЛИТЯГИН Николай Николаевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин МГГЭУ (e-mail: lit-nn@rambler.ru). LITYAGIN Nikolai Nikolaevich — PhD, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines of MGGEU (e-mail: lit-nn@rambler.ru).

Аннотация. В статье анализируются правовые проблемы инвестиционной деятельности. Отмечается многообразие и качественные различия сфер инвестирования и видов инвесторов, влияние данных факторов на осуществление инвестирования.

Ключевые слова: инвестиции, осуществление инвестиций. Объективные и субъективные предпосылки инвестиций. Инвестиционный климат.

Summary. This article analyzes the legal problems of the investment activity. There is variety and quality differences spheres of investment and types of investors, the impact of these factors on the implementation of the investment.

Keywords: investment, investments. Objective and subjective prerequisites investment. Investment climate.

Проблема инвестиций приобрела в настоящее время особую значимость. Ее решение зависит от различных экономических, социальных, психологических и иных условий, формирующих инвестиционные мотивы, создающих благоприятную инвестиционную среду. Детерминирующие инвестиционное поведение факторы находятся в сложной взаимосвязи и неравноценны по значимости. Среди огромного их разнообразия основными являются наличие материальных и финансовых ресурсов, необходимых для инвестирования и желание инвестора, обладателя этих ресурсов, произвести вложения. Эти очевидные предпосылки инвестирования отягчены рядом дополнительных условий, имеют сложные механизмы реализации, зависят от сферы инвестирования, субъектного состава инвестиционных правоотношений и других специфических условий осуществления инвестиций. Но, как отмечено выше, основной предпосылкой инвестирования является наличие необходимых для этого материальных и финансовых ресурсов, источниками которых могут быть собственные средства субъектов хозяйственной деятельности и других юридических лиц. К указанным ресурсам также относятся сбережения населения; активы коллективных инвесторов, в частности, паевых инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, страховых компаний, средства иностранных физических и юридических лиц. В этом проявляются объективные условия инвестирования, оно находится во взаимосвязи с процессами сбережения, накопления, капитализации, установлением обоснованных пропорций между накоплением и текущим потреблением.

Уровень инвестиционной активности зависит и от многих субъективных факторов, от наличия удовлетворяющих инвесторов объектов инвестирования. Среди других обстоятельств, оказывающих существенное влияние на осущест-

вление инвестиций, следует отметить уровень правовой защищенности инвесторов, безопасность инвестирования. Из всего многообразия факторов, формирующих инвестиционные мотивации, влияющих на принятие инвестиционных решений, могут быть выделены два основополагающих: ожидаемый уровень доходности инвестиций и безопасность инвестирования. Инвестор взвешивает, прежде всего, именно эти обстоятельства. Высокая степень защищенности инвестиций является способом их правового стимулирования, необходимым компонентом благоприятной инвестиционной среды, получившей в экономической и юридической литературе наименование «инвестиционного климата» и формирующейся под воздействием различных обстоятельств. Важное место среди них занимают правовые предпосылки инвестирования, оказывающие как непосредственное, так и опосредованное влияние на инвестирование, в значительной мере определяющие поведение инвестора не только как субъекта права, участвующего в уже возникшем конкретном правоотношении, но и как экономического субъекта оценивающего ситуацию на подготовительном этапе, просчитывающего последствия принятия инвестиционного решения. Готовность к осуществлению инвестиций предопределяется не только экономическим фактором (ожидаемым уровнем доходности), но и правовым, безопасностью инвестирования, состоянием законности и правопорядка в инвестиционной сфере. Проблема инвестиций является, таким образом, комплексной, имеет не только экономический, но и правовой аспект. Данные аспекты взаимосвязаны и взаимообусловлены, но каждый из них имеет и самостоятельное значение, реализует свою специфическую функцию. Главной целью правового регулирования инвестиций является создание благоприятного правового режима инвестиционной деятельности, добротной правовой основы для ее осуществления, обеспечение стабильности законодательства. Своей правотворческой деятельностью и правоприменительной практикой государство оказывает влияние на приток инвестиций в реальный сектор экономики, в социальную сферу. Действие юридических факторов в области осуществления инвестиции проявляется и посредством закрепления в законодательстве организационно-правовых форм инвестирования, процедур принятия инвестиционных решений, обеспечения инвесторов необходимой информацией о потребностях в инвестициях и условиях инвестирования. Правовое регулирование инвестиций должно быть ориентировано на решение этих задач, должно воздействовать на субъективные условия и предпосылки инвестирования, формировать позитивные инвестиционные мотивации посредством оптимизации информационной среды. Необходима правовая регламентация механизмов информационного обеспечения процессов инвестирования. В законодательном порядке должны быть закреплены процедуры раскрытия информации об инвестиционных проектах и предоставления ее потенциальным инвесторам.

Одним из наиболее значимых правовых аспектов осуществления инвестиций является их договорно-правовое регулирование. Правовое опосредование инвестиционных отношений осуществляется договорами различного вида, при этом в действующем законодательстве отсутствует правовая модель специального инвестиционного договора. Такой подход к правовой регуляции инвестиций нельзя признать оптимальным. Инвестиционные отношения, несмотря на их разнообразие, являются совокупностью однородных общественных отношений и нуждаются в специальном договорно-правовом регулировании, которое должно осуществляться инвестиционным договором. В инвестиционной практике он используется и нуждается в легализации. Для этого имеются объективные предпосылки, заключающиеся в особенностях инвестиций как объекта правового регулирования, специфическом субъектном составе и содержании договорных отношений. Инвестиционные договоры по ряду существенных характеристик отличаются от других гражданско-правовых договоров. Для совершения инвестиционных сделок порой необходимо принятие административно-правового акта, проведение предварительной организационно-подготовительной работы. Эти специфические особенности инвестиционного договора обусловливают необходимость закрепления в законодательстве его правовой конструкции, которая должна определять круг потенциальных его участников и основные условия осуществления инвестиций, отражать типичные черты и свойства, регулируемых данным договором правоотношений, указывать на их особенности, позволяющие идентифицировать этот вид экономических отношений.

Совершенствование договорно-правового регулирования инвестиционных отношений должно осуществляться и по другим направлениям, в том числе связанным с повышением стабильности договорных связей, установлением долгосрочных договорных отношений. Решение этой задачи во многом зависит от самих участников инвестиционных отношений, однако значительное влияние на стабильность договорных связей оказывают законодательство и судебная практика, существенное значение имеет в этой связи положение о том, что оспоримая сделка не может быть признана недействительной по инициативе суда без предъявления лицом, оспаривающим сделку требования об этом [1].

Правовой режим долгосрочных договорных отношений подвержен происходящим в законодательстве изменениям. В связи с этим, в ст. 422 ГК РФ «Договор и закон» следует внести дополнения, ограничивающие возможность воздействия законодателя на договорные отношения, которые возникли до принятия нового закона, т.е. включить в нее нормативные положения, предусматривающие защиту прав субъектов экономической деятельности от неблагоприятных изменений в законодательстве после заключения договора посредством придания закону обратной силы. Положения данной статьи должны создавать уверенность участников договорных отношений в стабильности условий заключенного договора, защитить их от непредсказуемых законодательных решений, влекущих финансовые потери либо другие неблагоприятные для них последствия.

Определяющим специфику правового регулирования фактором является вид инвестора. Как и сферы инвестирования, инвесторы дифференцируются на основе различных критериев, в частности по их инвестиционным мотивациям. Инвестиционное поведение, инвестиционные мотивации частных инвесторов, особенно физических лиц, существенно отличается от публичных. У них большая свобода действий и их подход к инвестированию более избирателен, прежде чем осуществлять вложения, они просчитывают его последствия, взвешивают условия, в расчет ими принимается значительно большее количество факторов, причем не только экономических. Основным фактором, определяющим их инвестиционные мотивации, являются сохранность инвестиций, безопасность инвестирования. Именно эти обстоятельства оказываются решающими при принятии ими инвестиционных решений. Что же касается публичных инвесторов (государства, муниципальных образований), то их инвестиционное поведение детерминировано более жестко, другими обстоятельствами: инвестирование

осуществляется ими преимущественно в социальной сфере, инфраструктурном секторе экономики, и не направлено, по общему правилу, на извлечение прибыли. Оно имеет место при любом инвестиционном климате, решающими его условиями являются наличие потребности в инвестициях, ее острота и значимость, наличие инвестиционных ресурсов.

Субъектная дифференциация инвестиций весьма значительна и оказывает существенное влияние на их правовое регулирование. Это наглядно проявляется в договорно-правовой сфере. Специальной правовой регламентации подлежат сделки, предметом которых являются имущество и финансовые средства публично-правовых образований, в том числе и договорно-правовое регулирование публичных инвестиций, осуществляемых за счет бюджетных средств. Действующим законодательством такая регламентация осуществляется, однако она является незавершенной, в недостаточной мере обеспечивает защиту публичных интересов. В сравнении с частным интересом, публичный интерес, как правило, оказывается менее защищенным и его охране всегда уделялось внимание. Законодательное регулирование удовлетворения потребностей крупных социальных групп существует едва ли ни со времен римского права [4, с. 176-179]. Как отмечает К.Ю. Тотьев, публичный интерес является непременным атрибутом социального государства, и проблема правового оформления его реализации (выявления, охраны и защиты) еще долго будет оставаться актуальной для юридической науки [5, с. 25]. Наличие публичного интереса обязывает государство осуществлять соответствующую этому интересу деятельность [5, с. 25]. Одним из аспектов этой деятельности является надлежащее правовое регулирование инвестиционных отношений, субъектами которых являются публично-правовые образования. Основополагающие, базовые условия инвестиционного договора, правовую конструкцию которого необходимо законодательно закрепить, должны конкретизироваться бюджетным и другим специальным законодательством с учетом специфики государственных и муниципальных инвестиционных ресурсов.

Специфическими субъектами инвестиционных отношений являются также физические лица, осуществляющие потребительские инвестиции, правовая регламентация которых имеет существенные недостатки. Следствием этого являются наличие в этой области инвестирования суррогатных финансовых инструментов, фиктивных договоров долевого участия в строительстве и других криминальных схем, имеющих целью неправомерное завладение средствами граждан. Широкое распространение получили теневые картельные соглашения между застройщиками, банковскими и страховыми организациями. Указанные негативные явления оказались возможными вследствие недостаточного учета в инвестиционном законодательстве особенностей данного вида инвесторов, слишком широкой, и вследствие этого необоснованной, трактовкой принципа свободы договора. Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что частноправовой принцип свободы договора в полной мере проявляется при установлении договорных отношений между субъектами предпринимательской деятельности, так как в этом случае договор заключается между профессиональными участниками рыночных отношений, занимающимися предпринимательской деятельностью систематически в виде промысла, и содержание этих договоров основывается на таких конкретных обстоятельствах, которые не может учесть законодатель устанавливая общие правила. При участии же в договорных отношениях физических лиц, не являющихся предпринимателями, заключающих договоры эпизодически, в целях удовлетворения тех или иных своих потребностей, степень осуществляемой государством правовой регламентации существенно возрастает. Для правового опосредования вышеназванных договорных отношений в зарубежной договорной практике разработан и успешно применяется механизм заключения договоров на стандартных (общих) условиях. Для заключения такого договора достаточно простого соглашения сторон и он будет считаться заключенным на стандартных условиях [2, с. 106].

Инвестирование физических лиц часто осуществляется через профессиональных посредников. В связи с этим значение имеет момент совершенствования деятельности институциональных инвесторов, аккумулирующих средства граждан и осуществляющих их вложения в ценные бумаги, недвижимое имущество и другие объекты с целью извлечения прибыли для владельцев инвестированных средств. Отечественная практика инвестирования с использованием услуг паевых и других инвестиционных фондов, кредитных и страховых организаций, носит явно негативный оттенок, насыщена различного рода криминальными схемами, типа «финансовых пирамид», нуждается в существенной корректировке. Оказываемые институциональными инвесторами посреднические услуги гражданам требуют глубокой правовой регуляции государством и институтами гражданского общества. Правовое регулирование потребительских инвестиций физических лиц в значительной мере должно основываться на императивных нормах, предусматривать защиту интересов слабой стороны инвестиционного правоотношения, т.е. физических лиц, инвестирующих свои сбережения. При таком субъектном составе желательна публично-правовая унификация, в том числе и в форме сертификации, стандартизации, позволяющих уменьшить риски инвестирования. Правовое сопровождение инвестиций граждан должно основываться на простых и в достаточной мере защищенных легальных, типовых моделях потребительских инвестиций. Необходим сбалансированный подход к договорно-правовой регуляции в инвестиционной сфере, установление оптимального соотношения диспозитивного и императивного регулирования договорных отношений. Оно зависит от субъектного состава инвестиционных договоров. Степень императивного регулирования должна быть более значительной в инвестиционных договорных отношениях, участниками которых являются физические лица, не занимающиеся предпринимательской деятельностью, имеющие правовой статус потребителя. Разумеется, правовыми средствами нельзя полностью устранить инвестиционные риски, они объективно обусловлены природой инвестиций, и никакая схема их защиты не может иметь целью ликвидацию данных рисков. Это в принципе невозможно. Однако правовыми методами можно и необходимо оказывать влияние на субъективные предпосылки инвестирования. Осуществлению инвестиций физическими, а в известной мере и юридическими лицами препятствует неблагоприятный информационный фон, информационное насилие. Агрессивная реклама, навязываемая потенциальным инвесторам против их воли и желания, искажает инвестиционные мотивации, затрудняет выбор правильных вариантов инвестиционного поведения. Важное значение приобретает в этой связи правовое регулирование рекламы, правовая регламентация рекламной деятельности, исключающая возможность зомбирования, противоправного воздействия на инвестиционные мотивации граждан, манипулирование общественным сознанием. Более полной и содержательной должна быть предоставляемая инвесторам информация о финансовом состоянии коммерческих организаций, привлекающих средства физических лиц в качестве источника инвестиций. Ее объем и содержание должны быть достаточными для оценки риска банкротства данных организаций. Критерии оценки состоятельности инвестиционных институтов следует более детально регламентировать законодательством. Инвесторам должно быть обеспечено предоставление всей информации, необходимой для того, чтобы они могли понять и самостоятельно оценить степень инвестиционного риска, связанного с любой схемой, и выбрать схему, которая наилучшим образом отвечает их инвестиционным задачам [3, с. 21].

Риски инвесторов могут быть снижены посредством создания целостной системы государственно-правового регулирования инвестиций, включающей и их информационное обеспечение, предоставление информации о финансовых институтах профессионально занимающихся этим видом деятельности, привлекающих средства физических лиц в качестве инвестиционных ресурсов и нарушающих инвестиционное законодательство. Необходимы реестры таких организаций и реестры пострадавших от их действий инвесторов. В создании такой информационной базы должны участвовать саморегулируемые организации институциональных инвесторов, общества защиты прав потребителей, средства массовой информации и другие институты гражданского общества. Резюмируя сказанное, представляется важным акцентировать внимание на изложенных выше фундаментальных условиях инвестирования при изучении студентами курса «Корпоративное право».

Список литературы

- 1. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 мая 1998 г. № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок». // Вестник ВАС, 1998, №7.
- 2. *Волкова Н.С.* Эффективность права и модернизация экономики (обзор «Круглого стола») // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 2. С. 106.
- 3. Народ, государство, инвестиции: стабильность развития / автор. коллектив под ред. В.Ф. Уколова, А.М. Омарова. М.: Изд-во «Луч», 1999. С. 21.
 - 4. *Покровский И.А.* История римского права. СПб, 1998. С. 176–179.
- 5. *Тотьев К.Ю*. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 25.

ПЕДАГОГИКА

Н.В. Вязовова, В.М. Толстошеина

ОТНОШЕНИЕ К ИНКЛЮЗИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

ATTITUDES TOWARDS INCLUSION AS AN INDICATOR OF THE EFFICIENCY OF INTEGRATION PROCESSES IN HIGHER EDUCATION

ВЯЗОВОВА Наталия Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии МГГЭУ.

VYAZOVOVA Natalia Vladimirovna — the candidate of psychological sciences, the associate professor of pedagogics and psychology MGGEU.

ТОЛСТОШЕИНА Виола Михайловна— кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психолого-педагогического образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

TOLSTOSHEINA Viola Mikhailovna — the candidate of psychological sciences, senior lecturer in the Department of psychological-pedagogical education of the Tambov state university named after G.R. Derzhavin.

Аннотация. Авторами анализируется система отношения студентов к инклюзивному образованию. Рассматриваются позиции лиц с OB3 и здоровых студентов с целью выявления факторов положительного влияния на интегративные процессы в вузе.

Ключевые слова. Инклюзивное образование, система отношений, интеграция, социализация.

Summary. The authors analyze the system of students' attitudes toward inclusive education. Discusses the position of persons with disabilities and healthy students in order to identify factors of a positive impact on the integrative processes at the University.

Keywords. Inclusive education, system of the relations, integration, socialization.

Несмотря на тот факт, что интеграция лиц с отклонениями в развитии не новая для российского образования проблема, и в чем-то уже успешно решаемая, тем не менее, ее актуальность с годами не только не падает, а значительно возрастает. Это обусловлено тем, что интеграционные процессы:

- представлены неравномерно в различных регионах Российской Федерации;
- охватывают в основном только дошкольное и школьное образование;
- не всегда обеспечены соответствующими условиями, формами и методами работы;

- формы интеграции, используемые в учреждениях (при всей их вариативности и разработанности в психолого-педагогической науке) чаще однотипны и малоэффективны.

Приобретя признаки устойчивой тенденции эволюционирования образования начала 90-х годов прошлого столетия, интеграционные процессы аккумулировали в себе идею изменения общественного сознания в сторону признания гарантированного права личности на свободу выбора и самореализации, определив процесс социальной интеграции как конечную цель специального обучения.

Острая необходимость включения в жизнь общества лиц с ОВЗ долгое время ощущалась в кругу самих лиц с проблемами развития, в кругу семей, обеспечивающих воспитание лиц с ОВЗ, а также в кругу преподавателей специализированных коррекционных учреждений по обучению и развитию особых детей.

Актуализация данной проблемы обусловлена социальным заказом части социума на достижение определенного уровня культурного, правового, социального и образовательного развития общества и государства в целом. Но решение проблемы показало, что ее следует рассматривать значительно шире — интеграция должна стать потребностью общества в целом и охватить все группы, социализирующие лиц с ОВЗ (ДОУ, СОШ, вузы, работодатель, семья и др.).

Сложность организации данного процесса заключается в необходимости обеспечить его последовательность и преемственность на каждом из этапов инклюзии, в осмыслении конкретных, а не общих задач данных этапов, в подготовке здоровых членов общества к принятию в свои ряды инвалидизированных лиц.

В настоящее время стало очевидным, что многие ранние западные идеи интеграции, исходящие из декларации запрета на дискриминацию лиц по состоянию здоровья, остаются решенными лишь в правовом поле; призывы уважать неизбежные различия между людьми, их право быть не такими, как все, остались во многом также благими пожеланиями, хотя бы уже потому, что слишком широко рассматривается понятие «различие» и «право быть не таким как все», что распространяется на любого члена общества и не обозначает конкретных особенностей лиц с ОВЗ, контингент которых неоднороден и каждый тип ограничений требует самостоятельного подхода к решению интеграционных задач.

Отечественное видение процесса интеграции на данный момент незначительно отличается от общемирового (М.Р. Битянова, Е.В. Бурмистрова, Е.Л. Гончарова, Е.Л. Гончарова, И.В. Дубровина, Е.А. Екжанова, А.В. Захарова, Л.М. Кобрина, В.И. Лубовский, Н.Н. Малофеев, И.И. Мамайчук, Р.В. Овчарова, В.Э. Пахальян, Ю.А. Разенкова, М.Н. Русецкая, В.В. Ткачева, С.Г. Шевченко, Д.В. Шамсутдинова, В.С. Шилов, Н.Д. Шматко и др.). И, лишь в силу гуманистических традиций российского образования, культуры, православия, оно может быть самостоятельным и отличным от иных, если будут приложены усилия к разработке отечественной модели организации интегрированного обучения в целом и к разработке отдельных программ психологического сопровождения социальной интеграции лиц с различным типом ограничения в социум.

Сильной стороной традиционного специализированного обучения всегда считалась концентрация внимания на индивидуальности каждого учащегося, что обеспечивается индивидуальным подходом при обучении и воспитании, но успешная интеграции в учебную группу при введении инклюзивного образования возможна лишь тогда, когда эта группа обладает здоровой нравственной атмосферой.

Но только ли инклюзия в образовании должна способствовать интеграции? Нет и еще раз нет, так как потребности инвалида шире образовательных и в чемто даже глубже, например, в сфере досуга, хобби, укрепления здоровья, профессионализации, трудоустройства и др.

Формирование особого отношения к каждому инвалидизированному члену группы возможно только при гуманном отношении к человеку вообще, как в конкретной группе, так и обществе в целом. Оно тесно связано с тем, как в обществе воспринимаются инвалиды и как инвалиды воспринимают здоровых. Только при гармонизации этих взаимообусловливающих процессов возможна инклюзия, приносящая действенные результаты, когда каждый раз при переходе в иную социальную группу лицу с ОВЗ не придется преодолевать «себя» и изменять «других».

Более того, без действенного изменения позиции общества в целом, инклюзия в системе образования не спасет ситуации, если за пределами образовательного учреждения инвалид столкнется с равнодушием и бессердечием. Не вызывает у инвалидов восторженного принятия и позиция, которой сейчас придерживаются в обществе в целом — речь идет об игре словами, замене термина «инвалид» на термин «лицо с OB3»; декларации права человека (в нашем случае лица с OB3) на особое развитие, на право быть не таким, как все... а спросите, их это право радует? Помимо права, это становится еще и тяжкой ношей — доказать, что твои возможности шире, чем это определено физиологией.

Именно по этой причине, мы сосредоточили свое внимание на изучении отношения к вопросам необходимости введения инклюзии и в данной статье представим материалы первого этапа комплексного исследования — исследования отношения к инклюзии лиц, непосредственно включенных в данный процесс, имеющих личный опыт обучения в системе специального дошкольного и школьного образования (специализированные школы, специализированные классы, интернаты и т.п.), а теперь обучающихся в единственном в нашей стране вузе с инклюзивной формой образования, специализирующемся на обучении лиц с нарушениями в опорно-двигательной сфере (ФГБОУ инклюзивного высшего образования МГГЭУ).

Опыт данных респондентов можно считать уникальным уже потому, что ранее проводимые опросы отношения к инклюзии проводились среди педагогических работников, родителей детей-инвалидов, родителей детей, не имеющих инвалидности, то есть лиц заинтересованных в рассматриваемом вопросе, но не сопричастных на уровне личной заинтересованности и эмоциональной включенности.

В качестве диагностического инструментария использовался модифицированный вариант опросника, разработанного В.Ю. Ивановой и В.Л. Рыскиной для продвижения и осмысления идеи интеграции. Опросник включает 28 вопросов-суждений, предполагает варианты ответов и свободную форму ответа.

Были опрошены студенты МГГЭУ в количестве 128 человек, из них 49 здоровых студентов и 79 лиц с OB3.

Анализ результатов опроса показал, что, по мнению, аудитории в целом задачами инклюзивного образовательного учреждения (№4, 5) является обеспечение получения качественного образования и воспитания личности, умеющей

ценить различия, а ведущей задачей — подготовка лиц с ОВЗ к жизни, социальному взаимодействию, самопознанию и расширению знаний о других.

Признавая тот факт, что в инклюзии должны быть заинтересованы все люди (1в: 53,65% — с OB3; 12,24% — здор.) и никого нельзя исключить из данного процесса (1д: 34,17% — 28,57%), студенты подчеркивают, что интеграция уже состоявшийся процесс, и каждый его участник должен принять различия людей и их индивидуальные образовательные потребности (1г: 0% — 6,12%).

Не отвергая общеизвестного факта, что инклюзия это часть современной образовательной и социальной политики, тем не менее, студентами обеих подгрупп подчеркивается, что решение этого вопроса по преимуществу связанно с системой ценностей каждого члена сообщества. Единство ценностей членов общества с различными потребностями и возможностями снимет тревогу у тех, кто не верит в благоприятный исход проектов (22в: 45,56% — 36,73%). Ведь отрицать негатив со стороны части общества в адрес интеграции сложно (23д: 22,78% — 8,16%), что отмечается, прежде всего, самими инвалидами, утверждающими, что люди не всегда говорят то, что думают и демонстрирую то, что хотят, проявляя политкорректность. Только повышение общего уровня культуры (25а: 68,35% — 44,89%) общества позволит не допустить дискриминации лиц по признаку здоровья (246: 60,75% - 36,73%).

Чтобы избежать в столь важном вопросе возможных ошибок, уже пережитых западной системой образования, следует изучать чужой опыт и не экспериментировать с «живым» материалом (27а: 68,35% — 28,57%), что совершенно очевидно, и тем не менее, не снимает ответственности отечественного образования и социума в целом за особый путь развития инклюзии в России (276: 7,59% - 16,32%).

Барьерами интеграции лиц с ОВЗ в системе образования преимущественно выступают проблемы эмоционального принятия друг друга (2а: 45,56% — 16,32%); для здоровых студентов также неуважение к различиям (2е: 0% — 20,4%); для лиц с ОВЗ — недостатки ранней социализации, которые обусловлены незнанием родителей детей-инвалидов своих прав и прав своих детей, что затрудняет реализацию их возможностей в дальнейшем (2 Γ : 26,58% — 0%).

Отстаивая систему инклюзии, люди в большей мере думают об изменении позиции здоровых членов общества, их толерантной позиции по отношению к инвалидам (28в: 64,55% — 28,57%), видят в инклюзии основу для формирования в дальнейшем гуманного, справедливого общества (28д: 49,36% — 28,57%). Но лишь около 10% студентов видят в инклюзии желание здоровых помочь лицам с нарушениями (28г: 11,39% — 12,24%).

Препятствует процессу включения лиц с ОВЗ в систему образовательного учреждения: неверие педагогов в возможность усвоения инвалидами знаний на равных со здоровым контингентом, так как коррекционные учреждения обладают большим потенциалом профессиональной поддержки специального запроса обучающихся (6г: 34,17% — 20,4%). Однако, по мнению лиц с ОВЗ, основным препятствием их включению в общее образование является нежелание родителей здоровых лиц обучать своих детей с инвалидами, боясь потерять и в качестве образования (ба: 41,77% — 8,16%) и во внимании к обычным детям и студентам.

Для снятия остроты данного вопроса предлагается либо объяснять, что интеграция будет полезна и больным и здоровым лицам (116: 34,17% — 20,4%), либо оставить данный вопрос без обсуждения, так как очевидно, что каждый человек имеет равные права и завтра в любом образовательном учреждении могут быть лица с OB3 (11в: 30,37% - 16,32%). А а вот информировать лица с OB3 и их родителей о том, что в школе или вузе применяются интегративные программы необходимо. Это поможет им выбрать наиболее подготовленное к инклюзии учреждение (11a:30,37% - 12,24%).

В тоже время большинство студентов (около 50%) считает нормальным и вполне естественным для любого члена социальной группы некоторое ощущение своего исключительного положения, в том числе, и отвержения (19а: 53,16% - 24,48%), но легче преодолеть свою исключительность все же в группе себе подобных (196: 18,98% - 4,08%).

Обеспечивая, с одной стороны, меньший социальный травматизм, обучение в специализированных образовательных учреждениях (ДОУ, СОШ, интернаты) препятствует адаптации к жизни (20а: 30,37% — 12,24%) и только на уровне высшего и среднего специального образования в профессиональном обучении может решить одновременно и образовательные, и профориентационные, и социальные задачи (20г: 34,17% — 20,4%). Вот почему, в инклюзивном образовании акцент следует делать на трех аспектах: обучении, сохранении здоровья и социальном взаимодействии (7а: 60,75% — 28,57%).

Здоровые студенты в качестве препятствия к инклюзии выделили в качестве ведущего — боязнь администраций вузов и школ потерять некоторую престижность, элитарность образовательного учреждения в глазах абитуриентов и их родителей (6д: 18,98% — 16,32%).

Одной из ведущих позиций, рассеивающей данные опасения является отмеченный студентами факт необходимости сохранения высокой роли коррекционной педагогики (21), которая выступает социальным заказчиком инклюзии (21a: 22,78% — 12,24%) и одновременно может стать ресурсным методическим центром для поддержки лиц с OB3 и членов их семей (21г: 34,17% — 28,57%).

Большинство современных образовательных учреждений, поддержавших политику инклюзии («образование для всех») на самом деле не готовы к реализации данной программы и в качестве условий для успешной интеграции студенты назвали:

- необходимость тщательной подготовки персонала (8а: 37,97% 20,4%);
- студенты с ОВЗ выделили готовность всех постоянно следовать запросу сиюминутной жизни (8В: 22,78% 4,08%) и выделение в качестве дополнительной и обязательной деятельности коррекционного педагога (8д: 34,17% 16,32%).

Для включения лиц с OB3 в общую систему образования, по мнению студентов, не надо готовить группу заранее (9e: 41,77% — 20,4%), а быть готовыми отвечать на возникающие вопросы по мере их появления, ибо подготовка заранее будет дискриминировать лицо с OB3 (9д: 15,18% — 16,32%), но, тем не менее, информировать группу о предстоящем «включении» и особых потребностях лица с OB3 — можно и нужно (9a: 22,78% — 16,32%). Речь лишь идет о форме и содержании предоставляемой информации.

Действительно, отмечают респонденты с OB3, детальное обсуждение диагноза может сразу привести к их изоляции (12a: 26,58% - 4,08%), тем более, что он является конфиденциальной информацией (12r: 30,37% - 4,08%) и может быть доверен только специалисту. Однако обе подгруппы испытуемых со-

гласились в позиции о том, что страшен не дефект и не диагноз, главное, что будет считаться основной характеристикой лица с ОВЗ при взаимодействии с ним (12B: 41,77% - 32,65%), состояние его здоровья или качество его личности.

По 9 вопросу студенты с ОВЗ были единодушны со своими здоровыми однокурсниками (9е: 41,77% — 20,4%), как и во взгляде на преимущества коррекционной педагогики, обеспечивающей исключительную заботу специалистов, что не помешало им признать, что эта поддержка не всегда будет идти с ними по жизни и лучше привыкать к самостоятельности (106: 60,75% — 28,57%) и учиться у других людей опыту, необходимому для дальнейшего продвижения (10B: 37,97% - 8,16%).

В связи с вышесказанным важно установить пропорции состава учебных групп, так, чтобы определить какой опыт будет преобладать и возможно влиять на поведение и отношение к учебной деятельности. Единодушие опрошенных проявилось в отношении не «к числу, а к умению», то есть приоритету устанавливаемых в группе отношений, позволяющих ощущать себя комфортно, единым организмом (16г: 68,35% -32,65%), что естественно связывается студентами с ролью педагога и лица с OB3 (17в: 53,16% — 28,57%). Трудно не согласиться со студентами, что лицо с ОВЗ, поступая в образовательное учреждение, часто несет уже на себе определенный отпечаток семейного и иного близкого социального взаимодействия с ним и, если опыт был негативным, трудно будет преодолеть его и в школе, и в вузе.

В обязанность педагога в подобной ситуации входит организация школьного или студенческого коллектива. И главным, на что следует обратить внимание для преодоления барьеров восприятия и общения, является постоянное акцентирование внимание на вопросах уважительного отношения друг к другу и иным потребностям другого (186: 60,75% — 28,57%), а также на сильных, а не слабых сторонах каждого (18в: 34,17% — 20,4%). Демонстрируя свое позитивное отношение к лицам с ОВЗ, педагоги могут на личном примере показать образцы взаимодействия с ними, изменяя постепенно отношение к инвалидам с «жалости» и «безразличия» к «принятию» и «пониманию» (26a: 53,17% - 28,57%).

Об исключительной важности потребности и готовности к интеграции самих лиц с ОВЗ говорит тот факт, что обе подгруппы признали ограничения в возможности интеграции любого нуждающегося в ней инвалида (13а: 37,97% — 20,4%). Но студенты имели в виду, в большей мере, индивидов с проблемами в умственном развитии, и лица, представляющих опасность для физического и психического развития других (13в: 22,78% - 20,4%).

Критерием инклюзивного отбора для обучения в вузе инвалиды назвали лишь индивидуальную потребность лица с ОВЗ общаться с другими (14а: 26,58% — 12,24%), ибо все иные критерии препятствуют самореализации (14в: 24,17% — 8,16%). Здоровые респонденты по преимуществу вообще исключили право здоровых осуществлять хоть какой-то отбор лиц с ОВЗ (14д: 22,78% – 20,4%). Ведь ведущей целью инклюзии выступает ее полезность для лиц с ОВЗ и для определения эффективности данной формы обучения достаточно знать, хочет ли инвалид учиться (15а: 37,97% — 12,24%), проследить его развитие (15г: 26,58% — 24,48%). Однако, и так считают около 48% респондентов, отследить позитивную динамику инклюзивного образования не всегда можно сразу, не все изменения в развитии лиц с ОВЗ носят заметный и устойчивый характер (15д: 30,37% — 8,16%), всегда есть риск регресса в связи с обострением болезни и это в большей мере отметили студенты-инвалиды.

В приведенной ниже сводной таблице представлены результаты лидирующих позиций респондентов во взглядах на каждый из поставленных опросником вопросов (см. табл.).

Сравнительный анализ отношения студентов МГГЭУ к проблемам инклюзивного образования

Группы респондентов	Показатели отношения студентов к инклюзии (в %)							
*	_							
№ вопр.	1	2	3	4	5	6	7	8
Лица с OB3	В	A	Б	В	Б	A	A	A
	53,16	45,56	53,16	68,35	53,16	41,77	60,75	37,97
Здоровые	Д	Е	Б	В	Б	Γ	A	A
	28,57	20,4	24,48	40,81	40,81	20,4	28,57	20,4
№ вопр.	16	17	18	19	20	21	22	23
Лица с OB3	Γ	В	Б	A	Γ	Γ	В	Γ
	68,35	53,16	69,75	53,16	34,17	34,17	45,56	34,17
Здоровые	Γ	В	Б	A	Γ	Γ	В	Γ
	32,65	32,65	28,57	24,48	20,4	28,57	36,73	20,4

Окончание таб.

Группы	Показатели отношения студентов к инклюзии (в %)						
респондентов							
№ вопр.	9	10	11	12	13	14	15
Лица с OB3	Е	Б	Б	В	A	A	A
	41,77	60,75	34,17	41,77	37,97	26,58	37,97
Здоровые	Е	Б	Б	В	A, B	Д	Γ
	20,4	28,57	20,4	32,65	20,4	20,4	24,48
№ вопр.	24	25	26	27	28	29	
Лица с OB3	Б	A	A	A	В	Д	
	60,75	68,35	53,17	68,35	64,55	34,17	
Здоровые	Б	A	A	A	В,Д,Е	A	
	36,73	44,89	28,57	28,57	28,57	12,24	

Завершая сравнительный анализ отношения студентов к проблеме интеграции в вузе, и в образовании в целом, мы выделим ряд особых признаков, выделенных студентами и отмеченных нами в ходе исследования:

- позиция лиц с ОВЗ в отношении инклюзии отличается большей эмоциональностью, критичностью, неверием в скорое изменение отношения широкого социума к инвалидам, как равноправным членам общества. Взгляд здорового студента отличается оптимизмом и желанием внести свой вклад в это непростое дело;
- лица с OB3 отмечают особую атмосферу вуза, отличающуюся от ранних стадий образования большей демократичностью и гуманностью, так как

взрослые члены общества воспринимают проблемы инвалидов осознанно, а не только эмоционально, реально смотрят на систему личностных ценностей и задачи инклюзии, а потому, они в состоянии дать реальную оценку личности инвалида, акцентировав внимание на его достоинствах, а не дефектах;

- тот факт, что высшее образование основано на добровольном выборе обучающимся места обучения, на его потребности в самореализации и оценке собственных возможностей в профессионализации, в системе вуза адаптация происходит легче, чем в СОШ, а коммуникация достигает уровня действенной интеракции;
- на положение и отношение студентов обеих подгрупп друг к другу не влияет мнение родителей, их отношение к инклюзии, так как позиция формируется исходя из личного опыта не только совместного обучения, но и совместного проживания в общежитии. Получаемый позитивный опыт нуждается в обобщении и распространении и может послужить надежным стимулом к привлечению большего числа лиц с ОВЗ в систему высшего образования и профессионализации;
- юношеский возраст студентов позволяет не только обладать значительным субъективным образовательным, социальным и бытовым опытом, но и обмениваться им как между собой, так и с преподавателями, чему во многом способствует система обучения (семинарские и практические занятия, практика в учреждениях, научно-практические конференции и др.).

Продолжая наше исследование, мы расширяем выборку за счет привлечения студентов вуза, не имеющего статуса инклюзивного, но готовящего специалистов психолого-педагогического и социально-педагогического профиля для работы, в том числе, с лицами с ОВЗ. Результаты исследования будут также подвергнуты количественному и качественному анализу и представлены в печати.

Список литературы

- 1. *Борисова Н.В.* Социальная политика в области инклюзивного образования: контекст либерализации и российские реалии //Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 1. С. 103–120.
- 2. Дудченко О.Н. Социальная идентификация и адаптация личности //Социологические исследования. 1995. №6. С. 110–120.
- 3. *Романов П*. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов, 2006.
- 4. *Шмидт В.Р.* Социальная инклюзия и инклюзия в образовании. Учебнометодическое пособие. М., 2006.

НРАВСТВЕННАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕПРИВАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В УСЛОВИЯХ СДУ И ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MORAL SOCIALIZATION AS A MEANS OVERCOMING DEPRIVATION TRENDS IN CONDITIONS OF SPECIALIZED CHILDREN'S INSTITUTIONS AND INCLUSIVE EDUCATION

МОЛОКАНОВА Мария Сергеевна — кандидат психологических наук, педагог-психолог МБОУ СОШ № 31 г. Тамбова (e-mail: 13785@mail.ru).

MOLOKANOVA Maria Sergeevna — the candidate of psychological sciences, the teacher-psychologist of MIDDLE school No. 31, Tambov (e-mail 13785@mail.ru).

ВЯЗОВОВА Наталия Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии МГГЭУ (e-mail: Natali-lapulia@yandex.ru).

VYAZOVOVA Natalia Vladimirovna — the candidate of psychological sciences, the associate professor of pedagogics and psychology MGGEU (e-mail: Natali-lapulia @ yandex.ru).

ТОЛСТОШЕИНА Виола Михайловна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психолого-педагогического образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (e-mail: Cassandral@ yandex.ru).

TOLSTOSHEINA Viola Mikhailovna — the candidate of psychological sciences, senior lecturer in the Department of psychological-pedagogical education of the Tambov state university named after G.R. Derzhavin (e-mail: Cassandral@yandex.ru).

Аннотация: в статье обращается внимание на проблему социальной и эмоциональной депривации лиц с OB3 и социальных сирот, решение которой авторы видят в планомерном психологическом воздействии, направленном на формирование нравственной позиции в условиях выбора.

Ключевые слова: нравственная социализация, депривация, инклюзия, социальное сиротство.

Summary. The article focuses on the problem of social and emotional deprivation of persons with disabilities and social orphans, the solution of which the authors see in systematic psychological impact, aimed at the formation of a moral position in the selection criteria.

Keywords: moral socialization, deprivation, inclusion, social orphanhood.

Произошедшие в последние десятилетия изменения в социально-экономической и культурной жизни ставят перед социумом задачи, требующие высокого уровня нравственного развития личности, овладения ею традиционными социально приемлемыми формами поведения и их творческим преобразованием с учетом условий социализации, что приобретает особую актуальность в подростковом и юношеском возрастах.

Сложности в ситуации расширения взаимодействия с социумом испытывают многие тинэйджеры, но особенно остро данная проблема проявляется у лиц,

социализирующихся в условиях детского дома или ограниченного пространства (лица с ОВЗ), так как именно для них наибольшую сложность представляет любая ситуация, требующая независимого самостоятельного выбора способа поведения в условиях принятия решения. Все указанные нами категории социальных депривантов ограничены в возможности преодолеть чужое влияние, ограничивающее их самостоятельность, а потому их поведение строится с учетом социального одобрения со стороны референтно значимой группы, вне учета реальной оценки просоциальной или асоциальной ориентации данной группы. Главное для депривантов быть принятыми, не отторгнутыми в социуме, а потому социально желательное поведение у них часто нравственно не сориентированно.

Организация практики воспитания и развития личности сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей, а также лиц с ОВЗ представляет собой актуальную проблему современной педагогики и педагогической психологии (Е.Л. Гончарова, И.В. Дубровина, А.В. Захарова, Л.М. Кобрина, Н.Н. Малофеев, В.С. Мухина, Н.М. Назарова, А.М. Прихожан, Ю.А. Разенкова, М.Н. Русецкая, Н.Н. Толстых, Н.Д. Шматко и др.), обусловленную необходимостью формирования субъектной активности данных лиц в процессе выбора собственной осознанной нравственной позиции, позволяющей успешно реализовать себя в социуме, преодолев социально желательные тенденции в поведении [3].

Психологические подходы к изучению феномена социально желательного поведения характеризуют рассмотрение данного процесса с позиции изучения склонности к социальной желательности в процессе тестирования (Д.П. Кроун, Д. Марлоу, А. Орел, В.И. Похилько, А.Г. Шмелева, А.Л. Эдвардс и др.), становления самосознания (В.П. Бояринцев, Г. Линдсей, С.М. Меджидова, К. Холл и др.) и социально-психологических исследований социально желательного поведения (Т.Е. Иовлева, О.А. Карабанова, Е.А. Курганова, Н.Г. Салмина, И.Г. Тиханова и др.).

Тестологический подход рассматривает социально желательное поведение как потребность человека представлять себя в наилучшем свете при ответе на вопросы тестов, для чего были разработаны специальные методики и отдельные шкалы («шкала ереси», «шкала лжи»), предназначенные для выявления социальной желательности как характеристики личности (Д.П. Кроун, Д. Марлоу, В.И. Похилько, А.Л. Эдварде), что положило начало исследованию изучаемого явления.

Изучение становления самосознания и социально желательного поведения, позволило установить формы избегания феномена социальной желательности, выделяя значимые для субъекта составляющие «Я — образа». Установлено, что одни и те же по своему содержанию знания о себе у разных людей могут обладать различной субъективной значимостью, и, отделяя оценки окружающих от знания о себе, субъект реализует самость.

В исследованиях поведения социальную желательность рассматривают как черту личности, формирующуюся в условиях необходимого соответствия требованиям группы и получения одобрения (Н.В. Вязовова, А.Г. Зверков, О.А. Карабанова, Е.А. Курганова, Е.В. Эйдман и др.). Стремление видеть себя и социум в определенном соотношении, позволяющем представить себя сопричастным значимому для социума, позволяет депривантам рассматривать свое поведение через призму социального оценивания.

Общим основанием для изучения социально желательного поведения выступили работы А.Г. Зверкова, О.А. Карабановой, Е.А. Кургановой, Е.В. Эйдмана и др. Социально желательное поведение рассматривается в группах дошкольников и младших школьников (Т.Е. Иолева, О.А. Карабанова, Е.А. Курганова, В.В. Серова и др.) и определяется как стремление соответствовать ожиданиям и образцам при ориентации на значимого другого, что можно наблюдать, как подчеркивает Е.А. Курганова, во всех переходных периодах. Возникая в конце дошкольного возраста, социальная желательность как направленность на одобрение значимого взрослого через выполнение норм и правил, способствует вхождению ребенка в новую социальную ситуацию, что, закрепляясь, повторяется и в дальнейшем возрастном развитии в периоды перехода к новым социальным отношениям. Применительно к описанным ситуациям и с учетом ориентации детей на значимого взрослого, социально желательное поведение может выступать как позитивный психологический феномен. Изменения условий развития ребенка, в нашем случае — депривация, и возрастающая потребность ориентации на сверстников, кардинально меняет содержание социально желательного поведения.

По нашему мнению, социально желательное поведение — лишь следствие наличия у индивида «эффекта социальной желательности», который, проявляясь в ходе тестологического исследования, не может быть связан только с самой ситуацией исследования, его корни скрыты в глубине мотивационно-потребностной сферы личности, в системе ее нормативной и ценностной сфер.

С целью объяснения наблюдаемого поведения мы сочли необходимым ввести рабочее понятие «эффект социальной желательности», под которым понимается социально-психологический эффект, проявляющийся в любой ситуации социально-ролевого взаимодействия, в ходе которого личность вербально декларирует и активно поддерживает, но не демонстрирует социально «одобряемые» и приемлемые в рамках ситуации образцы поведения, усвоение которых обусловлено интенционной индеферентностью субъекта и противоречием между когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющими нравственной сферы.

При этом эффект социальной желательности, во-первых, в большей мере проявляется в поступках, заданных ситуацией нравственного выбора, а не в поведении в целом; а во-вторых, проявляется в отношении группы сверстников и не проявляется в отношении воспитывающих взрослых.

Социально желательное поведение, как и поведение в целом, связано с проблемой выбора и самоидентификации, что наиболее актуально в подростковом и юношеском возрастах и имеет принципиальные различия в зависимости от условий развития индивида. Если в условиях благоприятного раннего развития у подростка четко выстраивается траектория на самоидентичность, понимание и принятие себя (распределены и осмыслены социальные роли, формируются жизненные принципы и расставляются приоритеты, что происходит благодаря благоприятному воздействию семьи и школы, товарищеской группы, в которой он не только видит, но и активно усваивает при поддержке и помощи близких новые социальные роли), то депривант находится в условиях, ограничивающих возможность свободно контактировать со значимыми взрослыми, как носителями определенных профессий, культуры, гендера. Вот почему его отношения с воспитывающими взрослыми не всегда позитивны.

На наш взгляд, эффект социальной желательности (ЭСЖ) в большей мере проявляется в поступках, а не в поведении в целом. При оценке поступка следует учитывать не только систему моральных норм, принятых в данном обществе, но и субъективный нравственный смысл действия, а само действие следует рассматривать как реализацию поступка в конкретной ситуации.

Личность, будучи членом тех или иных социальных групп, обычно строит свою деятельность, прежде всего с учетом взглядов, существующих в данных группах и в обществе в целом. Влияние малой группы на протекание психических явлений и поведение индивида связано с изучением феномена эффекта социальной желательности, который, по нашему мнению, следует отличать от конформности как личностного качества, которое проявляется в тенденции демонстрировать сильную зависимость от группового давления в различных ситуациях.

Изучая эффект социальной желательности мы установили, что данная психологическая характеристика поведения тесно связана с нравственной позицией индивида относительно нравственной позиции общества, с принятием или отвержением определенного социального стандарта, степенью подчинения индивида групповому воздействию. Степень проявления данного эффекта — частота и глубина подчинения в том случае, когда противоречие мнению группы субъективно воспринимается индивидом как внутриличностный конфликт.

Противоречивость социальной ситуации развития воспитанников детского дома подросткового и юношеского возраста заключается в том, что они одновременно включены в две группы членства — группу детского дома и школьный класс. Поэтому, нельзя упускать из вида и тот факт, что значимость этих сообществ для них принципиально различна. В действительности референтной группой их членства является лишь группа детского дома. Здесь система межличностных отношений самым непосредственным образом влияет на личностное становление, определяя специфику структуры личности, и формируя особую социальную «мы-направленность». В тоже время «в школе, куда они ходят учиться, одноклассники из семей выступают в их сознании как «они», что развивает сложные конкурентные, негативные отношения детдомовских и «домашних» детей» [4, с. 33].

Воспитанники СДУ ограничены в общении с детьми из обычных семей, так как они чаще всего посещают школы и классы, где учится много воспитанников детских домов, а потому наблюдается микрогрупповая ориентация на «своих», ограничивающая возможность усвоения иных социальных взаимоотношений, ограничивающая приток иного опыта. Но даже если в школе наблюдается численный перевес семейных детей, то, к сожалению, общение с ними ограничено учебным пространством и заканчивается за порогом школы (В.Г. Боровик, А.М. Прихожан, Л.К. Сидорова, Е.Н. Трухманова и др.).

Та же тенденция наблюдается при рассмотрении особенностей социального взаимодействия лиц с ОВЗ, большинство из которых еще недавно либо обучались в специализированных интернатах, либо находились на домашнем обучении, что, в конечном счете, породило ориентацию на группу членства, с выраженным чувством «МЫ» внутри группы лиц с ОВЗ или семье. Соответственно «не МЫ» — это «ОНИ» — все, кто в данную группу не включен, и взаимное принятие столь по разному социализированных групп возможно только в условиях инклюзивного образования, где сначала необходимо преодолеть эффект «МЫ и ОНИ», изменив систему нравственных оценок и ценностей.

Именно поэтому, к одной из наиболее актуальных задач развития воспитанников интернатных учреждений отечественные исследователи относят задачу внесемейной социализации, ведущей проблемой которой считают затруднение индивида в процессе овладения той или иной социальной ролью (ребенка, семьянина, друга, соседа, жителя города и т.д.), легко воспроизводимой в условиях благоприятного развития и нарушенной в условиях депривации (И.В. Дубровина, И.В. Ежов, М.И. Лисина, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и др.).

Осваивая множество, необходимых для успешной самореализации ролей, индивид социализируется, становится зрелой личностью. В условиях ограничения нормальных для обычного человека социальных контактов в детстве (семья, друзья, соседи и т.п.) ролевой сценарий формируется на основе противоречивой информации, получаемой ребенком из различных источников, в том числе, за счет обмена негативным опытом с другими воспитанниками СДУ. В связи с этим часто возникает деформация ролевого сценария; вместо самостоятельной взрослой роли, соответствующей индивидуальности человека, реализуется жизненный сценарий «ребенок-сирота», «ребенок-инвалид» [4].

О.В. Брекина отмечает, что особенностью социализации выпускников детских домов и школ-интернатов является то, что у депривированных лиц отсутствуют и знание, и отношение к нормам и правилам поведения в обществе, нет четких поведенческих сценариев и осознанных ценностных ориентаций [1]. Это связано с отсутствием опыта доверительных отношений к взрослым и благополучным сверстникам, являющимся трансляторами этих норм и отношений, ограничением общесоциального и культурного опыта, что затрудняет компенсацию отсутствия личных смыслов и осознанного ответственного отношения к окружающему миру.

Вакуум морально-нравственных знаний и переживаний делает депривантов открытыми для любых, в том числе негативных, воздействий, а потому прогноз социализации (как просоциальной, так и асоциальной) мало предсказуем и требует целенаправленного преобразования формирующей социальной среды; расширения интерактивного поля за счет введения инклюзии и обогащения среды в процессе психологического сопровождения процесса социальной интеграции.

Отмечая низкий уровень осознанности и интериоризации общепринятых, человеческих ценностей, социальных норм и правил поведения у выпускников детских домов и школ-интернатов, мы связываем это, прежде всего, с тем, что опыт общения со взрослыми, трансформирующий разнообразные, субъективно значимые просоциальные ценности, у депривантов крайне ограничен и носит специфический характер, обусловленный отсутствием доверия к взрослым (или чужим), негативизмом в отношении любого педагогического воздействия.

Вот почему, признавая личность не только социальным индивидом, но и активным субъектом социального развития, и, что не менее важно, активным субъектом саморазвития, мы считаем чрезвычайно важным реорганизовать процесс усвоения социального опыта депривантом от пассивного, субъективно незначимого к активному, преобразующему индивида в субъекта социализации. Т.е. не только накапливающего (идентичность), но и субъективно структурирующего усвоенную культуру макро- и микросоциума (Я-идентичность).

Именно поэтому особую актуальность в подростковом и юношеском возрастах приобретает вопрос нравственного развития и формирования личности деприванта, его «нравственной социализации».

Под нравственной социализацией мы понимаем процесс целенаправленного усвоения индивидом моральных норм с последующим осознанным преобразованием их в нравственные нормы, а также реализацией полученных моральных знаний и нравственного опыта.

Исходя из структуры процесса социализации, в формирующем социализирующем воздействии можно выделить следующие компоненты (см. табл.).

Компонентная структура нравственной социализации

Компо-	Метафориче-	Психологический	Изменения в развитии/результат
нент	ский девиз	механизм	2 2 2
Когнитивный	«Знаю как должно быть»	Усвоение, принятие, осознание, внушение, убеждение, интериоризация	понента нравственной сферы, знание социального стандарта,
Эмоционально-		Интроспекция, рефлексия, принятие/ непринятие, сопереживание	Формирование собственного отношения к нормам и правилам
Поведенческий	«Поступаю так, как требует общество, выбор сознательный»	Усвоение	Поступок как следствие осознанного выбора. Реализация приобретенных знаний, проявление личностной позиции в ситуации взаимодействия, нравственного выбора

Когнитивный компонент предполагает формирование у депривантов целостной картины мира, приобретение необходимых для жизни в социуме умений и знаний о социальных отношениях.

В подростковом и юношеском возрастах особенно интенсивно происходит соотнесение получаемой информации с собственным социальным опытом и формирование на этой основе субъективного к ней отношения. Преимущественно усваиваются такие понятия, идеи, представления, которые соответствуют доминирующим мотивам поведения (Л.И. Божович, А.В. Петровский). С точки зрения Л.Б. Филонова, именно в подростковом возрасте происходит интеграция

сложных систем норм поведения и осуществляется переход к использованию подростками сложных механизмов внутренней регуляции собственного поведения на основе усвоенных норм. Но для лиц с ОВЗ данный процесс несколько затягивается по времени, так как социальные контакты либо ограничены пространством (домашнее обучение и развитие), либо узко ориентированы на субъектов с аналогичными психологическими проблемами и эмоциональными состояниями.

Основными психологическими механизмами формирования когнитивного компонента выступают: усвоение, принятие, осознание, внушение и убеждение. При этом, наиболее продуктивным, с одной стороны, и сложным, с другой, является механизм усвоения — формирования индивидуального опыта через приобретение совокупности знаний.

Принятие знаний о социальном стандарте наиболее эффективно происходит в процессе анализа морально — нравственных императивов, что позволяет не только формировать собственное мнение относительно норм и правил поведения в обществе, но и оптимизировать поиск новых путей формирования нравственной сферы личности, развивая социальную активность деприванта как центральную линию построения взаимоотношений с социумом.

Социальная позиция деприванта формируется благодаря осознанию им своего «Я», которое представляет собой понимание человеком своего отношения к нормам и требованиям социума, осознание своих возможностей, их становление, их апробацию и реализацию (Д.Б. Фельдштейн). Подростки и юношество вполне способны к самостоятельной организации своей деятельности, решению важных вопросов повседневной жизни. Однако, не смотря на развитое чувство долга, ответственности, в то же время они не имеют еще вполне осознанной позиции по отношению к ценностям определенных социальных групп и общества в целом. Отсутствие необходимого жизненного опыта приводит к частой смене взглядов, суждений, смене ролевого репертуара. У молодежи непрерывно расширяется круг социальных интересов, нарастает их дифференциация, глубина и содержательность, что обосновывает необходимость своевременной коррекции и развития механизма осознания при формировании когнитивного компонента нравственной социализации личности. Поэтому в практике формирования нравственных позиций по-прежнему актуально применение внушения и убеждения.

Внушение представляет собой целенаправленное воздействие на личность, приводящее к изменению ее поведения вне критической оценки принимаемой информации. Наиболее ценно внушение при работе с искажениями нравственной сферы, асоциальной направленностью личности, когда формирующая социальная среда не способствовала выработке даже элементарных социальных навыков, а в ряде случаев формировала асоциальные.

Убеждение как процесс обоснованного, логического, то есть опирающегося на систему доказательств, воздействия, имеет своей целью изменение или формирование новых взглядов, отношений, способов поведения личности. Убеждение строится так, чтобы с помощью логического обоснования выдвигаемых положений, с опорой на рациональное мышление, повлиять на личность молодого человека. Формирование когнитивного компонента нравственной социализации посредством убеждения стимулирует становление и расширение мотивационно-потребностной сферы, оптимизирует интерактивные возможности,

стимулируемые образовательной деятельностью, направленной на усвоение норм человеческих взаимоотношений.

Таким образом, происходит не только морально-нравственное развитие, но и возрастает социальная активность деприванта, а потребность в расширении когнитивной составляющей нравственного развития начинает занимать в иерархии высокое место.

Механизм интериоризации, закрепляющий присвоение общественно-исторического опыта, у Л.С. Выготского и других классиков отечественной психологии выступает в качестве основного механизма социализации. В работах ряда современных авторов, в частности И.Ф. Клименко, отмечается, что интериоризация общественно значимых нравственных ценностей и императивов проходит через усвоение социальных нормативов, как в вербальном, так и в поведенческом плане [5]. Так, по мнению Б.С. Круглова, интериоризация представляет собой осознанный процесс, предполагающий наличие у человека способности выделить из множества явлений те, которые имеют для него некоторую ценность, а затем превратить их в определенную внутреннюю структуру в зависимости от условий существования, ближних и дальних целей своей жизни, возможностей их реализации и т.п. Такая способность может реализоваться лишь при достаточно высоком уровне личностного развития, включающем определенную степень сформированности высших психических функций, сознания и социально-психологической зрелости [2].

Эмоционально-оценочный компонент нравственной социализации включает процесс усвоения социальных норм, социальных ролей, ориентирования в содержании деятельности, понимания и оценивания ее социальной значимости на основании складывающегося эмоционального отношения человека к окружающему миру.

Основными психологическими механизмами формирования данного компонента являются: интроспекция, рефлексия, принятие/непринятие, сопережива-

Рефлексия рассматривается как психологическая возможность «выхода» из процесса осуществления деятельности и как возможность дальнейшего проектирования будущего шага развития деятельности [5, с. 67]. Она предполагает осознание человеком своих действий, своего «Я», а также внутреннего мира людей, совместно с которыми он осуществляет групповую деятельность.

Под рефлексивным механизмом нравственной социализации мы понимаем отражение индивидом личностных смыслов и принципов действий с последующим включением их в самоконтроль и саморегуляцию деятельности и поведения, посредством определения связей между конкретной ситуацией и нравственной позицией.

Интроспекция как метод познания психических явлений путем самонаблюдения, внимательного изучения происходящего в сознании и поведении, в большей мере чем иные методы психологического воздействия, соответствует потребности молодого человека в самонаблюдении, самооценке, самоутверждении и самоусовершенствовании. Данные моменты возникают благодаря самоуглублению и проявляются в моральной потребности проанализировать свои достоинства и недостатки, в стремлении понять, какие собственные поступки и цели являются правильными или неправильными, к чему следует стремиться и от чего воздерживаться.

Сопереживание позволяет проникнуть в эмоциональное состояние другого человека, прочувствовать его, что порождает способность разделить чужой опыт, верно оценить его, а потому сопереживание другому означает нечто большее, чем жалость к нему или поддержку его поступков. Глубоко разделяя эмоции другого, сопереживающий (эмпатирующий) демонстрирует потребность к действиям, помогающим освободиться от негативных переживаний.

Поведенческий компонент нравственной социализации предполагает включение подростков и юношества в социально значимую деятельность, одновременно личностно значимую и высоко оцениваемую обществом. Он предполагает приобщение индивида к позитивному социальному опыту, развивающему его личность, позволяющему проявить себя в качестве субъекта социальной активности, в результате чего формируется неповторимая индивидуальность личности.

Основным психологическим механизмом формирования данного компонента выступает усвоение через трансляцию, повторение и закрепление разнообразных форм поведения. Результатом усвоения выступают: осознанное закрепление определенной модели поведения, ее рефлексивный анализ, сформированная ответственность за поступки.

Анализируемая модель (Молоканова М.С., Вязовова Н.В.) была разработана нами и апробирована в интернатном учреждении, полученные результаты показали ее эффективность применительно к подростковой выборке и еще раз подтвердили, выдвигаемую нашими коллегами (Толстошеина В.М., Смолярчук И.В.) [7] гипотезу о том, что только самостоятельный творческий (креативный) подход может в полной мере, начиная с раннего детства, способствовать развитию личности депривированного ребенка [6].

Модель креативного сопровождения интеракции воспитателя и воспитанника СДУ позволяет научить ребенка-деприванта постоянно искать нестандартные, но социально приемлемые, решения в ситуациях взаимодействия, находить самостоятельные оригинальные характеристики личностных проявлений в социуме.

Таким образом, мы полагаем, что процесс нравственной социализации личности деприванта в условиях СДУ или в системе инклюзивного образования должен носить творческий характер и включать в себя три компонента:

- во-первых, познавательный, ориентированный на усвоение норм социальных и морально-нравственных отношений;
- во-вторых, эмоционально-оценочный, формирующий необходимую для выражения отношения к себе как субъекту деятельности, к собственной деятельности и другим людям как субъектам взаимодействия, эмоционально значимую и ответственную позицию;
- в-третьих, поведенческий, ориентирующий на умение строить свое поведение в соответствии со сделанным выбором, преломленным через собственные нравственные критерии.

Список литературы

1. Брекина О.В. Особенности процесса социализации выпускников детских домов и школ интернатов: Автореф. ... дисс. канд. псих. наук. – М.: МГУ, 2003.

- 2. *Клейберг Ю.А.* Социальная психология девиантного поведения: учеб. пос. для вузов. М.: ТЦ Сфера, 2004.
- 3. *Молоканова М.С., Вязовова Н.В.* Психологические особенности развития нравственной сферы подростка-деприванта //Психология и современное общество: взаимодействие как путь взаиморазвития: Мат-лы 2 Межд. науч.-практ. конф. СПб., 2007. С. 81-84.
- 4. *Мухина В.С.* Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа //Вопросы психологии. 1989. № 1.
 - 5. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
- 6. Толстошенна В.М., Вязовова Н.В. Психологическое сопровождение воспитанников СДУ, переживших эмоциональное насилие в семье //Всероссийский форум «Здоровье нации основа процветания России»: Мат-лы НП конгрессов III Всерос. форума. Т. 3, часть 1. М., 2007. С. 28–31.
- 7. Толстошенна В.В., Смолярчук И.В., Вязовова Н.В. Психологическое сопровождение деятельности педагога-воспитателя детского дома по развитию креативной личности воспитанника Формирование компетентностей одаренной личности в системе образования. Мат-лы Межд. НПК. Севастополь, 2013.

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ОБУЧЕНИЯ БУХГАЛТЕРСКИХ КАДРОВ

ON MODERN TECHNOLOGIES OF TRAINING OF ACCOUNTING PERSONNEL

МИРОНОВА Наталья Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГГЭУ (e-mail: natamironova@mail.ru).

MIRONOVA Natalya Aleksandrovna — candidate of economic sciences, associate professor of the Department of accounting, analysis and auditing MGGEU (e-mail: natamironova@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются современные технологии подготовки бухгалтеров при изучении дисциплины «Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету».

Ключевые слова: современные образовательные технологии, деловые игры, бухгалтерская компьютерная программа «Инфо-бухгалтер», профессиональная подготовка бухгалтеров, повышение качества образования.

Summary. The article analyses modern technologies of training of accountants in studying «Laboratory workshop on accounting».

Keywords: modern technologies of training, business games, accounting software «Info-accountant», training of accountants, improving the quality of education.

В наше время практически в любой сфере деятельности используются современные технологии, в частности в образовании. Главными чертами современных образовательных технологий являются гуманность, эффективность, наукоемкость, универсальность, интегрированность [8, с. 92]. Гуманность означает улучшение качества жизни. Эффективность технологии означает получение положительного результата, более быстрого по сравнению с традиционными технологиями. Под универсальностью понимается применение одной и той же технологии в обучении разных учебных дисциплин. Интегрированность означает взаимосвязанность с другими технологиями для дополнения обучения. Целью современных образовательных технологий является повышение качества образования. «Качество образования — означает соответствие образования интересам человека, общества и государства. Качество образования проявляется через ценностное отношение к нему со стороны человека, общества и государства» [8, с. 92]. Благодаря качественному образованию человек приобретает знания, развивается духовно, как личность. Благодаря образованию он приобщается к культурным мировым ценностям. Образование имеет социальную ценность в виде здоровьесбережения. [8, с. 92].

Подготовка специалистов по бухгалтерскому учету ведется с использованием информационных технологий. Показателем качества образования для будущего экономиста является уверенное владение навыками работы с программными продуктами. Образовательные заведения должны готовить специалистов экономических специальностей с хорошей компьютерной подготовкой. Уровень подготовки выпускника по специальности 080109 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», получающего квалификацию «бухгалтер», предполагает знания, навыки и умения по применению бухгалтерских программ в будущей работе. Согласно государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», для использования информационных технологий специалист «... должен знать не менее двух типов систем обработки данных: автономную микрокомпьютерную систему и многопользовательскую локальную сетевую систему; а также уметь: получать доступ и вести поиск информации в сетевых базах данных, в таких как WWW; пользоваться электронной почтой, текстопроцессорной программой, программой матричных расчетов, пакетами баз данных и, как минимум, — одной бухгалтерской (учетной) программой» [11].

В России в настоящее время имеется более 400 бухгалтерских программ автоматизации бухгалтерского учета для предприятий различных форм собственности, различных видов экономической деятельности, масштаба деятельности и разных налоговых режимов. Для изучения дисциплины «Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету» в МГГЭУ была использована компьютерная программа «Инфо-бухгалтер». Эта программа имеет свыше 200 000 зарегистрированных пользователей по всей России от Калининграда до Владивостока. Программа успешно применяется для ведения бухгалтерского и налогового учета. Разработчики программы «Инфо-бухгалтер» создали учебную версию для учебных заведений. С компанией «Инфо-бухгалтер» наш институт заключил договор о сотрудничестве, и программа была предоставлена кафедре «Бухгалтерского учета, анализа и аудита» МГГЭУ. В результате работы с бухгалтерской программой студенты приобретают уверенные навыки работы с автоматизированной системой бухгалтерского учета, повышается их профессиональная грамотность.

В статье 2 закона «О бухгалтерском учете» представлено новое определение бухгалтерского учета, как «формирование документированной систематизированной информации об объектах, предусмотренных настоящим федеральным законом, в соответствии с требованиями, установленными настоящим федеральным законом, и составление на ее основе бухгалтерской финансовой отчетности» [2]. Программа «Инфо-бухгалтер» является универсальным средством для «формирования документированной систематизированной информации об объектах» бухгалтерского учета, имеет дружелюбный интерфейс и проста в освоении. До работы с программой «Инфо-Бухгалтер» студенты получили навыки работы с информационно-поисковыми правовыми системами: «Консультант Плюс» и «Гарант», в которых реализованы современные компьютерные технологии, а также ознакомились с бухгалтерской программой 1С. В программе «Инфо-бухгалтер» имеется встроенная справочно-правовая база «Гарант». Наличие правовой базы позволяет пользователям с минимальными временными затратами получать актуальную информацию о действующем законодательстве по бухгалтерскому учету и налогообложению, не выходя из программы «Инфо-бухгалтер». Применение информационных технологий в обучении, включая программу «Инфо-бухгалтер», позволяет:

- повысить мотивацию у студентов в процессе обучения бухгалтерскому учету;
- повысить интерес у студентов к самостоятельному обучению;
- приобрести дополнительные навыки работы с источниками информации в электронном виде;

- формировать разнообразные формы бухгалтерских документов, многочисленных аналитических отчетов;
- развивать бухгалтерское мышление на основе формирования бухгалтерских аналитических отчетов;
- повысить качество подготовки специалистов по специальности 080109 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»;

Формирование у студентов профессиональных знаний по бухгалтерскому учету и аудиту означает усвоение большого объема общих и специальных знаний по различным экономическим дисциплинам. Это предполагает запоминание необходимой информации по законодательству, регулирующему бухгалтерский учет, а также приобретение умений и навыков для выполнения должностных обязанностей бухгалтеров, для изучения элементов метода бухгалтерского учета и особенностей организации и ведения бухгалтерского учета в Российской Федерации. Приобретение знаний, умений и навыков в настоящее время «рассматривается не как цель обучения, а как средство развития личности студента» [4, с. 9]. Развитие современных технологий подготовки кадров включает ориентацию на развитие личности, умения ставить и решать возникающие задачи. Использование в обучении современных образовательных технологий приводит к развитию творческих способностей и личностных качеств человека.

Интеллектуальный уровень студентов-выпускников является важным ресурсом, использование которого пополняет сообщество бухгалтеров-профессионалов и без которого невозможен подъем национальной экономики. Формирование профессиональных бухгалтерских кадров невозможно без современных технологий обучения, направленных на повышение эффективности обучения, на развитие творческих способностей. Согласно 71 статье Конституции Российской Федерации, бухгалтерский учет в нашей стране регулируется государством [1]. Поэтому бухгалтерский учет можно определить, как «творчество в пределах законодательства».

Изучение бухгалтерского учета у студентов, обучающихся по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», начинается после изучения дисциплин «Экономическая теория», «Математика», «Менеджмент», «Статистика». Перечисленные предметы имеют логическую связь с бухгалтерским учетом и позволяют сформировать у студентов комплексное экономическое мышление. Бухгалтерский учет включает несколько специальных дисциплин, начиная с «Теории бухгалтерского учета», далее «Бухгалтерский финансовый учет», «Бухгалтерский управленческий учет», «Бухгалтерская финансовая отчетность», «Анализ финансовой отчетности», «Аудит» и заканчивается курсом «Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету». Основная цель дисциплины «Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету» — обеспечение практического освоения принципов и методики обработки учетной информации для отражения хозяйственных операций, закрепление знаний по бухгалтерскому учету, полученных по вышеперечисленным специальным учетным дисциплинам. В «Лабораторном практикуме по бухгалтерскому учету» излагаются принципы и категории бухгалтерского учета, раскрываются понятия и термины, приемы работы и инструменты реализации метода бухгалтерского учета. Изучение дисциплины позволяет студентам полнее усвоить сущность и содержание бухгалтерского учета, место бухгалтерского учета в системе экономической информации, а также глубже понять взаимосвязь бухгалтерского учета с другими экономическими и юридическими дисциплинами.

В «Лабораторном практикуме по бухгалтерскому учету» рассматриваются бухгалтерский учет и отчетность на примере деятельности условного хозяйствующего субъекта. В различных учебниках и учебных пособиях студентам традиционно предлагается комплексная сквозная задача для развития практических умений и навыков в области организации и ведения бухгалтерского учета [5-7]. В сквозной задаче представлены все основные участки бухгалтерского учета и задания по отражению хозяйственных операций на каждом участке, которые студенты обязаны выполнить. Студенты отражают каждую хозяйственную операцию, указанную в заданиях, оформляют первичные учетные документы и вносят записи в соответствующие учетные регистры. Завершается практикум заданием по составлению форм бухгалтерской отчетности.

Как правило, студенты имеют немного опыта практической жизни и им иногда сложно представить обычные хозяйственные ситуации, которые ежечасно и ежедневно совершаются в финансово-хозяйственной жизни любого экономического субъекта. Поэтому обычный курс «Лабораторного практикума по бухгалтерскому учету» студенты воспринимают без восторга. По этой причине была поставлена задача: найти новые решения для успешного овладения студентами дисциплины «Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету».

У известных педагогов имеются методики, смысл которых можно выразить формулой «обучение через игру». То есть, учеба может быть не обязательно тяжелым трудом, если использовать методы обучения, пробуждающие интерес к предмету. Игра, как способ проверки знаний, известна с незапамятных времен у разных народов. В современных технологиях обучения деловые игры занимают почетное место. В психологическом словаре, например, деловой игре дано следующее определение: «Деловая игра — форма воссоздания предметного и социального содержания профессиональной деятельности, моделирования систем отношений, характерных для данного вида практики» [12]. Деловые игры используются не только для профессиональной подготовки специалистов в различных областях деятельности, а также применяются для решения исследовательских задач. Деловая игра, моделируя профессиональную деятельность, соединяет отвлеченную учебную дисциплину с реальной жизнью хозяйствующего субъекта. В игре возникает общение, установление хозяйственных связей между виртуальными предприятиями, имитирующее общение в совместной деятельности. Деловая игра, как активный метод получения знаний, повышает мотивацию обучаемых. Деловые игры появились в России в 1932 году и широко распространились в мире, проникли во все сферы народного хозяйства. Основательница деловых игр в России М.М. Бирштейн указывала, что деловые игры имеют огромные возможности, как методы экспериментального исследования, выбора важнейших показателей, обучения, развития творчества [3, с. 3-4]. Занятия проходят в раскованной обстановке, студенты активно обсуждают хозяйственные ситуации, проводят расчеты для принятия конкретных экономических решений, обсуждают серьезные вопросы учетного характера. В игре студенты приближаются к будущей профессиональной деятельности, т.к. имитируются производственные ситуации, разбор которых позволяет найти наиболее верные решения. Студенты используют при разборе ситуаций теоретические знания и приобретают некоторый практический опыт. В деловой игре соединяются знания и действия. Деловые игры стимулируют активизацию самостоятельной работы студентов по получению новых знаний, навыков. Игра раскрепощает студентов, возникает интерес к получению новых знаний, т.е. к самообразованию [9]. Самообразование — означает «самостоятельную деятельность по изучению современных образовательных технологий при помощи специальной литературы» [8, с. 92].

Деловая игра по дисциплине «Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету», предлагаемая в МГГЭУ, составлена как модель, состоящая из нескольких хозяйствующих субъектов (ХС) с упрощенной организационной структурой. Каждый студент группы представляет виртуальный экономический субъект, который должен установить хозяйственные связи с другими экономическими субъектами таким образом, чтобы каждый ХС имел отношения с каждым другим ХС. Хозяйственная деятельность виртуального ХС начинается с составления бизнес-плана будущего предприятия. Затем создается виртуальная организация, в уставе которой объявляется уставный капитал, далее формируется уставный капитал в виде имущественных взносов. Затем принимается на работу виртуальный персонал, приобретаются виртуальные материальные ресурсы для создания продукции (или оказания услуг, выполнения работ). Созданная продукция реализуется и определяется финансовый результат. Ведение финансовохозяйственной деятельности ведется с оформлением хозяйственных операций в бухгалтерском учете. Формирование информации в учете ведется по классической схеме: отражение каждой хозяйственной операции на основе создания первичных учетных документов (ПУД), затем создание бухгалтерских учетных регистров (БУР) на основе ПУД и создание бухгалтерской финансовой отчетности на основе БУР. Каждый виртуальный ХС самостоятельно выбирает вид деятельности, но группе студентов ставится условие, что созданное сообщество различных ХС должно действовать в едином экономическом пространстве, в котором нет обособленных субъектов. Каждый студент в игре выступает в разных ролях:

- генерального директора;
- главного бухгалтера;
- кассира;
- кладовщика;
- менеджера.

Будущий экономист-бухгалтер овладевает умениями:

- разрабатывать учетную политику организации;
- проводить бухгалтерские расчеты и отражать в бухгалтерских регистрах;
- выбирать формы и методы финансового бухгалтерского и управленческого учета.

С помощью программы «Инфо-Бухгалтер» студенты могут просмотреть весь учетный процесс от создания ПУД до получения бухгалтерской (финансовой) отчетности. Ранее было показано, что изучая «Лабораторный практикум» в форме деловой игры, студенты проявляют повышенную активность, интерес к новым знаниям и к будущей профессии [10, с. 57]. Занятия проходят оживленно, с обсуждением отдельных вопросов, непременно возникающих при ведении хозяйственной деятельности отдельных ХС. При ведении деловой игры происходит активное формирование навыков взаимодействия ХС друг с другом, установления экономических связей между ХС, принятия различных управленческих решений в каком-либо конкретном производстве или в сфере обращения. В деловой игре происходит самообучение, т.к. у каждого участника игры появляется множество вопросов, ответы на которые они могут получить не только от преподавателя, а, например, в Интернете.

В игре студенты получают:

- новые знания, навыки;
- интерес к профессии бухгалтера;
- начальный опыт ведения будущей профессиональной деятельности;
- систематизацию имеющихся знаний;
- опыт социальных отношений;
- повышение профессиональной грамотности;
- формирование профессионального творческого мышления.

Таким образом, применение сочетания игровой и информационных технологий при изучении специальной бухгалтерской дисциплины «Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету» позволяет повысить качество образовательного процесса, превратить студентов из «обучаемых» в студентов «обучающихся».

Список литературы

- 1. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года //Российская газета. 2009. 21 января.
- 2. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ от 06.12.2011 г. //Российская газета. 2011. 9 декабря.
- 3. Бирштейн М.М. Основные направления развития деловых игр //Деловые игры в мире. Материалы международной научно-практической конференции «Белые ночи» СПбИЭИ. – СПб., 1992. С. 3–14.
- 4. Деловые игры и ситуации по бухгалтерскому (финансовому) учету /учебное пособие под ред. Каморджановой Н.А. – М.: Финансы и статистика, 2002. C. 384.
- 5. Пономарева Л.В., Стельмашенко Н.Д. Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету /учебное пособие. – М.: Вузовский учебник, 2012. С. 219.
- 6. Блинова У.Ю., Апанасенко Е.Н. Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету. – М.: КноРус, 2013. С. 392.
- 7. Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету. Епифанов О.В., учебно-практическое пособие. - М.: Проспект, 2009. С. 221.
- 8. Юнина Е.А. Современные образовательные технологии. //Педагогическая психология: социально-личностное образование: учебно-методическое пособие. – Пермь: ПРИПИТ, 2004.
- 9. Вахорина М.В. Использование программных продуктов в преподавании специальных экономических дисциплин // Все для бухгалтера, 2009. № 3.
- 10. Миронова Н.А. К вопросу об адаптации образовательного процесса к требованиям современного рынка труда: внедрение программы «Инфо-бухгалтер» в учебный процесс МГГЭИ // Материалы V международной научно-практической конференции «Комплексное сопровождение профессионального обучения и трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и пути решения». – М.: МГГЭИ, 2013. С. 131.

- 11. Государственный образовательный стандарт ВПО специальности 060500 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Режим доступа: http://www.edu.ru/db/portal/spe/os zip/060500 2000.html (дата обращения 05.11.2014).
- 12. Психологический словарь. Режим доступа: http://psihotesti.ru/gloss/tag/delovie_igri/ (дата обращения 05.11.14).

ФОТОТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ САМОВЫРАЖЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

PHOTOART AS A METHOD OF SELF-EXPRESSION AND FORMATION OF A CREATIVE PERSON

ЖЕЛУДЕВА Елена Вадимовна — кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики МГГЭУ (e-mail: academia mva@mail.ru).

ZHELUDEVA Elena Vadimovna — candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Journalism MGGEU (e-mail: academia mva@mail.ru).

КОВАЛЬЧУК Анастасия Евгеньевна — ассистент кафедры книговедения и редактирования МГГЭУ (e-mail: odory@mail.ru).

KOVALCHUK Anastasiya Evgen'evna — assistant of the department of bibliology and editing MGGEU (e-mail: odory@mail.ru).

Аннотация. В статье в контексте внеаудиторной работы на факультативных занятиях по журналистике рассматривается воспитательное значение искусства фотографии как способа самовыражения и формирования креативной личности в инклюзивном образовательном процессе. Авторы исследуют природу фототворчества, анализируют перспективы развития креативности, визуальной культуры.

Ключевые слова: креативность, визуальная культура, художественность, инклюзивное образование, информационные технологии.

Summary. The article deals with the educational importance of photoart as a method of self-expression and formation of a creative person in the inclusive educational process within the context of extracurricular individual work on Journalism. In the given paper both the character of the photoart and the ways of creativity evolution and visual culture are studied in details.

Keywords: creativity, visual culture, artistic merit, inclusive education, informational technologies.

Как известно, одной из важнейших задач современности в области социальной политики является помощь людям с ограниченными возможностями в адаптации и полноценном участии в жизни общества. Создание так называемой безбарьерной среды происходит по многим направлениям деятельности, но не стоит забывать о том, что очень и очень многие «барьеры» находятся не вокруг человека, а внутри него. Вопрос самореализации особенно остро стоит именно для инвалидов: творческая деятельность помогает таким людям приобщиться к социальным ценностям, осознать собственную индивидуальность и почувствовать себя частью современного общества и современной культуры.

Люди с ограниченными возможностями, зачастую, воспринимают этот мир ярче, острее, эмоциональней, и именно поэтому их потребность в реализации себя через творческую деятельность имеет огромное значение. Существует большое количество направлений, которые способны помочь в решении проблем творческой самоидентификации личности, однако не все люди от природы наделены соответствующими талантами, необходимыми, например, для занятий живописью. Это не отменяет, впрочем, того факта, что творческое, созидательное начало заложено в каждом человеке. На сегодняшний день одним из самых доступных и эффективных направлений в искусстве является искусство фотографии.

Впрочем, как «искусство» оно оформилось далеко не сразу. Фотография появилась в то время, когда в общественной эстетике господствовало мнение: искусством может считаться лишь рукотворное произведение, реальность, пропущенная через призму восприятия художника. Изображение же этой реальности в «неизменном» виде, полученное к тому же в результате фотохимических процессов, претендовать на звание «искусства» не могло.

Следует отметить, что все современные виды так называемых «технических искусств», такие как фотография, кино, телевидение, цифровая живопись и пр., переживали период адаптации в уже сложившейся системе искусства. И если сначала фотография считалась забавным развлечением, затем — техническим средством передачи информации, то на сегодняшний день она уже является полноправным творческим направлением. Эволюция этого искусства напрямую зависит от того, с какой скоростью развиваются информационные технологии, и меняется программное обеспечение. Процесс развития фотографии не прекращается и по сей день: так, например, этот вид творчества сам стал фундаментом для развития нового направления — цифрового искусства.

Не стоит забывать и о том, какую роль фотография сыграла в становлении журналистики и книгоиздания, открывая неисчерпаемые возможности в оформлении печатной продукции. На заре своего появления эволюцию фотографии во многом определяли общественные потребности. Возникновение газетной индустрии направило фотографию в русло репортажности.

Можно также сказать, что фотография «освободила» искусство живописи от прикладной функции, которую та исполняла, начиная с эпохи Возрождения: необходимости фиксировать факты изобразительными средствами. Так что вполне закономерно считать, что фотография имеет огромное значение и для развития живописи тоже.

Наряду с этим сама фотография со временем вобрала в себя многие черты изобразительного искусства. Задача фотографии, таким образом, представляется двуплановой: как можно больше отделиться от живописи, чтобы выработать собственные границы и возможности, с одной стороны, и как можно полнее освоить и использовать методы и опыт живописи — с другой.

Следует заметить, что художник в фотоискусстве не является простым исполнителем, передающим факты. С помощью фотографии он способен выразить свое личное отношение к любому явлению. Ракурс съемки, распределение света, светотени, умение правильно выбрать момент съемки — все это «кисти и краски» современного фотохудожника.

Еще одним достоинством фотоискусства как средства самореализации личности является и то, что техника фотосъемки облегчает и упрощает отображение действительности. То есть получение достоверного и реалистичного изображения не требует тех временных затрат, которые взыскивает с художника искусство живописи. Технические средства фотографии свели до минимума затраты человеческих усилий для получения достоверного изображения: каждый желающий может фиксировать избранный им объект.

Казалось бы, фотография без дополнительной обработки переносит факты из реальности в изобразительную сферу, однако это мнение не до конца верно: именно эстетическое отношение самого фотографа к объекту съемки определяет эффект, который фотография оказывает на зрителя.

Рассматривая фотографию с художественной стороны, нельзя проигнорировать ее документалистическую природу: так, фотография включает в себя и художественный портрет современника, и сиюминутные пресс-фото (документ), и фоторепортажи.

Говоря о фотографии, нельзя обойти вниманием и личность «по ту сторону объектива» т.е. фотографа, или, в рамках данной темы, точнее будет сказать фотохудожника. От него требуется тщательная избирательность, особое личностное «видение», позволяющее отличать достойное внимания от внешнего, случайного, неполного. Отнюдь не каждый кадр, отснятый фотографом, становится художественным произведением. Так же, как художник постоянно, ежедневно делает эскизы, фотохудожник тренирует свое зрение и свое видение мира. Так что можно сказать, что фотограф не просто создает художественное произведение, но и выступает как исследователь определенной темы, использующий такую интересную и богатую по своей познавательности и возможностям гносеологическую форму, как фотография. Она превращается при этом в способ художественного познания и оценки снимаемого явления, за предельно короткий срок сообщает зрителю огромный объем информации.

С учетом различных аспектов художественной фотографии можно сформулировать ее суть, попытаться дать определение фотоискусству. Фотоискусство — создание химико-техническими средствами зрительного образа документального значения, художественно выразительного и с достоверностью отражающего в статичном изображении некий момент действительности.

В искусстве фотографии со временем развилось и сформировалось достаточно разнообразных направлений: этнографическо-социологическое, репортажное, плакатно-рекламное, художественно-конструктивное, декоративное, концептуально-символическое, импрессионистское. Каждое из этих направлений выполняет свою специфическую, четко определенную культурно-коммуникативную функцию.

Кроме того, как уже упоминалось выше, фотоискусство является «матерью» таких современных направлений дизайнерского и изобразительного искусства, как «фотоимпрессионизм», искусство фотографического коллажирования. Фотография сыграла важную роль в искусстве журналистики и в искусстве оформления книги, дав толчок для разработки и совершенствования различных информационных технологий.

Овладеть ими — важная задача, стоящая перед будущим журналистом. Ведь цель изобразительного материала — привлечь внимание и сообщить дополнительную информацию. Технически беспомощные снимки говорят таким невнятным языком, что их смысл ни до кого не доходит [6, с.146].

Журналистам и фотожурналистам с ОВЗ сложно находиться в горячих точках планеты, снимать с воздушного шара Китайскую стену или рисковать жизнью возле извергающейся раскаленной вулканической лавы, но (и здесь их задача, как ни странно, усложняется) они могут передать это своими внутренними чувствами, донести в самом что ни на есть общечеловеческом плане, свои эмоции до каждого человека. Находясь в своем кабинете, у компьютера, такой журналист именно благодаря своему мастерству, знанию программ, использованию всех их технических возможностей, сможет «вмешаться» в жизнь окружающего мира, выразить искусством свое отношение к нему, раскрыть свою креативность. Ведь только за счет этого можно доказать то, что он принадлежит к настоящей журналистике. Желание совершенствоваться, искать более выразительные формы отображения своей мысли и чувств станет достаточной мотивацией для изучения исторического опыта русского и зарубежного фоторепортерства, поскольку великие фоторепортеры умели сочетать в своих произведениях и мысль, и эмоции [5]. «Новизна события и факта попадала в кадр не в силу лишь своей абсолютной самодостаточности, а благодаря провидческому подходу репортера к реальности, улавливанию световых отблесков времени, эмоциональному переживанию событий, которое влекло за собой и соответствующую форму отображения и выражения духа эпохи» [1, с. 38].

Кроме того, универсальному журналисту, каким должен стать журналист с OB3, надо научиться объединить изображение и слово, поскольку «сближение изображения и слова как в пластических искусствах, так и в кино, и фотографии, тем органичнее, чем яснее обозначен в кадре отход от прямых чувственных подобий предметов окружающего мира [1, с. 73]. Художник, по словам П. Пикассо, стремится изображать мир не просто таким, каким его видит, но и таким, каким его мыслит. И если художники оперируют цветом и рисунком, то фотожурналист или, назовем его более широко, универсальный журналист оперирует и светом, и цветом, и рисунком, и словом. И слово, в данном случае, выступает здесь связующим звеном. Слово и изображение на полосе издания становятся равноценными. Полоса выступает единым текстом, использующим и печатное (слово), и визуальные (изображение) знаки коммуникации. И если какой-либо из элементов этих видов коммуникации будет введен в этот общий текст безотносительно характеру других ингредиентов, то структура может потерять информационную насыщенность и даже оказаться полностью разрушенной [1, с. 74].

Креативная фотография создает креативную личность. И наоборот. Свои эмоции от ощущения прекрасного можно выразить словами, подобно поэту. Но эту же картину можно передать с помощью творчески снятого кадра.

Занятие фототворчеством помогает создать креативную личность. И эта мысль особенно важна для творческого союза, который возникает в инклюзивном образовательном процессе. Взаимное общение, обсуждение каких-то одинаково интересных для той и иной сторон событий, совместная учеба и практика выступают важным, если не основным фактором самой идеи инклюзивного образования.

И еще одна важная деталь: единение обеих сторон для достижения общей цели — воспитать в читателе культуру мысли, культуру эмоций, о бедности и несовершенстве которой писал еще выдающийся советский писатель А.М. Горький, научить открывать прекрасное в обыденном.

В настоящее время существует множество различных прикладных жанров фотожурналистики, к ним можно отнести коллаж и монтаж, которые также дополнят творческую палитру универсального журналиста.

Важно владеть техникой фотографии, но не менее важно и владеть языком визуальной культуры.

«Под словом «фотография» современные люди чаще всего подразумевают фотосъемки для модных журналов, архитектурные зарисовки или портреты знаменитостей, реже — рекламные снимки, — пишет в своей книге «Лучшие фотографы мира и истории создания их работ. Фотожурналистика» известный журналист и фотограф Энди Стил. — Однако попробуйте ответить на такой вопрос: какие фотографии доносят до нас наиболее важную информацию? Какие снимки заставляют нас задумываться над тем, что происходит на планете, и способны изменить наше восприятие мира? Рядом с нами происходят массовые убийства и геноцид, загрязняется окружающая среда, тают шапки полярных льдов, исчезают редкие виды растений и животных... но мы не задумываемся над этими событиями, так как они не влияют на нашу повседневную жизнь. Как это ни печально, большинство людей предпочитают занимать позицию сторонних наблюдателей, а порой еще и выражают недовольство тем, что вынуждены знакомиться с неприятной для себя информацией. Если то, что мы видим, нам не нравится, мы предпочитаем не обращать на это внимания. Однако существуют фотожурналисты, многие из которых входят в плеяду лучших фотографов мира и могут реально влиять на наши умы и души. Через объективы их камер мы можем увидеть, услышать, ощутить, а иногда и переосмыслить многие события, происходящие в разных странах» [7, с. 6].

Формирование креативных черт личности особенно интенсивно происходит в студенческом возрасте, являющемся сензитивным для их развития. В этот период осуществляется потребность в преобразующей деятельности, в ходе которой субъект изменяет как самого себя, так и окружающий мир; когда у него появляется стремление к творчеству и активизация творческого потенциала, раскрытие глубин своего «я», желание вносить творческое начало в профессию, стремление к новым идеям, овладение новыми знаниями и новыми способами учебной деятельности. В студенческом возрасте происходит актуализация креативных черт личности (находчивости, нестандартного мышления, творческого самовыражения).

Сегодня в любой профессиональной деятельности, а в журналистской в особенности, востребована творческая личность. Журналисту постоянно приходится решать творческие по сути своей задачи, сочетать различные методы обучения, проявлять способности видеть знакомый объект в новом контексте, моделировать собственную деятельности в нестандартном ключе.

И фототворчество как способ самовыражения и формирования креативной личности может стать одним из направлений внеаудиторной работы в инклюзивном образовательном процессе.

Снимок не только предлагает любоваться вещами, их «отражения» выражают еще мысли и чувства фотографа. Кадр обретает художественность, если произведен «перевод» объективно сущего в «разряды человеческих страстей». Такой снимок воздействует на зрителя своей поэтичностью [4, с. 272]. Снимок выходит на «фонетический» уровень чувств фототворца. И фотограф, как и поэт, приводит зримую «фонетику» в соответствие со своими ощущениями и настроениями. Последние получают непосредственное выражение в ритмических структурах снимка, которые воздействуют на семантику запечатленных предметов.

Список литературы

- 1. *Березин В.М.* Фотожурналистика: учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 38, 73, 74.
- 2. *Бэрнбаум Б*. Фотография. Искусство самовыражения / Баренбаум Б., Сивченко О., Середа А. Спб.: Питер, 2012.
- 3. $\mathit{Лапин}$ А.И. Фотография как.... / А.И. Лапин, Л. Кондрашова. М.: Эксмо, 2009.
- 4. *Михалкович В.И., Стигнеев В.Т.* Поэтика фотографии. М.: Искусство, 1989. С. 272.
- 5. *Морозов С.* Первые русские фотографы-художники. М.: Госкиноиздат, 1952.
- 6. *Ситников В.П.* Техника и технология СМИ: печать, радио, телевидение. М.: АСТ: СЛОВО; Владимир: ВКТ, 2011. С. 146.
- 7. *Стил Энди*. Лучшие фотографы мира и истории создания их работ. Фотожурналистика. М.: Изд-во АРТ РОДНИК, 2009. С. 6.
- 8. Φ *рост* Π . Творческая фотография: Идеи, сюжеты, техники съемки. М: Арт-родник, 2005.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕШИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

USING OF SPECIAL EDUCATIONAL TOOLS IN THE MODEL OF INCLUSIVE EDUCATION

ТИМОХИН Дмитрий Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики, управления персоналом и маркетинга» МГГЭУ (e-mail@dtprepod@yandex.ru).

TIMOKHIN Dmitriy Vladimirovich, candidate of economics, the associate professor of Economics, marketing and YR management chair MGGEU (e-mail@dtprepod@yandex.ru).

Аннотация. В статье подробно рассмотрены отдельные инструменты, обеспечивающие интерактивность образовательного процесса и вовлечение максимального количества студентов в деятельное взаимодействие с преподавателем в рамках учебного процесса. Указаны наиболее актуальные при обучении студентов-инвалидов особенности компетентностно-ориентированного образовательного процесса, осуществляемого в рамках требований стандартов ФГОС и адаптированных под особенности подготовки инвалидов к современному рынку труда.

Ключевые слова: модернизация, профессиональная ориентация, адаптация, инклюзивная модель образования, компетентностный подход, рынок труда.

Summary. The article describes in details the individual tools that provide interactivity of the educational process and involvement of maximum number of students in an active interaction with the teacher as part of the learning process. In the article the most vital for learning process for disabilities, especially the competence-oriented educational process which carries out within the requirements of the standards of the GEF and which is adapted to the particular training of persons with disabilities to the modern labor market are Identified.

Keywords: modernization, professional orientation, adaptation, inclusive model of education, competence-based approach, the labor market.

Важной целью реализации инклюзивной модели образования является адаптация лиц с ограниченными возможностями к будущей сфере их трудовой деятельности. Вероятность трудоустройства лица с ограниченными возможностями определяется двумя параметрами:

- 1. Глубиной разделения труда в современном обществе.
- 2. Предоставлением государством специальных режимов для компаний, использующих труд лиц с ограниченными возможностями.

Второй параметр в рамках системы реализации инклюзивной модели возможен только в форме включения в число осваиваемых дидактических единиц нормативно-правовых основ организации трудовых взаимоотношений инвалидов и работодателей. Здесь требуется существенная модификация всей совокупности методов преподавания. При этом основные направления модификации образовательного процесса возможно классифицировать по следующим категориям:

- 1. Акцентирование внимания при изучении дисциплин на тех компетенциях, при реализации которых конкурентные преимущества лица с ограниченными возможностями на рынке труда могут быть раскрыты максимально. Так, например, при изучении дисциплины «финансы» следует более, чем при работе со здоровыми студентами, уделять внимание изучению компьютерных программ и основ организации дистанционной работы. При работе с магистрами следует рассмотреть основы работы и электронными базами данных, в том числе на иностранном языке.
- 2. Определение перспективных форм взаимодействия работника с ограниченными возможностями с работодателем и формирование у обучаемого в сознании алгоритмов выполнения обязанностей по специальности с учетом имеющихся у него ограничений. При этом эффективность изучаемых алгоритмов студент должен не только понять самостоятельно, но и уметь объяснить работодателю. Крайне важно при этом обеспечить запоминание студентом иллюстраций эффективной работы в аналогичной ситуации специалистов успешных и известных компаний, которые смогли оказаться полезными работодателю несмотря на проблемы с опорно-двигательным аппаратом. Например, студент, предпочитающий работать на дому, должен объяснить работодателю, каким образом возможно организовать дистанционную работу без ущерба для информационной безопасности посредством использования современного программного обеспечения.
- 3. Освоение студентов сопутствующих навыков, необходимых для более эффективной работы с учетом имеющихся ограничений со здоровьем. Например, студент, планирующий работать дистанционно, должен достаточно хорошо владеть навыками работы с облачными технологиями. При этом желательно, чтобы на момент защиты ВКР компетенции, которыми владеет данный выпускник, были, с одной стороны, понятны для потенциального работодателя, с другой стороны, имеющиеся навыки должны выгодно отличать выпускника от остальных и обеспечивать его повышенную конкурентоспособность хотя бы на одном сегменте рынка труда.
- 4. Видение студентом возможности использования каждой из изучаемых компетенций с учетом имеющихся ограничений. При этом желательно, чтобы студент с самого начала получил профориентацию и специализировался на изучении тех участков работы, которые окажутся наиболее важными для него в будущем. Например, для студента-колясочника перспективным направлением может оказаться работа в области консалтинга. Адаптация тематики всех выполняемых в рамках освоения курса письменных работ к особенностям данной профессии и освоение специфических компетенций по п. 3, а так же закрепление полученных теоретических знаний в ходе прохождения практики может существенно помочь ему с трудоустройством.

Центральным вопросом при реализации инклюзивной модели образования является создание таких условий, в рамках которых, с одной стороны, студенты с ограниченными возможностями смогут в полной мере овладеть предметами образовательной программы, а с другой — интенсивность обучения не должно вызвать у этих студентов стресса.

Одним из наиболее эффективных инструментов, обеспечивающих возможность реализации образовательного процесса без потерь в качестве и во времени обучения, являются интерактивные методы обучения [1].

В рамках изучения читаемых автором дисциплин — экономическая теория, макро- и микроэкономика, достичь баланс между двумя указанными задачами возможно за счет использования следующих инструментов:

- электронные учебно-методические разработки, в первую очередь электронные учебники;
- подготовка задач и кейсов, адаптированных для использования на интерактивных семинарах и практических работах [2].

Данные задачи должны, помимо традиционных, содержать следующие элементы:

а) вопросы, для ответов на которые необходимо использовать не только получаемую на лекционных занятиях информацию, но и информацию, поиск которой студент осуществляет самостоятельно в сети интернет. В частности, при расчете ставки по кредиту, студенту может понадобиться информация по текущей ставке рефинансирования, а при решении ситуационной задачи по инновационной политике ему придется обратиться к электронной базе Роспатента.

При разработке подобного рода задач может быть рекомендовано минимизировать количество информации, предлагаемой студентами в явном виде, и максимально широко ориентировать их на самостоятельный поиск информации. При этом в сборнике задач и кейсов (или иной методической разработке преподавателя) нужно описать (хотя бы кратко) используемые в учебном процессе электронные ресурсы и порядок работы с ними.

б) некоторые вопросы должны носить дискуссионный характер и опираться на актуальные для российской экономики принципы и закономерности реализации бизнес-процесса. Желательно, чтобы при ответе на них студенты опирались не только на полученные на лекционных занятиях знания теории и личную эрудицию, но и на результаты личного анализа опыта решения компаниями подобных проблем. Другой важной при ответе на заданный вопрос группой аргументов являются те из них, которые опираются на личный опыт студентов либо из родных и знакомых.

В ряде случаев в число разбираемых на интерактивном семинаре (практическом занятии) вопросов следует включать наиболее злободневную на момент проведения занятия экономическую проблематику, если она соответствует теме занятия [3]. Например, при анализе макроэкономической политики государства возможно рассмотрение влияния санкций на макроэкономическую политику РФ. При этом важно, чтобы студенты могли рассматривать поставленную проблему в динамике, желательно на нескольких занятиях, сопоставлять собственные прогнозы с реальной ситуацией и выявлять причины расхождений.

в) вопросы, рассматриваемые в ходе интерактивных семинарских либо практических занятий следует адаптировать так, чтобы в обсуждении могли с одинаковой эффективностью принимать участие как здоровые студенты, так и студенты с нарушениями опорно-двигательного аппарата и иными заболеваниями. Так, следует избегать психологически некомфортных для инвалидов тем и примеров. В случае, когда ответ на вопрос предполагает работу перед аудиторией и требует использования иллюстрационного материала, имеет смысл распределить подготовку студентов во времени таким образом, чтобы они могли приготовить иллюстрационный материал заранее и обеспечили возможность его донесения до одногрупников, например, дома в виде электронных плакатов либо раздаточного материала.

Особого рассмотрения заслуживает методика преподавания для лиц, которые получили инвалидность уже в ходе трудовой деятельности либо на старших курсах. Такие студенты часто вынуждены менять профиль своей работы и усваивать новую для них информацию, однако в целом обладают большим багажом знаний и способностью практической реализации в ходе обучения компетенций. При работе с подобными студентами имеет смысл выявлять и рассматривать на семинарских и практических занятиях параллели между дисциплинами, изученными ими ранее, и преподаваемыми дисциплинами. Достаточно хорошо себя зарекомендовал способ рассмотрения междисциплинарных вопросов, изученных студентами по предыдущему виду деятельности, в контексте рассматриваемых на занятии закономерностей. Часто от преподавателя при взаимодействии с такого рода студентами может потребоваться освоить дополнительные дидактические единицы для лучшего понимания специфики уже имеющихся у студента компетенций.

При работе со студентами-инвалидами даже большее, чем в традиционных образовательных методиках, значение приобретает проблематика организации самостоятельной работы студента. Специфика работы со студентами-инвалидами состоит в том, что обучающиеся с ОВЗ чаще, чем здоровые пропускают занятия по причине болезни. Часть из них не способны, либо ограниченно способны к записи, излагаемой на лекционных и семинарских занятиях информации. Кроме того, студенты-инвалиды обладают меньшей, чем здоровые студенты, мобильностью, что увеличивает случаи их опоздания на аудиторные занятия. В связи с этим, желательно, чтобы каждый студент имел текст лекционных занятий, задач на семинарских и аудиторных занятиях, а так же уже решенные варианты семинарских занятий.

В целях обеспечения более полного освоения отрабатываемых компетенций студентам может быть рекомендовано, заменить часть традиционных семинарских занятий на интерактивные. В качестве основ для проводимых семинарских интерактивных занятий специалистами [4] рекомендованы следующие виды учебных работ:

1. Занятие-дискуссия. Данный вид занятий способствует развитию диалектического мышления студентов, их способностей к аналитической деятельности и ведению научно-экономической полемики. Как правило, в качестве темы для обсуждения на занятии-дискуссии предлагается проблемная для российской экономики ситуация. В качестве домашнего занятия студентам предоставляется возможность рассмотреть позиции ведущих аналитиков по рассматриваемой проблематике, после чего разделиться на команды, выбрав одну из сторон. Затем они более подробно анализируют выявленные аргументы и контраргументы и готовят собственную внутренне непротиворечивую позицию. При этом каждый студент-участник группы персонально отвечает за защиту одного или нескольких аргументов либо контраргументов. После обмена мнениями представителями каждой команды преподаватель задает каждому из них вопросы, опираясь на аргументы и контраргументы, которые не были выявлены и учтены участниками дискуссии.

- 2. Деловая (имитационная) игра. Данная форма интерактивного семинарского занятия является эффективным инструментом повторения и закрепления изучаемого материала, а так же способствует отработке практических компетенций. Сильной стороной деловой игры как образовательного инструмента является то, что он тренирует студентов в вопросах выборочного использования полученных теоретических и практических навыков, а так же позволяет использовать недостатки теоретических и методологических подходов к решению рассматриваемой проблемы, допущенных командой соперников. В качестве альтернативы командному состязанию можно провести деловую (имитационную) игру в форме мозгового штурма. Данная разновидность деловой (имитационной) игры используется для обособленной отработки особо важных компетенций, а так же в качестве замены состязательной деловой игры для студентов, не обладающих в достаточной мере навыками деловой полемики по экономическим вопросам.
- 3. Ситуационный анализ. Данная форма интерактивного семинарского занятия предполагает комбинирование полученных на тематическом лекционном занятии теоретических знаний для решения некоторой экономической проблемы с привлечением знаний и навыков, полученных на других занятиях. По сравнению с предыдущими двумя формами данное интерактивное занятие позволяет провести более точную формальную оценку освоения некоторой темы студентом, а так же отработать все без исключения компетенции со студентами при групповой организации занятий.
- 4. Организационно-деятельные игры. Данный вид занятий позволяет дополнить теоретические знания и практические наработки, полученные студентами, навыками работы в смежных с тематикой дисциплины сферах. В качестве таковых можно отметить делопроизводство по базовым документам, нормативно-правовые особенности проведения бизнес-процесса и т.д. Особенно важным данный вид интерактивных практических занятий представляется при обучении лиц с ограниченными возможностями, которые не всегда имеют представление о прохождении стандартных бизнес-процессов на предприятиях.
- 5. Ролевые игры. Данная разновидность практических интерактивных занятий может быть рекомендована при изучении дисциплин, относящихся к управленческой тематике, а так же для закрепления разделов прочих дисциплин, связанных с управлением персоналом. Наиболее сильной стороной выбора данной формы занятия является то, что оно позволяет студенту понять мотивацию носителя каждой позиции, роль которого он «отыгрывает». Кроме того, использование ролевых игр способствует скорейшему и более плотному сплочению студенческого коллектива и, в определенной мере, преодолению барьеров между различными категориями студентов. С учетом изложенного, данный вид интерактивных занятий может быть рекомендован в первую очередь на начальных стадиях обучения.

Интерактивный элемент обучения позволяет в максимальной степени раскрыть потенциал студентов при его комбинировании с другими инновационными формами обучения: личностно-ориентированном обучении и педагогическим взаимодействием [5]. Как показывает педагогическая практика, использование индивидуального подхода к каждому студенту на практических занятиях оказывается более эффективным, нежели стандартные «поточные» образовательные технологи в узком смысле. В целях экономии времени, а так же во избежание неравномерного распределения времени работы преподавателя между студентами, имеет смысл в начале занятий по дисциплине дать для практической апробации усвоенных в теории знаний и навыков каждому из студентов сквозную задачу и назначить по каждому модулю этой задачи ответственных [6]. После этого разобрать каждый из модулей, привлекая к обсуждению тех студентов, модули которых являются смежными с обсуждаемым. При этом желательно, чтобы первые (с хронологической точки зрения) модули достались наиболее мотивированным студентам. При реализации инклюзивной модели образования многие студенты не в состоянии в полном объеме пользоваться частью базовых источников информации (удаленные от вуза библиотеки, выездные конференции, «ярмарки вакансий» и т.д.) и испытывают определенные трудности физиологического характера при обучении (использование книг, воспринятое на слух лекций). Кроме того, часть студентов по различным причинам не склонны сообщать о своих проблемах преподавателю, если межличностный контакт в полной мере не налажен.

При указанной выше ситуации на лекционных занятиях может быть рекомендовано уделять больше внимания контрольным и мониторинговым мероприятиям, а так же более детальному разбору вызвавших проблемы разделов. Время, которое тратиться на детальный разбор, предлагается компенсировать за счет увеличения самостоятельной работы студентов, а так же проведения индивидуальных консультаций [8]. Так же, с учетом низкой подготовки поступающих в вузы абитуриентов, при изучении дисциплины преподавателю может быть рекомендовано рассматривать не только дидактические элементы. В ряде случаев, приходится обращаться к смежным областям [8]. Например, при изучении дисциплины «Экономика» имеет смысл напомнить студентам правила взятия производной от функции (тема «монополия», задачи на максимизацию прибыли монополиста). Во избежание потерь времени в качестве инструмента такого напоминания преподавателю может быть рекомендовано использование интерактивного пособия с системой гиперссылок на справочный материал. При этом гиперссылка может указывать как на материал, подготовленный преподавателем лично, так и на интернет-источник либо электронный учебник другого преподавателя данного вуза (при наличии в ВУЗе электронной библиотеке).

Таким образом, в статье были рассмотрены специальные образовательные инструменты, использование которых при интерактивном обучении будет способствовать более эффективному внедрению в образовательный процесс инклюзивной модели, рационализации использования фонда учебного времени и обеспечит комплексный подход к компетентностному развитию студента.

Список литературы

- 1. Коваленко А.В., Пичугина А.П. Интерактивное обучение: новые педагогические роли преподавателя //Экономика и социум. – №2(12). – 2014.
- 2. Мухина Т.Г. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013.
- 3. Волков В.А. Опыт разработки и использования в образовательной деятельности интерактивных технологий: ролевых игр, проектирования и картографического моделирования развития территорий //Материалы круглого стола «Ин-

терактивные образовательные технологии». – М.: МГУ им. Ломоносова, 16 дек. $2011~\mathrm{r}$.

- 4. *Плаксина И.В.* Интерактивные технологии в обучении и воспитании. Владимир, изд-во ВлГУ, 2014.
- 5. *Москалевич* Γ .H. Технология интерактивного обучения: понятие и сущность, особенности и преимущества //Инновационные образовательные технологии. -2014. № 1 (37).
- 6. *Реутова Е.А.* Применение активных и интерактивных методов обучения в образовательном процессе вуза. Новосибирск: изд-во НГУ, 2012.
- 7. *Тушева Н.Н.* Технология интерактивного обучения, как средство формирования ценностно-ориентированных компетенций //Наука и образование: новое время. № 3. 2014.
- 8. *Хутыз 3.М*. Опыт внедрения интерактивных методов обучения в вузовском образовании //Концепт. -2014. Спецвыпуск № 11.

МАТЕМАТИКА

А.Г. Галканов

О НОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕМ В КУРСЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ABOUT THE NEW PROOFS OF SOME THEOREM IN COURSE OF MATHEMATICAL ANALYSIS

ГАЛКАНОВ Аллаберди Галканович — кандидат технических наук, доцент кафедры математики МГГЭУ (agalkanov@yandex.ru).

GALKANOV Allaberdi Galkanovich — Assoc. Prof., Dr. Sci. Department of Mathematics MGGEU (agalkanov@yandex.ru).

Аннотация. Представлены результаты применения противоположных понятий, двойственных теорем, законов математической логики и метода от противоположного в комплексе для построения новых (или альтернативных) доказательств теорем в курсе математического анализа.

Ключевые слова. Понятие, теорема, противоположные понятия, двойственные теоремы, логические законы, доказательство, равносильность, метод от противоположного, упрощение, обобщение.

Summary. The results of the application of opposite concepts, duality theorems, laws of mathematical logic and method of the opposite in the complex for the construction of new (or alternative) proofs of theorems in the course of mathematical analysis are present.

Keywords. The concept, theorem, opposite concepts, the dual theorem, logical laws, the proof, of the equivalence, method from the opposite, simplification, generalization

> Без Неизменного нет основы, Без Изменчивого нет обновления. Мацуо Басё¹

В вузовской математике, в особенности в курсе математического анализа, доказательству теорем придается большое значение. Всякая математическая теорема устанавливает связь между математическими понятиями. Каждое математическое понятие является неопределяемым или определяемым. Для каждого определяемого понятия C существует другое определяемое понятие, а именно, его отрицание $\neg C$, назовем его противоположным к C. Очевидно, что если $\neg C$ противоположно к C, то C противоположно к $\neg C$.

Связь между математическими понятиями, среди которых есть хотя бы одно определяемое, выражается в форме теоремы [2]. Для каждой теоремы T суще-

¹ Мацуо Басё (1644–1694) — великий японский поэт, теоретик стиха [1].

ствует другая теорема, а именно, противоположная обратной, назовем ее теоремой, двойственной к T и обозначим символом T^d . Существуют два вида теорем: стандартная и нестандартная.

Определение 1. Если в формулировке теоремы ее заключения отделены от ее условий, то такая теорема называется стандартной, иначе — нестандартной.

Отметим, что многие теоремы можно сформулировать как в стандартной, так и в нестандартной форме. Стандартные теоремы моделируются импликацией или эквиваленцией [2].

Существуют два вида стандартных теорем: $T_1 \doteq A \Rightarrow B$ и $T_2 \doteq A \Leftrightarrow B$, где знак $T \doteq A \Rightarrow B$ означает: $A \Rightarrow B$ есть теорема T.

Определение 2. Теорема $T_1^d \doteq \neg B \Rightarrow \neg A$ называется двойственной теореме $T_1 \doteq A \Rightarrow B$.

Определение 3. Теорема $T_2^d \doteq \neg A \Leftrightarrow \neg B$ называется двойственной теореме $T_2 \doteq A \Leftrightarrow B$.

Отметим два свойства двойственных теорем.

1)
$$T_1^d \sim T_1, T_2^d \sim T_2$$
; 2) $(T_1^d)^d \sim T_1, (T_2^d)^d \sim T_2$.

Двойственные теоремы представляют интерес тем, что из логической равносильности теоремы $T_1^d \sim T_1$ или теоремы $T_2^d \sim T_2$, равносильность их доказательств, вообще говоря, не вытекает, и довольно часто их доказательства проще доказательств исходных теорем.

Цель данной работы: показать, как с применением противоположных понятий, двойственных теорем, логических законов и МОП в комплексе можно:

- 1) строить новые (или альтернативные), во многом менее сложные доказательства классических теорем математического анализа;
 - 2) усовершенствовать существующие доказательства;
 - 3) провести анализ корректности формулировок теорем.

Критерий сходимости Коши в пространстве E^n

Прежде чем сформулировать теорему 1, дадим определения понятий, необходимых нам в дальнейшем. Пусть $\left\{a^{(n)}\right\} \in E^n$ — последовательность векторов в E^n , m, $n \in \mathbb{N}$.

Определение того, что стационарная последовательность {а} есть предел последовательности $\{a^{(m)}\}$:

$$\{a\} = \lim \left\{ a^{(m)} \right\} \stackrel{def}{\Leftrightarrow} \exists a \in E^n \ \forall \varepsilon > 0 \ \exists l \in \mathbb{N} \ \forall m > l \left[\left\| a^{(m)} - a \right\| < \varepsilon \right]. \tag{1}$$

Определение расходящейся последовательности векторов в E^n :

$$\left\{a^{(m)}\right\} \notin S \overset{def}{\iff} \forall a \in E^n \ \exists \varepsilon > 0 \ \forall l \in \mathbb{N} \ \exists m > l \left[\left\|a^{(m)} - a\right\| \ge \varepsilon\right]. \tag{2}$$

Определение фундаментальной последовательности векторов в E^n :

$$\left\{a^{(m)}\right\} \in \Phi \stackrel{def}{\iff} \forall \varepsilon > 0 \exists l \in \mathbb{N} \ \forall m > l \ \forall n > l(n \neq m) \Big[\left\|a^{(m)} - a^{(n)}\right\| < \varepsilon \Big].$$

Определение нефундаментальной последовательности векторов в E^n :

$$\left\{a^{(m)}\right\} \notin \Phi \stackrel{\text{def}}{\Leftrightarrow} \exists \delta > 0 \ \forall l \in \mathbb{N} \ \exists m > l \ \exists n > l(n \neq m) \left[\left\|a^{(m)} - a^{(n)}\right\| \ge \delta\right]. \tag{3}$$

Теорема 1 (критерий расходимости). Нефундаментальность $\{a^{(m)}\}$ есть необходимое и достаточное условие расходимости $\{a^{(m)}\}$:

$$\left\{a^{(m)}\right\} \in E^{n} \text{ есть расходящаяся последовательность} \Leftrightarrow \\ \Leftrightarrow \exists \delta > 0 \ \forall l \in \mathbb{N} \ \exists m > l \ \exists n > l (n \neq m) \Big\lceil \left\|a^{(m)} - a^{(n)}\right\| \ge \delta \Big\rceil. \tag{4}$$

Чеобходимость. Пусть $\{a^{(m)}\}$ расходится, т.е. имеет место (2). В (2) a произвольный вектор, так что (2) будет истинным и в частном случае $a = a^{(n)}$. Учитывая это, при некотором $n > l \ (n \neq m)$ из (2) имеем

$$\forall a \in E^{n} \exists \varepsilon > 0 \ \forall l \in \mathbb{N} \ \exists m > l \Big[\Big\| a^{(m)} - a \Big\| \ge \varepsilon \Big] \overset{a=a(n), n>l \ (n \neq m), \varepsilon = \delta}{\Rightarrow}$$

$$\Rightarrow \exists \delta > 0 \ \forall l \in \mathbb{N} \ \exists m > l \ \exists n > l \ (n \neq m) \Big[\Big\| a^{(m)} - a^{(n)} \Big\| \ge \delta \Big],$$

что по определению (3) означает нефундаментальность $\{a^{(m)}\}$.

Достаточность. Пусть теперь $\{a^{(m)}\}$ нефундаментальна, т.е. имеет место (3). Покажем, что $\left\{a^{^{(m)}}\right\}$ расходится. Применим МОП. Пусть $\left\{a^{^{(m)}}\right\}$ сходится к стационарной последовательности $\{a\} \in E^n$. Тогда, согласно (1),

$$\exists a \in E^n \ \forall \varepsilon > 0 \ \exists l_1 \in \mathbb{N} \ \forall m > l_1 \Big[\Big\| a^{(m)} - a \Big\| < \varepsilon \Big], \tag{5}$$

$$\exists a \in E^n \ \forall \varepsilon > 0 \ \exists l_2 \in \mathbb{N} \ \forall n > l_2 \lceil ||a^{(n)} - a|| < \varepsilon \rceil. \tag{6}$$

Так как

$$||a^{(m)} - a^{(n)}|| = ||(a^{(m)} - a) + (a - a^{(n)})|| \le ||a^{(m)} - a|| + ||a^{(n)} - a||,$$

то из (5) и (6) следует:

$$\forall \varepsilon > 0 \ \exists l \in \mathbb{N} \ \forall m > l \ \forall n > l(n \neq m) \Big[\left\| a^{(m)} - a^{(n)} \right\| < 2\varepsilon \Big], \ l = \max(l_1, l_2).$$

Итак, по условию (3) и нашему допущению имеем систему утверждений:

$$\begin{cases} \exists \delta > 0 \ \forall l \in \mathbb{N} \ \exists m > l \ \exists n > l(n \neq m) \Big[\Big\| a^{(m)} - a^{(n)} \Big\| \ge \delta \Big], & \epsilon = \delta/2 \\ \forall \epsilon > 0 \ \exists l \in \mathbb{N} \ \forall m > l \ \forall n > l(n \neq m) \Big[\Big\| a^{(m)} - a^{(n)} \Big\| < 2\epsilon \Big] & \Longrightarrow \\ \epsilon = \delta/2 & \Longrightarrow \end{cases}$$

$$\epsilon = \delta/2 \\ \Rightarrow \begin{cases} \exists \delta > 0 \ \forall l \in \mathbb{N} \ \exists m > l \ \exists n > l(n \neq m) \Big[\Big\| a^{(m)} - a^{(n)} \Big\| \ge \delta \Big], \\ \Rightarrow & \delta > 0 \ \exists l \in \mathbb{N} \ \forall m > l \ \forall n > l(n \neq m) \Big[\Big\| a^{(m)} - a^{(n)} \Big\| < \delta \Big]. \end{cases}$$

Однако это противоречит закону исключенного третьего. >

Следствие (критерий сходимости). Фундаментальность $\{a^{(m)}\} \in E^n$ есть необходимое и достаточное условие сходимости этой последовательности.

Примечание 1. При переходе от квантора общности $\forall \varepsilon > 0$ к квантору существования $\exists \epsilon > 0$ в (3) буква ϵ заменена на букву δ , что позволило получить систему утверждений, в явной форме противоречащей закону исключенного третьего.

Альтернатива к стандартной форме доказательства единственности

В практике доказательств математических теорем о существовании единственности некоторого объекта A (решения, элемента и т.д.) часто используется следующий прием. Предполагается существование двух объектов A_1 и A_2 , где $A_1 \neq A_2$. Показывается $A_1 = A_2$ и заключается, что полученное противоречие завершает доказательство. Однако возникает вопрос: можно ли назвать доказательством то, что приводит к утверждению, противоречащему нашему же предположению $A_1 \neq A_2$? Ведь $A_1 \neq A_2$ есть предположение, а не ранее доказанный факт, не аксиома, не принятое ранее определение. Обратимся к конкретным теоремам.

Теорема 2 (единственность нуля в аксиоматике множества \mathbb{R}). На множестве \mathbb{R} существует только один нуль.

Традиционное доказательство. Предположим, что существуют два нуля 0_1 и $0_2 (0_1 \neq 0_2)$. Применим аксиому коммутативности сложения:

$$0_1 + 0_2 = 0_2, 0_2 + 0_1 = 0_1 \stackrel{0_1 + 0_2 = 0_2 + 0_1}{\Rightarrow} 0_1 = 0_2$$

что противоречит нашему же допущению $0_1 \neq 0_2$. \blacktriangleright

Альтернативное доказательство. Предположим, что существуют два нуля 0_1 и $0_2 (0_1 \neq 0_2)$. Применим аксиому существования нуля:

$$0_1 + 0_2 = 0_2, 0_2 + 0_1 = 0_1 \stackrel{0_1 \neq 0_2}{\Longrightarrow} 0_1 + 0_2 \neq 0_2 + 0_1,$$

что противоречит аксиоме коммутативности сложения.

Теорема 3. Если $a \neq 0$, то решение $x^* = b/a$ линейного уравнения ax = bединственно, где $x, b \in \mathbb{R}$.

Традиционное доказательство. Предположим, что это уравнение имеет два решения $x_1, x_2, x_1 \neq x_2$. Тогда по определению понятия решения должны выполняться равенства $ax_1 = b$, $ax_2 = b$ откуда $x_1 - x_2 = b/a - b/a = 0 \Rightarrow x_1 = x_2$, что противоречит нашему же предположению.

Альтернативное доказательство. Предположим, что это уравнение имеет два решения $x_1, x_2, x_1 \neq x_2$. Тогда по определению понятия решения $ax_1 = b$, $ax_2 = b$ откуда $b/a - b/a = x_1 - x_2 \neq 0$, что противоречит аксиоме существования противоположного числа: $\forall x \in \mathbb{R} \exists y \in \mathbb{R} [x + y = 0]$.

Новые доказательства двух теорем Вейерштрасса

Пусть $f: X \to Y$ — некоторая функция, где X = [a; b].

Теорема 4. $f \notin \Omega(X) \Rightarrow f \notin C(X)$.

◀ МОП. Допустим, что доказываемое утверждение ложно. Тогда его отрипание лолжно быть истинным:

$$f \notin \Omega(X) \land f \in C(X) = tru$$
.

 $f \notin \Omega(X)$ означает: f неограниченная функция хотя бы в одной точке отрезка X, а $f \in C(X)$ означает: f локально ограниченная функция в каждой точке отрезка Х. Так что наше допущение оказалось не совместимым с законом исключенного третьего. ▶

Следствие (первая теорема Вейерштрасса). Если функция f непрерывна на отрезке X, то она на этом отрезке ограничена: $f \in C(X) \Rightarrow f \in \Omega(X)$.

◀ К теореме 4 применить закон контрапозиции. ▶

Пусть f — непостоянная функция на отрезке X.

Теорема 5. Если функция f непрерывна на отрезке X, то множество ее значений есть отрезок:

$$f \in C(X) \Rightarrow \exists A, B \in \mathbb{R}(A < B) \ \forall x \in X[f(x) \in [A; B]].$$

◀ МОП. Предположим, что доказываемое утверждение ложно. Тогда его отрицание истинно: $\forall A, B \in \mathbb{R}(A < B) \exists c \in X [f(c) < A \lor f(c) > B] \doteq tru$, т.е. функция f на отрезке X не ограничена и по теореме 1 $f \notin C(X)$, что противоречит условию.

Следствие (вторая теорема Вейерштрасса). Если $f \in C(X)$, то на отрезке Xфункция f принимает свои наименьшее и наибольшее значения.

Новое доказательство теоремы Кантора-Гейне

Приведем традиционные определения понятий «непрерывность функции на отрезке», «равномерная непрерывность функции на отрезке» и их отрицания соответственно:

$$\forall x \in X \ \forall \varepsilon > 0 \ \exists \delta > 0 \ \forall y \in X \Big[|x - y| < \delta \Rightarrow |f(x) - f(y)| < \varepsilon \Big]; \tag{7}$$

$$\exists x \in X \ \exists \varepsilon > 0 \ \forall \delta > 0 \ \exists y \in X \left[|x - y| < \delta \land |f(x) - f(y)| \ge \varepsilon \right]; \tag{8}$$

$$\forall \varepsilon > 0 \,\exists \delta > 0 \,\forall x \in X \,\forall y \in X \big[\big| x - y \big| < \delta \Rightarrow \big| f(x) - f(y) \big| < \varepsilon \big]; \tag{9}$$

$$\exists \varepsilon > 0 \ \forall \delta > 0 \ \exists x \in X \ \exists y \in X \Big[\big| x - y \big| < \delta \land \big| f(x) - f(y) \big| \ge \varepsilon \Big], \tag{10}$$

где X = [a; b]. Далее нам понадобится полукоммутативность кванторов \exists, \forall : если $\exists x \, \forall y \, H(x,y) \doteq tru$, то $\forall y \, \exists x \, H(x,y) \doteq tru$, т.е.

$$(\exists x \,\forall y \, H(x,y)) \Rightarrow (\forall y \,\exists x \, H(x,y)), \tag{11}$$

где H(x, y) — двуместный предикат.

Теорема 6. $f \notin C(X) \Rightarrow f \notin C_u(X)$.

$$\P \notin C(X) \Leftrightarrow \begin{cases}
(8) \\
\Leftrightarrow \exists x \in X \exists \varepsilon > 0 \,\forall \delta > 0 \,\exists y \in X \Big[|x - y| < \delta \land |f(x) - f(y)| \ge \varepsilon \Big] \Leftrightarrow \\
\Leftrightarrow \exists \varepsilon > 0 \,\exists x \in X \,\forall \delta > 0 \,\exists y \in X \Big[|x - y| < \delta \land |f(x) - f(y)| \ge \varepsilon \Big] \Rightarrow \\
(11) \\
\Rightarrow \exists \varepsilon > 0 \,\forall \delta > 0 \,\exists x \in X \,\exists y \in X \Big[|x - y| < \delta \land |f(x) - f(y)| \ge \varepsilon \Big] \Leftrightarrow \\
(10) \\
\Leftrightarrow f \notin C_u(X). \quad \blacktriangleright$$

Следствие $f \in C_{\mu}(X) \Rightarrow f \in C(X)$.

Теорема 7. $f \notin C_{\mu}(X) \Rightarrow f \notin C(X)$.

■ Применим МОП в форме $(U \Rightarrow V) \Leftrightarrow (U \land \neg V \Rightarrow npomusopeuue)$, где $U \doteq f \notin C_u(X), V \doteq f \notin C(X), \neg V \doteq f \in C(X)$. Пусть доказываемое утверждение ложно. Тогда его отрицание должно быть истинным: $f \notin C_u(X) \land$ $\land f \in C(X) = tru$. Имеем

$$\begin{cases}
\exists \varepsilon > 0 \ \forall \delta > 0 \ \exists x \in X \ \exists y \in X \Big[|x - y| < \delta \land | f(x) - f(y)| \ge \varepsilon \Big], \\
\forall x \in X \ \forall \varepsilon > 0 \ \exists \delta > 0 \ \forall y \in X \Big[|x - y| < \delta \Rightarrow |f(x) - f(y)| < \varepsilon \Big]
\end{cases} \Leftrightarrow \begin{cases}
\exists \varepsilon > 0 \ \forall \delta > 0 \ \exists x \in X \ \exists y \in X \Big[|x - y| < \delta \land |f(x) - f(y)| \ge \varepsilon \Big], \\
\forall \varepsilon > 0 \ \forall x \in X \ \exists \delta > 0 \ \forall y \in X \Big[|x - y| < \delta \Rightarrow |f(x) - f(y)| < \varepsilon \Big].
\end{cases} (12)$$

Чтобы показать несовместность системы из двух утверждений (12), отрицаем второе утверждение и с учетом (11) продолжаем:

$$\exists \varepsilon > 0 \ \exists x \in X \ \forall \delta > 0 \ \exists y \in X \Big[\big| x - y \big| < \delta \land \Big| f(x) - f(y) \Big| \ge \varepsilon \Big] \stackrel{\text{(11)}}{\Rightarrow}$$

$$(11) \Rightarrow \exists \varepsilon > 0 \ \forall \delta > 0 \ \exists x \in X \ \exists y \in X \Big[\big| x - y \big| < \delta \land \big| f(x) - f(y) \big| \ge \varepsilon \Big],$$

что в точности совпадает с первым утверждением системы (12). А это значит, что (12) есть система двух утверждений, таких, что первое из них является отрицанием второго.

Следствие (теорема Кантора-Гейне). $f \in C(X) \Rightarrow f \in C_n(X)$.

Таким образом, доказан критерий равномерной непрерывности функции на отрезке: $f \in C(X) \Leftrightarrow f \in C_{\mu}(X)$ [3].

Примечание 2. Понятия непрерывности, равномерной непрерывности функции, теорема Кантора-Гейне для понимания крайне сложны. Для снятия этой сложности нужен глубокий анализ их основ на понятийном уровне. Однако представление их так, как это сделано выше, также упрощает их восприятие. Более того, в этом доказательстве теоремы Кантора-Гейне явно просматривается четкий алгоритм.

Анализ двух формулировок теоремы Больцано-Коши

Во многих книгах по математическому анализу (см., например, [4], [5], [6], [7], [8]) теорема Больцано-Коши формулируется так:

$$f \in C[a;b] \land f(a)f(b) < 0 \Rightarrow \exists c \in (a;b)[f(c) = 0]. \tag{13}$$

А в [9] она имеет следующую формулировку:

$$f \in C[a;b] \land f(a)f(b) < 0 \Rightarrow \exists c \in [a;b] [f(c) = 0]. \tag{14}$$

В (13) точка c принадлежит отрезку [a; b], тогда как в (14) она принадлежит интервалу (a; b). Тут же возникает вопрос о корректности формулировок (13), (14). Запишем утверждения, двойственные (13) и (14):

$$f \in C[a;b] \land \forall x \in (a;b) [f(x) \neq 0] \Rightarrow f(a)f(b) \ge 0, \tag{13'}$$

$$f \in C[a;b] \land \forall x \in [a;b] [f(x) \neq 0] \Rightarrow f(a)f(b) \geq 0.$$
 (14')

Для (13') и (14') единственно верным заключением является f(a)f(b) > 0, ибо f(a) f(b) = 0 несовместимо с первым условием. В таком случае наиболее полная формулировка данной теоремы примет вид

$$f \in C[a;b] \land f(a)f(b) \le 0 \Rightarrow \exists c \in [a;b] [f(c) = 0], \tag{15}$$

причем (13) не противоречит (15), а в (14) $c = a \lor c = b$ противоречит f(a) f(b) < 0. Правильность (15) подтверждается двойственной теоремой

$$f \in C[a;b] \land \forall x \in [a;b] [f(x) \neq 0] \Rightarrow f(a)f(b) > 0.$$
(16)

Итак, благодаря применению двойственных теорем устранена неточность в формулировке (14) теоремы Больцано-Коши. Более того, (15) можно назвать обобщенной теоремой. Что же касается доказательства (15), вместо него достаточно доказать (16), что совсем элементарно. В самом де- $\forall x \in [a;b][f(x) \neq 0] \Rightarrow \forall x \in [a;b][f(x) < 0 \lor f(x) > 0].$ Следовательно, f(a) f(b) > 0.

Исследование, представленное в пп. 1-6, является частью результатов многолетней работы автора данной статьи по анализу математических понятий, аксиом, теорем и доказательств теорем. Его первая прикладная цель — упрощение традиционных доказательств теорем в вузовских курсах математики и внедрение их в учебный процесс. В этом направлении автором накоплен положительный опыт, из которого, в частности, можно сделать следующие предварительные выводы. А именно, системное использование альтернативных доказательств благоприятствует тому, что у студентов:

- 1) начинает формироваться способность к анализу математических понятий и связей между ними;
 - 2) формируется позитивное отношение к теоремам;
- 3) появляется чувство сопричастности к доказательствам, если их организовать как коллективную работу с созданием проблемной ситуации;
- 4) создается база для активной работы с учебной, а в перспективе и научной литературой по математике.

Отметим, что в рамках упомянутого выше исследования могут быть созданы обновленные курсы лекций по математическим дисциплинам, а также специальный курс по доказательству теорем. Так как процесс доказательства теорем непременно сопровождается анализом причинно-следственных связей, такой спецкурс может рассматриваться как составная часть программы, например, по подготовке будущих профессиональных аналитиков. И еще. Поскольку каждая доказанная теорема есть познание истины в форме связей между математическими понятиями, значение доказательства математических теорем выходит за рамки самой математики и граничит с познавательным процессом вообще, ибо в конечном счете, согласно Гегелю [10], мы познаем в понятиях.

Примечания

```
\mathbb{N}, \mathbb{R} — множества натуральных и действительных чисел соответственно;
   \neg, \land, \lor, \dot{\lor}, \Rightarrow, \Leftrightarrow — отрицание, конъюнкция, дизъюнкция, строгая дизъ-
юнкция, импликация и эквиваленция соответственно;
   ∀, ∃ — кванторы общности и существования соответственно;
    A \sim B — равносильность математических высказываний A и B;
   U \dot{\lor} \neg U — закон исключенного третьего;
   (U \Rightarrow V) \sim (\neg V \Rightarrow \neg U) — закон контрапозиции;
   (U \Leftrightarrow V) \sim (\neg V \Leftrightarrow \neg U) — закон противоположности;
   \neg (U \Rightarrow V) \sim (U \land \neg V) — отрицание импликации;
   МОП — метод от противоположного (традиционно от противного);
   E^{n} — евклидово пространство размерности n.
   \|a\|_{E^n} = \|a\| — норма вектора a в E^n;
```

«◀, ▶» — начало и конец доказательства теоремы;

S — множество всех сходящихся последовательностей в E^n ;

 $\{a\}=\lim \left\{a^{(m)}
ight\}$ — стационарная последовательность $\{a\}\in E^n$ есть предел

последовательности $\left\{a^{\binom{m}{2}}\right\} \in E^n$;

 Φ — множество всех фундаментальных последовательностей в E'';

 $\Omega[a;b]$ —множество всех функций, ограниченных на отрезке[a;b];

C[a;b] — множество всех функций, непрерывных на отрезке [a;b];

 $C_u[a;b]$ — множество всех функций, равномерно непрерывных на отрезке [a;b];

$$U(x_0, \delta) = (x_0 - \delta; x_0 + \delta); U \doteq A - U$$
 — есть высказывание A ; $tru(truth), fal(false)$ — истина, ложь соответственно.

Список литературы

- 1. *Григорьева Т.П.* Философия красоты //Вопросы философии. 2007. №1. C. 61–74.
- 2. Галканов А.Г. Метод от противоположного и его применения к доказательству теорем: монография. М.: Изд-во МГУЛ, 2011.
- 3. Галканов А.Г. Принцип парности и его применения в математике: монография. М.: Изд-во МГИУ, 2007.
- 4. *Фихтенгольц Г.М.* Курс дифференциального и интегрального исчисления: учебное пособие для университетов и пединститутов. Том 1. М.: Наука, 1969.
- 5. *Никольский С.М.* Курс математического анализа: учебник для вузов. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2001.
- 6. *Кудрявцев Л.Д.* Курс математического анализа (в двух томах): учебник для университетов и втузов. Т. 1. М.: Высш. Школа, 1981.
- 7. Архипов Г.И., Садовничий В.А., Чубариков В.Н. Лекции по математическому анализу: учебник для вузов серии «Высшее образование. Современный учебник». М.: Дрофа, 2004.
- 8. *Берс Л*. Математический анализ: учебное пособие для втузов. Т. 1 /пер. с англ. Л.И. Головиной. М.: Высшая школа, 1975.
- 9. *Зорич В.А.* Математический анализ: университетский учебник. Часть I. М.: МЦНМО, 2002.
- 10. *Гегель*. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.

К ФОРМАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРЕЛИКАТОВ ДЛЯ ОДНОГО СУБЪЕКТА

TO FORMAL THEORY OF PREDICATES FOR ONE SUBJECT

ФОМИН Валерий Григорьевич — кандидат физико-математических наук, доцент, профессор кафедры математики МГГЭУ (e-mail: fomin@mggeu.ru).

FOMIN Valery Grygorievich — PhD in physics and mathematics sciences, Associate Professor, Professor in mathematics cathedra MGGEU (e-mail: fomin@mggeu. ru).

Аннотация. Рассматривается структура множества предикатов для одного предмета и ее изменение. Определяются операции обобщения с предикатами: congregate («собирание вместе») и option («выбор из множества»), которые определяют алгебру совместимых предикатов. Затрагивается семантика заданных предложений.

Ключевые слова: математическая логика, предикат, предмет, алгебра совместимых предикатов, семантика.

Summary. Describes the structure of the predicates set for a single object and its changes. Defined operations of generalization with predicates: congregate «gathering together» and the option «choice of a variety of» that determine the algebra of joint predicates. Affected semantics defined proposals.

Keywords: mathematical logic, predicate, object, algebra of joint predicates, semantics.

Каждый предмет как математический объект описывается своими свойствами, состояниями и действиями, то есть истинными предложениями с предикатами, множество которых для данного предмета меняется со временем, так как изменяются свойства, состояния и действия этого предмета.

К тому же, как известно, например, из традиционной логики, с предикатами производятся обобщающие операции, для которых важным условием является совместимость, непротиворечивость предикатов. Опишем математически множество предикатов для одного субъекта и его изменение, учитывая обобщающие операции с предикатами.

Структура множества предикатов для одного субъекта

Рассмотрим множество Ф содержащее все элементарные предикаты из предложений с субъектом s. Обозначим множество всех предикатов предмета s_i в данный момент времени t знакосочетанием Atr(t; s). Пусть в этом множестве существует некоторое подмножество предикатов AtrConst(s,), элементный состав которого не меняется со временем («портрет предмета», «предикатное ядро предмета» или «множество постоянно принадлежащих предмету предикатов»).

$$AtrConct(s_i) =_{def} \cap_t Atr(t; s_i).$$
 (1)

Множеством не постоянно принадлежащих предмету предикатов данного предмета s_i в данный момент времени t называется множество AtrChang $(t; s_i)$, содержащее те предикаты для данного предмета s_i , которые принадлежат этому предмету в данный момент времени t, но могут когда-нибудь в другой момент времени не принадлежать данному предмету s_i .

Множеством всех изменяющихся предикатов для данного предмета называется множество atrChang(s_i), содержащее те предикаты для данного предмета $s_{
m i}$, которые могут когда-либо принадлежать этому предмету и не принадлежат множеству постоянных предикатов предмета $AtrConst(s_i)$:

$$AtrChang(s_i) =_{def} \cup_t AtrChang(t; s_i).$$
 (2)

Таким образом, множество всех предикатов предмета в данный момент времени $Atr(t; s_i)$ состоит из двух непересекающихся множеств: постоянного множества неменяющихся предикатов $AtrConst(s_i)$ и некоторого множества изменяющихся предикатов для этого предмета AtrChang(t; s_i):

$$Atr(t; s_i) = AtrConst(s_i) \cup AtrChang(t; s_i).$$
(3)

Множеством всех предикатов предмета s_i называется множество $atr(s_i)$, элементы которого когда-либо принадлежали, принадлежат сейчас, будут принадлежать и (или) могут принадлежать предмету-индивиду s_i :

$$Atr(t; s_i) =_{def} \cup_t Atr(t; s_i).$$
 (4)

Множество всех предикатов предмета $atr(s_i)$ состоит из двух непересекающихся множеств: множества постоянно принадлежащих предмету предикатов $AtrConst(s_i)$ и некоторого множества всех изменяющихся предикатов этого предмета atrChang(s_i):

$$Atr(s_i) = AtrConst(s_i) \cup AtrChang(s_i)$$
.

что получается тогда, когда в равенство (4) подставляется соотношение (3) и затем используется равенство (2).

Очевидно, что в любой момент времени t

$$AtrChange(t; s_i) \subseteq AtrChang(s_i),$$

к тому же это следует из равенства (2).

<u>Утверждение.</u> Справедливо соотношение

$$\cap$$
t AtrChang $(t; s_i) = \emptyset$ atr.

Доказательство. Здесь рассматриваются все моменты времени t. Допустим, что данное пересечение множеств не пусто. Это значит, что во все моменты времени t существует предикат, который постоянно присутствует при предмете, то есть этот предикат должен принадлежать множеству постоянно принадлежащих предмету предикатов $AtrConst(s_i)$. Получено противоречие. Следовательно, пересечение множеств AtrChang $(t; s_i)$ при всех разных значениях t не содержит непустых предикатов, что требовалось доказать.

<u>Утверждение.</u> Справедливы следующие импликации для любого предиката α и любого предмета s:

$$\alpha \in \text{AtrConst}(s) \Rightarrow \exists \alpha \notin \text{AtrConst}(s);$$

 $\alpha \notin \text{AtrConst}(s) \Rightarrow \exists \alpha \in \text{AtrConst}(s).$

Доказательство. Первое соотношение следует из того, что предмет не может иметь два взаимно противоположных по смыслу предиката. Второе соотношение следует из того, что если ложно предложение, то его отрицание истинно.

Алгебра совместимых предикатов

Составные предикаты из элементарных предикатов создаются как обобщения нескольких предикатов с помощью двух операций: congregate (конгрегатеция & — «собирание элементов вместе») и option (опционция ∇ — «выбирание элемента из множества») [1].

Определение. Обобщающим конгрегатетивным («собирание элементов вместе») предикатом из двух предикатов β и μ называется предикат λ вида:

$$\lambda = \beta \& \mu$$
.

Для совершения операции конгрегатеции & используется союз «и» между предикатами. Например, «волшебный ...» = «совершающий нереальное действие» и «загадочный ...» и «невероятный ...» и «удивительный ...» и «чудотворный ...».

Определение. Обобщающим опциональным («выбирание элемента из множества») предикатом из двух предикатов β и μ называется предикат λ вида:

$$\lambda = \beta \nabla \mu$$
.

Для совершения операции опционции ∇ используется союз «или» между предикатами в исключительном смысле. Например, «экстремальный» = или «максимальный», или «минимальный».

Операции конгрегатеции & и опционции ∇ напоминают, соответственно, логические операции конъюнкцию и дизъюнкцию. Операции конгрегатеции & и опционции ∇ есть операции с предикатами, а не с предложениями, и их результаты не есть семантические значения.

Не каждый результат операций конгрегатеции и опционции выражается отличительным, уникальным именем, идентификатором. Это не значит, что данные операции нельзя совершать.

Произведем расширение множества предикатов Ф до множества Ф_п, добавляя отрицания каждого элементарного предиката. Рассмотрим такое подмножество предикатов Ф_s из множества всех рассматриваемых предикатов и их отрицаний Φ_n , в котором предикаты совместимы, то есть имеет место операция конгрегатеция & со всеми рассматриваемыми предикатами. Во множество совместимых элементарных предикатов Φ_s включается либо предикат, либо отрицание этого предиката, так как предикат и его отрицание есть несовместимые друг с другом предикаты. Совместимость предикатов определяется по существованию возможности сделать с этими предикатами операцию конгрегатеции &. Если предикаты несовместимы, то операция конгрегатеции & с ними невозможна, и наоборот.

Допущение. Допустим, что операции с предикатами конгрегатеция & и опционция ∇ на множестве Φ_s имеют следующие основные свойства [2]:

$$\alpha \& \alpha = \alpha$$

$$\alpha \nabla \alpha = \alpha$$

$$\alpha \& \beta = \beta \& \alpha$$

$$\beta \nabla \alpha = \alpha \nabla \beta$$

$$\beta \& (\alpha \nabla \gamma) = (\beta \& \alpha) \nabla (\beta \& \gamma)$$

$$(\alpha \& \beta) \& \gamma = \alpha \& (\beta \& \gamma)$$

$$(\alpha \nabla \beta) \nabla \gamma = \alpha \nabla (\beta \nabla \gamma)$$

$$\alpha \& \varnothing_{atr} = \alpha$$

$$\alpha \nabla \varnothing_{atr} = \alpha$$

Таким образом, на множестве совместимых элементарных предикатов Ф_s определяется алгебра совместимых предикатов Е, основные определяющие свойства которых указаны выше, и эта алгебра не является решеткой, так как не выполняется свойство поглощения.

Если со всеми элементами-предикатами произвольного множества *D* производится операция конгрегатеции &, то это записывается в виде $D^{\&}$, соответственно для операции опционции ∇ — в виде D^{∇} . При этом в случае операции конгрегатеции & будем говорить, что множество D находится в состоянии конгрегатеции (к-множество), а в случае операции опционции ∇ — в состоянии опционции (о-множество).

Множество изменяющихся свойств предмета atrChang (s_i) находится в состоянии «выбора элемента из множества» atrChange $(s_i)^{\nabla}$, то есть является омножеством, так как из него, возможно, будет взят предикат.

При постоянном значении времени множество $Atr(t; s_i)$ становится кмножеством $Atr^{\&}(t; s_i)$, и часть множества $AtrChang(t; s_i)$ переходит во множество $\mathrm{Atr}^{\&}(t; s_{\mathrm{i}})$ как элементы к-множества (те элементы множества $AtrChang(t; s_i)$, которые в данный момент принадлежат множеству $Atr(t; s_i)$).

Множество $AtrConst(s_i)$ находится в складываемом, конгрегатетивном состоянии, что обозначается в виде к-множества $AtrConst^{\&}(s_i)$. Также множество возможных мест нахождения предмета есть о-множество $\left(\cup_t x_i(t) \right)^{\nabla}$ (выборочное состояние).

Отсюда следует, что определение о представлении предмета в данный момент времени t можно записать в виде

$$s_i((AtrConst(s_i) \cup AtrChang(t; s_i))^{\&}; x_i(t))$$

где $AtrConst(s_i) \cup AtrChang(t; s_i) = Atr(t; s_i)$ в любой момент времени t.

Определение. Постоянным представлением (портретом) элементарного предмета s_i с учетом его всех постоянных элементарных свойств-предикатов в любой момент времени t и тогда, когда предмет s_i находится в месте пространства $x_i(t)$, называется кортежем множеств:

$$s_i^{\text{const}} \left(\text{Atrconst}^{\&}(s_i); x_i(t) \right).$$

Если при этом место определяется не точно, а как выбор из множества мест $\left(\cup_{t} x_{i}(t) \right)$, то это записывается в виде $s_{i}^{\text{const}} \left(\operatorname{AtrConst}^{\&} \left(s_{i} \right); \left(\cup_{t} x_{i}(t) \right)^{\nabla} \right)$.

Определение. Полным логическим представлением элементарного предмета s_i с учетом его всех постоянных и изменяющихся (возможных) элементарных свойств-предикатов независимо от момента времени t называется кортеж множеств

$$s_i^{\text{fill}} \Big(\text{AtrConst}^{\&}(s_i); \text{AtrChang}^{\nabla}(s_i); (\cup_t x_i(t))^{\nabla} \Big).$$

Сам кортеж имеет совокупность множеств, связанных операцией конгрегатеции &, так как эти множества перечисляются в смысле «собираются вместе».

Множественные операции с предикатами

Утверждение. Элементарные постоянные предикаты для одного предмета $atrConst(s_i)$, а также множество элементарных предикатов для одного предмета в любой фиксированный момент времени $Atr(t; s_i)$ образуют решетку с двумя бинарными операциями — объединение и пересечение множеств атрибутов.

Доказательство. Очевидно, что в указанных множествах для операций объединения и пересечения выполняются двойственные пары законов ассоциативности, коммутативности, идемпотентности и абсорбции [3].

В случае для множества элементарных предикатов для одного предмета в любой фиксированный момент времени $Atr(t; s_i)$ имеем решетку, зависящую от параметра времени t.

<u>Утверждение.</u> Элементарные постоянные предикаты для одного предмета $AtrConst(s_i)$ образуют булеву алгебру с операциями объединения, пересечения и дополнения множеств атрибутов, в которой роль нуля выполняет пустой предикат \varnothing_{atr} , а роль единицы — множество всех постоянных элементарных предикатов этого предмета $AtrConst(s_i)$.

Доказательство. Это следует из проверки всех основных свойств для указанных операций с множествами [3].

<u>Утверждение.</u> Элементарные предикаты для одного предмета в любой момент времени $Atr(t; s_i)$ образуют булеву алгебру с операциями объединения, пересечения и дополнения множеств атрибутов, в которой роль нуля выполняет пустой предикат $\varnothing_{\mathrm{atr}}$, а роль единицы — множество всех совместимых элементарных предикатов этого предмета в данный момент времени $Atr(t; s_i)$ [3].

Доказательство. Доказывается аналогично предыдущему утверждению.

В последнем утверждении рассматриваемая булева алгебра зависит от параметра времени t.

Изменение множества предикатов во времени

Определение. Добавлением предикатов или (и) добавленными предикатами для предмета s_i при изменении времени t от t_1 до t_2 называется множество предикатов Δ^+ Atr $(t_1; t_2; s_i) = \Delta^+$ AtrChang $(t_1; t_2; s_i)$, которое определяется соотношением

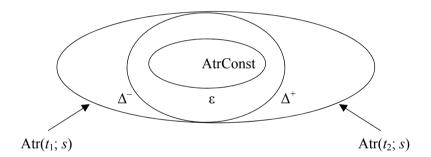
$$\Delta^+$$
 Atr $(t_1; t_2; s_i) = Atr(t_2; s_i) - Atr(t_1; s_i)$.

Определение. Убавлением предикатов или (и) убавленными предикатами для предмета s_i при изменении времени от t_1 до t_2 называется множество предикатов Δ^{-1} Atr $(t_1; t_2; s_i) = \Delta^{-1}$ AtrChang $(t_1; t_2; s_i)$, которое определяется соотношением

$$\Delta^{-} \operatorname{Atr}(t_1; t_2; s_i) = \operatorname{Atr}(t_1; s_i) - \operatorname{Atr}(t_2; s_i).$$

<u>Утверждение.</u> Справедливо равенство $\Delta^+ Atr(t_1; t_2; s_i) \cup \Delta^- Atr(t_1; t_2; s_i) =$ $= \operatorname{Atr}(t_1; s_i) \cup \operatorname{Atr}(t_2; s_i) - \left(\operatorname{Atr}(t_1; s_i) \cap \operatorname{Atr}(t_2; s_i)\right).$

Доказательство. Это легко видно из диаграммы Вена (см. рис.) для рассматриваемых множеств в общем случае.

Puc

Определение. Неизменившимися предикатами во множестве изменяющихся предикатов AtrChang $(t; s_i)$ для данного предмета s_i за время t от t_1 до t_2 называется множество $\varepsilon(t_1;t_2;s_i)$, которое определяется по формуле

$$\varepsilon(t_1; t_2; s_i) = \text{AtrChang}(t_1; s_i) \cap \text{AtrChang}(t_2; s_i).$$

Утверждение. Справедливо равенство

$$\varepsilon(t_1; t_2; s_i) = \operatorname{Atr}(t_1; s_i) \cap \operatorname{Atr}(t_2; s_i) \operatorname{AtrConst}(s_i).$$

Доказательство. На рис. обозначено множество $\varepsilon(t_1;t_2;s_i)$. Отсюда следует справедливость утверждения.

<u>Утверждение.</u> Справедливо равенство

$$\varepsilon(t_1; t_2; s_i) = \operatorname{Atr}(t_1; s_i) \cup \operatorname{Atr}(t_2; s_i) - \Delta^+ \operatorname{Atr}(t_1; t_2; s_i) - \Delta^- \operatorname{Atr}(t_1; t_2; s_i) - \operatorname{AtrConst}(s_i).$$

Доказательство. Имеет место множественное соотношение

$$\operatorname{Atr}(t_1; s_i) \cap \operatorname{Atr}(t_2; s_i) = \operatorname{Atr}(t_1; s_i) \cup \operatorname{Atr}(t_2; s_i) - \Delta^+ \operatorname{Atr}(t_2; t_2; s_i) - \Delta^- \operatorname{Atr}(t_2; t_2; s_i).$$

С учетом предыдущего утверждения приходим к справедливости данного утверждения.

Семантика предложений с предикатами для одного субъекта

Рассмотрим семантические значения # предложений $\alpha(s)$ с одним предметом *s* и предикатами: $\#\alpha(s) \in [0;1]$.

Допущение. Пусть справедливы равенства для любых предикатов и предме-TOB:

$$(\alpha \& \beta)(s) = \alpha(s) \land \beta(s);$$

$$(\alpha \nabla \beta)(s) = \alpha(s) \lor \beta(s).$$

Здесь указаны логические операции для предложений: конъюнкция \land и дизъюнкция ∨.

<u>Утверждение.</u> Справедливы для любого предмета *s* и любых предикатов следующие соотношения:

$$\alpha \notin \operatorname{atr}(s) \Rightarrow \#\alpha(s) = 0;$$
 (5)

$$\alpha \in AtrConst(s_i) \Rightarrow \#\alpha(s) = 1;$$
(6)

$$\exists \alpha \notin AtrConst(s) \Rightarrow \#\alpha(s) = 1;$$
 (7)

$$\alpha, \beta \in AtrConst(s) \Rightarrow \#\alpha(s) \land \beta(s) = 1;$$
 (8)

$$\alpha \in AtrConst(s) \land \chi \in \Phi \Rightarrow \#(\alpha(s) \lor \chi(s)) = 1.$$
 (9)

Доказательство. Импликация (5) следует из того, что множество всех атрибутов предмета atr(s) включает в себя те предикаты, которые либо постоянно имеет предмет s, либо будет их иметь когда-нибудь. Соотношение (6) говорит о том, что во множество постоянных предикатов AtrConst(s) входят предикаты только из истинных предложений $\alpha(s)$. Импликация (7) есть очевидное следствие формулы (6). Соотношение (8) есть распространение импликации (5) на конъюнкцию. Соответственно соотношение (9) есть распространение импликации (5) на дизъюнкцию.

Здесь приведены только некоторые особенности логических операций с высказываниями, имеющими совместимые предикаты для одного субъекта.

Таким образом, в работе показано, что рассмотрение совместимых предикатов только для одного предмета позволяет выявить достаточно тонкие свойства множества предикатов. Алгебра совместимых предикатов для одного субъекта, построенная на множестве совместимых предикатов из истинных предложений с данным субъектом, имеет уникальные свойства.

Список литературы

- 1. *Fomin V.* Algebra of Compatible Predicates //French Journal of Science and Education, Paris, 2014, №2. P. 73–84.
- 2. Φ омин B. Γ . Концепция теоретико-множественной модели формальной интенсиональной логики. Ульяновск: Симбирская книга, 2002. С. 128.
- 3. *Гуров С.И*. Булевы алгебры, упорядоченные множества, решетки. Определения, свойства, примеры. Изд. 2-е М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 352.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Н.А. Мазунина

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROCESS INTEGRATION PERSONS WITH DISABILITIES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

MAЗУНИНА Наталья Александровна — аспирант кафедры истории и философии МГГЭУ (e-mail: Gangstergirl777@yandex.ru).

MAZUNINA Natalia Alexandrovna — post-graduate the Department of History and Philosophy MGGEI (e-mail: Gangstergirl777@yandex.ru).

Аннотация: В статье рассматриваются различные подходы к пониманию феномена социальной интеграции в целом, а также процесс интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья в современное общество в частности. Делаются обобщения и выводы относительно дальнейших тенденций развития данного социального явления.

Ключевые слова: интеграция, лица с ограниченными возможностями здоровья, социальное явление.

Summary: The article discusses various approaches to understanding the phenomenon of social integration generally, as well as the process of integration of physical challenge persons in particular. The same made generalizations and conclusions on future trends of this social phenomenon.

Keywords: integration, physical challenge persons, social phenomenon.

При определении уровня развития любого общества основополагающими выступают не столько экономические показатели, сколько степень направленности государственных структур и социума на решение проблем слабо защищенных слоев населения. Особенно важной является социальная защита лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее — OB3)¹. Лица с OB3 в России составляют более 11% населения, а это указывает на необходимость повышенного внимания к процессу их социальной интеграции в современное общество.

В России долгое время не уделялось достаточного внимания этой проблеме. И только в последние годы государство сделало большой шаг вперед в ее решении. В первую очередь, речь идет о принятии 3 мая 2012 года федерального закона «О ратификации Конвенции о правах инвалидов», общими принципами

¹ В данной статье понятия «лицо с ОВЗ» и «инвалид» рассматриваются как тождественные.

которой являются «полное и эффективное вовлечение и включение в общество, равенство возможностей и доступность» [18, с. 8]. Большая часть работы по реализации Конвенции нашла свое отражение в федеральной целевой программе «Доступная среда», направленной на улучшения качества жизни инвалидов и лиц с ОВЗ.

Для начала рассмотрим основные и прежде всего философские подходы к пониманию феномена интеграции в целом. Сам процесс интеграции (от лат. integratio — соединение, восстановление) представляет собой объединение в единое целое ранее разрозненных частей и элементов системы на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости [6, с. 12].

В истории социальной философии взгляды на степень и механизм интеграции социальных систем претерпели значительные изменения. Так, для философов-утилитаристов (Т. Гоббс, Д. Локк) был характерен подход, при котором общество рассматривалось как «агрегат» автономных единиц, существующих на базе произвольных эгоистических интересов. Последователи функционалистской антропологии (К. Клакхон, А. Радклифф-Браун, Б. Малиновский) довели идею социальной интеграции до представления о полной интеграции общества [6].

Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето и Р. Парк определяли наличие интеграции социальной системы на базе общих для всех ее членов ценностей и норм. [4] К слову, феномен социальной интеграции впервые был описан именно Э. Дюркгеймом, который уделил большое внимание его исследованию, вкупе с социальной солидарностью и социальной сплоченностью. Согласно представлениям Э. Дюркгейма, механическая и органическая солидарности представляют собой два противоположных типа интеграционной системы [5]. При этом уровень интеграции, по представлениям Э. Дюркгейма, находится в зависимости от степени чувства принадлежности, испытываемого индивидом к некоей социальной группе, основанной на разделяемых ценностях, нормах и убеждениях, а также единстве целей.

Что касается понятия социальной сплоченности, то она рассматривалась Дюркгеймом как «способность общества обеспечить благополучие всех его членов, сводя к минимуму дисгармонии в развитии и избегая маргинализации людей» [9, с. 23]. Стоит отметить, что в конце XX века это понятие фактически обрело второе рождение в связи с ознаменованием качественно нового этапа интеграции государств Европы.

С позиции П. Сорокина, базисным элементом интеграции выступает характер и степень сходства индивидов. По Г. Зиммелю, интеграция протекает только через реализацию практик общения. В трактовке Э. Гидденса данный феномен понимается как упорядоченное, основанное на отношениях «автономии-зависимости» взаимодействие между коллективными образованиями и индивидами. Ч. Миллс также берет за основу процесса интеграции упорядоченность и порядок, косвенно указывая на значимость социального контроля в процессе формирования целостности общества. П. Бурдье же, напротив, полагает, что «нет ничего более универсального и объединяющего, чем трудности, которые приходится преодолевать индивидам» [3].

Стоит отметить, что интеграция свойственна процессу дифференциации, а усиление дифференциации позволяет усовершенствовать процесс интеграции, что в свою очередь находит позитивное отражение в целостности социальной системы. Отсюда следует вывод о необходимости установления между индивидами определенных функциональных связей (отношений взаимодействия) для достижения высокой степени социальной интеграции. Притом наличие пространства социальной интеграции способствует формированию у человека ожидаемого социального поведения, обусловленного его статусной принадлежностью.

- Н. Смелзер, проанализировав различные представления об интеграции в социологии функционализма, отмечал, что метод «современных функционалистов» (Р. Мертон, Т. Парсонс, К. Дэвис) состоит в определении частей общества, выявлении их положительных и отрицательных функций в таком их сочетании, которое складывается в картину общества как органического целого [9, с. 23].
- Ю. Хабермас в своей концепции коммуникативной рациональности, согласно которой общество становится самодостаточным благодаря влиянию социализации и культурной репродукции, определил социальную интеграцию как процесс, представляющий собой диспозицию социальных субъектов, объединенных разными типами коммуникации (кооперацией, консенсусом, конкуренцией и конфликтом).

В свою очередь П. Блау [14] использовал понятие интеграции при анализе групповой динамики, объясняя данный феномен, с одной стороны, процессами противостояния и конфликта, а с другой — в характеристиках прямого и непрямого социального обмена.

Отечественные ученые также внесли свой вклад в исследование данного социального феномена, при этом делая акцент на интеграции отдельных социальных групп, по тем или иным причинам дистанцированных от общества.

Так, П.Л. Лавров писал: «Противоречия между личностью и обществом порождаются или отсутствием у личности чувства собственного достоинства и идеи справедливости, т.е. идеи равноправности всех людей на всестороннее развитие, или несправедливым, безнравственным устройством общества. В первом случае общество обязано развивать личность, во втором личность нравственно обязана перестроить общество на принципах общественной солидарности и справедливости» [7, с. 44-45]. Иначе говоря, усиление общественной солидарности рассматривается им не только как неизменный результат общественного развития, но также в качестве идеала, определяющего направление развития.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие интеграции находится в центре внимания самых разных философских и социологических школ, независимо от применяемых ими подходов. Они схожи во мнении, что интеграция, наряду с дифференциацией, относится к числу процессов, характерных для развития любой социальной общности. Однако при этом исследователи расходятся во взглядах относительно направленности данного процесса и его обратимости в системе социального развития.

В целом социальная интеграция выполняет две основные задачи: во-первых, способствует консолидации индивидов на основании наличия общих ценностей, во-вторых, стимулирует возникновение межличностных связей между интегрированными индивидами и социальными группами и их взаимодействие.

Если говорить непосредственно об интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья, то здесь, несмотря на преобладание сугубо медицинского подхода к феномену инвалидности, анализ этого явления непосредственно связан с такими чисто социологическими понятиями, как стигматизация и дестигматизация. Авторы отмечают значительное влияние этих явлений на процесс изменения физического и социального самочувствия инвалида. Сама интеграция трактуется в первую очередь с позиции «деизоляции», совместного (инклюзивного) проживания в «нормальном» обществе и направлена на создание комплекса необходимых для этого социальных условий.

Понятие интеграции лиц с OB3, понимаемое H.C. Моровой как «процесс восстановления социальных функций личности» [16], практически равнозначно процессу социальной реабилитации. В то время как у Д.В. Шамсутдиновой интеграция, понимаемая как процесс усвоения индивидом требований и условий внешней среды, является по своей сути скорее процессом адаптации, протекающим во всевозможных жизненных ситуациях (семейно-бытовых, образовательных, профессиональных) [10, с. 74-78].

Проблема обоих подходов заключается в том, что и реабилитация, и адаптация не отражают всего смысла и объема процесса интеграции инвалидов в общество, а по сути являются лишь обособленными элементами системы, обеспечивающей данный процесс.

Российские исследователи часто акцентируют свое внимание на образовании как основополагающем институте социальной интеграции и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья (Ю. Тарский, О. Лаврова, В. Ярская, В. Нечаев, В. Левичева). Согласно их позиции, социальная интеграция связана непосредственно с функционированием социальных институтов семьи и образования. И с этим нельзя не согласиться. Безусловно, эти институты оказывают самое большое влияние на процесс социализации и интеграции личности (неважно, имеется ли в наличии инвалидность или нет).

Среди отечественных исследователей наблюдается некая схожесть в восприятии интеграции как процесса, способствующего всеобщей гуманизации и гармонизации общества. Однако, по мнению В.А. Петросяна, «интеграция как атрибутивный социальный процесс не имеет телеологической направленности, а представляет собой объективную закономерность» [17]. Действительно, нельзя утверждать, что процесс, обратный интеграции (дезинтеграция), неизбежно приведет к спаду общественного уровня гуманности и гармонии.

Следует понимать, что любая интеграция, включая интеграцию инвалидов в современное общество, обладает как позитивными, так и негативными моментами. Жизнь инвалида, полностью включенного (интегрировавшего) в общество, становится более полноценной, насыщенной и активной, но при этом требует от индивида намного больших усилий, нежели при пассивной социальной позиции, и это часто оборачивается физическими и моральными страданиями. Ведь в современных российских условиях, даже при наличии общей солидарности социума с необходимостью полного вовлечения лиц с ОВЗ в окружающее пространство, большинство инвалидов нашей страны по-прежнему не имеют возможности жить полноценно. Связано это, в первую очередь, с различного рода инфраструктурными барьерами, наличие которых требует конкретных конструктивных градостроительных и транспортных решений.

К тому же, несмотря на растущий уровень толерантности нашего общества к людям с инвалидностью, часть населения, исходя из проведенных автором статьи опросов, все же выражает отрицательное отношение к данному интеграционному процессу. Наличие в непосредственном окружении индивидов,

имеющих выраженные внешние изъяны, вызывает у них различный спектр негативных эмоций — от недопонимания до полного отторжения.

Можно предположить, что подобные настроения связаны не столько с личностными качествами самих инвалидов, сколько с давно сформировавшимися социальными стереотипами и даже чисто природными инстинктами (явление, не укладывающиеся в привычные рамки, способно вызывать подсознательный страх и желание избежать повторного столкновения). На наш взгляд, в качестве возможного инструмента смягчения негативного отношения путем создания некоего информационного посыла, поддающегося осмыслению, обладающего нравственной значимостью, а главное — раскрывающего более положительный, не отталкивающий образ человека с ограниченными возможностями здоровья, как раз могут быть использованы современные средства массовой информации.

Если говорить обобщенно, то понятие «интеграция инвалидов» в большинстве современных исследований трактуется как некий комплекс мероприятий, целью которого является восстановление нарушенных по причине болезни связей индивида с обществом. Это достигается путем создания благоприятных условий для скорейшей включенности инвалида в основные сферы жизни общества. При этом сам процесс носит однонаправленный характер — ранее отторгаемый объект вливается в общую систему.

Но для успешной интеграции индивида важна в первую очередь его личная заинтересованность в данном процессе и степень готовности принять активную социальную позицию. Именно в процессе социализации психобиологические задатки, заложенные в человеке от рождения, начинают реализовываться и преобразовываться в социально значимые личностные качества. Через социализацию идет процесс трансформации индивида из биологического существа в социальный субъект, целостную личность со своими индивидуальными психологическими особенностями.

Снижение уровня потенциальных возможностей инвалида неизбежно приводит к отклонениям в социализации и адаптации. Именно тогда появляется острая необходимость в комплексе мероприятий по социальной реабилитации. Целью данного процесса выступает восстановление социального статуса личности, его способностей к бытовой, профессиональной и общественной деятельности, обеспечение социальной адаптации для достижения физической самостоятельности и личной независимости человека с инвалидностью [12, с. 34].

Подводя итог, стоит отметить, что в связи с разнообразием подходов среди зарубежных и отечественных авторов к определению понятий «интеграция» и «интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья», необходима дальнейшая конкретизация их сущности. Интеграцию инвалидов следует рассматривать в качестве процедуры воссоздания социальной целостности через включение в общество людей с ограниченными возможностями здоровья. Именно целостное понимание и представление данного процесса формирует основания для конструирования эффективной социальной политики, позволяющей инвалидам не существовать, а полноценно жить.

Поэтому феномен социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья не должен рассматриваться в контексте какого-то одного направления. Находясь в тесной взаимосвязи с социализацией личности и включая в себя адаптационные и реабилитационные процессы, она вбирает весь спектр мероприятий по созданию условий для вхождения инвалидов во все сферы жизни современного общества. Интеграция лиц с ОВЗ, как и любая другая интеграция, направлена на преодолении социальной изоляции и дезинтеграции, которые в историческом контексте, безусловно, неизбежны.

На наш взгляд, для современного российского общества важность дальнейшего обеспечения процесса интеграции инвалидов обусловливается не столько растущей институциализацией данного феномена, заключающейся в принятии международных правовых актов, регламентирующих политику интеграции, сколько общественное осознание его необходимости. Ведь как ни парадоксально, в нашем социуме большинство процессов протекает не на основании закона, а исходя из сформировавшихся социально-нравственных установок.

Список литературы

- 1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
 - 2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1994. С. 245–248.
- 3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- 4. Асмолов $A.\Gamma$. Непройденный путь: от культуры полезности к культуре достоинства: Социально-философские проблемы образования. – М., 1992. С. 8.
- 5. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6-ти тт. Т. 5. Основы дефектологии /авт. послесл. и коммент. Э.С. Бэйн. – М.: Педагогика, 1983.
- 6. Зайцев Д.В. Социальная интеграция детей-инвалидов в современной России. – Саратов: Научная книга, 2003.
- 7. Лавров П.Л. Философия и социология //Избранные произведения в 2-x tt., T. 2. – M., 1965. C.44–45.
- 8. Парсонс Т. Функциональная теория измерения //Американская социологическая мысль. - М., 1994. С. 474.
 - 9. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998. С. 114.
- 10. Шамсутдинова Д.В. Социально-культурная интеграция личности в сфере досуга. – Казань: изд-во Казанского университета, 2001.
 - 11. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.
- 12. Социальная геронтология в схемах, таблицах и опорных конспектах: учебное пособие /сост. Т.П. Ларионова, Н.М. Максимова, Т.В. Никитина. – М.: «Дашков и К», 2009. – С. 34.
 - 13. Parsons T. The social system. Glencoe, 1951.
 - 14. Blau P.M. Exchange and power in social life. N.-Y., 1964.
- 15. Landecker W.S. Types of integration and their Measurement. /The language of social research. Ed. by Lazarsfeld P., Rosenberg M. – N.-Y., 1962;
- 16. Морова Н.С. Основы социально-педагогической реабилитации детей с ограниченными возможностями: дисс. ... д-ра пед. наук. – М., 1998.
- 17. Петросян В.А. Интеграция инвалидов в российское общество: дисс. ... д-ра соц. наук. – М., 2011, С. 2.
- 18. Российское информационное агентство (РИА) «Новости». Режим доступа: http://ria.ru/disabled vzrosl/20130716/950118181.html#ixzz39wiEs8xT (дата обращения: 16.07.14).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Вестник МГГЭИ является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин с учетом его профиля как вуза для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Обязательное условие публикации работ соискателей ученых степеней — рецензии и рекомендации кафедр, отзывы научных руководителей. Экспертиза рукописей осуществляется также на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Плата за публикацию в журнале не взимается.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Материалы представляются напечатанными в 2-х экземплярах через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа + электронный носитель; поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Термины и аббревиатуры, впервые встречающиеся в тексте, следует раскрывать (кроме общеупотребительных).

Объем: статей 10-20 страниц А4, аспирантских исследований — до 12, студенческих учебно-исследовательских работ — 5, рецензий — 4.

Страницы текста должны быть пронумерованы.

К рукописи прилагаются на русском и английском языках: 1) авторская справка: (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 2) аннотация (резюме) не более 15 строк; 3) список ключевых слов — до 7.

Ссылки на источники и литературу даются в квадратных скобках в тексте: указываетсяпорядковый номер источника и страница [12, с. 75]; список использованной литературы (кегль 12) помещается в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации (сначала работы на русском, после них — на иностранных языках). Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы (2 экз.) посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49, каб. 211. E-mail: RIO-mggei@yandex.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. При положительном решении автор берет обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.